

Станислав Айдинян

МЕХАНИКА
НЕБЕСНЫХ ЖЕРНОВОВ

Стихи двух веков

Издательство Гуманитарий
Москва
2014

УДК 821.161.1-1(081)Айдинян С.
ББК 84(2=411.2)6-5я44
А36

Айдинян, Станислав Артурович.

Механика небесных жерновов : стихи двух веков / Станислав Айдинян. – Москва : Гуманитарий, 2014. – 408 с. – ISBN 978-5-91367-104-2.

Агентство СИР РГБ

Основополагающая тема поэзии Ст. Айдиняна — подъём человеческой души из бездн лунного мира, полного соблазнов и страстей в духовную сферу, где слышится колокольный отзвук Логоса, царящего над сферой ангелов. Читатель найдёт в сборнике образцы теургической и эсхатологической поэзии. Идя таинственными страницами книги «Механика небесных жерновов», мы знакомимся с мыслями и чувствами поэта; со стихами, многие из которых вошли ранее в антологии, альманахи, сборники и иные публикации автора, чья поэтическая образная система культурно оснащена, тонка, творческая манера узнаваема, индивидуальна, она уходит корнями в Серебряный век. Цикл, посвящённый описаниям химер, уникален: никто не создал столько отдельных художественно-поэтических отражений этой фантастико-мистической темы, имеющей антропоморфные мотивы. Неповторим опыт своеобразного поэтического переложения трёх первых песен «Божественной комедии» Данте. Однострочным стихотворениям подобен подбор авторских «афоризмов, вопросов, парадоксов». Знаменателен поэтико-эссеистический вклад поэта в мировую «фаустиану». Текст сопровождается приложением — статьями о творчестве автора.

ББК 84(2=411.2)6-5я44

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ и Союза российских писателей

Книга издана в авторской редакции и корректуре

Иллюстрации Георгия Федоровича Цомакиона

ISBN 978-5-91367-104-2

© Академия гуманитарных исследований, 2014

© Издательский дом «Гуманитарий», 2014

© Айдинян С.А., 2014

© Козлова Л.Н., статья, 2014

© Мамлеев Ю.В., статья, 2014

© Рейдерман И.И., статья, 2014

© Цветаева А.И., статья, 2014

© Осепян Л.О., фотопортрет Ст. Айдиняна на обложке, 2014

*Стихи
из образов земных*

*

Стихи из образов земных
слагаются,
Как крылья птицы
слагаются –
Пред взмахом высоты.
И клёкот вещей тишины,
И гор причудливых громады
Довоплотиться строчкой рады,
Тоской по вечности полны.

*

Сергею Шелковому

Механика небесных жерновов
Невидимо земле необходима;
И пролетают мимо, сквозь века –
Ночей метеориты-пилигримы.
И музыки расплавленной нутро,
Что через хаос девственno струится,
Мелодию планет перепоёт
И Абсолютом солнца воплотится...

2012-10-11, Од.

*

Привратник мечется,
Он утерял ключи,
А ты над старой книгою молчи,
И вспоминай привал комедиантов...
Там, за вратами, мир чужой стучит,
А может лучше утерять ключи,
И тихо утонуть в поэзии вагантов...

Казантеп, Крымские дачи, 2012, авг.

*

Кто вечерней росой омоет?..
Кто кого под дождём укроет? –
Адаманты потухших глаз...
Дождь идёт за окном Вселенной,
Тлену – тлен. И приходит первой
Безответная ночь-звезда...
От неё разошлись лучами, –
Токи, сонмы – пребудут с нами
Слов, ниспосланных в даль-снега...
Там, в углу, где коптит лампада, –
Из киота – прощенье взгляда,
За плечами – размах крыла;
Далю даль. Меж полночных бдений
За порогом невозвращений
Мы пребудем за глубью дна,
Ночь светла. Мы ещё не тени, –
Мы проходим сквозь отраженья,
Отзыаваясь на шорох сна...

2009-11-25, M.

*

Я ездил на двух черепахах тогда, –
Не гасла на небе ночная звезда,
Узором восточным пылился мой путь,
Возница не мог бы волов повернуть.
Мои черепахи – степные волы
Меня протащили и мимо беды,
И мимо ненастья, и мимо золы,...
И мимо углей, что под ней до поры...
Я ездил на трёх черепахах тогда,
Когда раскалилась и пала звезда –
За белым холмом разветвляется путь,
Мои черепахи успели заснуть.
И спали они, как волы, на ходу,
Петух затрубил в заревую трубу –
И вспыхнуло солнце, и встало оно,
Как будто внезапно открыли окно.

Проснутся мои черепахи тогда,
Когда вновь появится свыше звезда,
Откроют глаза, выпрямляя мой путь,
С которого мне никогда не свернуть...

23 июль 2012, М.

*

2012-01-28, M.

*

Для тех, кто в чудеса не верит,
Чудес и вовсе не бывает,
И если никого не любишь,
То сердце глухо к чудесам.
Нет, камень тоже может чудом
Предстать и засверкать как льдинка,
Вот так и ты, сверкнёшь и гаснешь,
Потом уходишь в темноту...
А в темноте – зовут созвездья –
Мы в пустоте их наблюдаем,
Конечно, темнота не *поля*,
А током звёзд напоена...
Так капля мёда – солнцем лета.

Так капля мёда — пчел жужжаньем,
Так капля мёда красотою
Цветка небесного полна....

2001, лето, Одесса.

*

Мы куда-то так плавно,
так детски-свободно летим,
Мы во сне ощущаем ещё огневую свободу,
мы из пламени падаем в талую воду,
над скалистыми льдами свободно парим...
Ну а ниже, под нами, лишь облачный дым,
обещающий городу злую погоду...

2005-12-05, M.

*

Брожу уже давно по белу свету,
Как Агасфер, иль древний Аристид.
Невыразимою тоской задета,
Душа причалить к мели норовит —
У тех, кто на мели,
Бывает гордый вид...
И по морю бежит дорожка к свету.
Над нею стынет месяц-сибарит.
Я всё брожу, брожу по белу свету.

22 июль 2012, M.

*

Нам мифов прожитое солнце
Над территорией Вселенной,
Где яблоко висит в тумане.
И сны проглядывают в явь...
Пусть будет яблоко — растеньем,
В остатке — уксус сожалений,
В остатке — воздух — лепесток...

2010-07-17.

*

Садовник шёл по саду,
Спели вишни,
И ветви тёмнокоже нависали.
И пели птицы утренне-тревожно.
Садовник создал сад, его цветенье,
Озвученное птичым разногласьем.
И в птичьих спорах восходило Солнце,
Чтоб испарить садовую прохладу...
Там листья в тёплом ветре трепетали,
И ощущали – вот идёт Садовник,
Садовник в рясе, с посохом дубовым...

2012-03, M.

*

В небе тысячи исхожденных дорог,
Среди них одна –
Как чёлн к Ковчегу, –
На святой, сияющий порог
Коль причалить вам поможет Бог,
К Колоколу – лестница на небо...

1996-2003-01-20.

*

Где остановка мира и предел,
Где Тишины начало и паденье?
Где начинается и гаснет свет,
И где комет опасное скольжение?
Там остановка мира и предел,
Где всё со всем встречается и гаснет,
И там огонь тоскующий горит
На высоте звучащей и прекрасной,
В которой Колокол планет звенит...
Неслышимый и чистотою ясный
Тот, что над сферой ангелов висит...

2003-01-14, M.

*

Как медлит в тихом доме звук,
И стены явственно легки,
Ржавеет цепь разрыв-разлук
Вдали от высохшей реки.

Да, здесь ничто не навсегда;
И небеса так далеки,
И будет вечером привал
У нами выпитой реки...

Так медлит колокольный звук
И за шеломом города.
Бежит река разрыв-разлук,
И вслед реке молчит трава.

2005.

*

Когда от солнечных лучей
Величье Бога исходило,
Мы прозревали в суть вещей,
Нас ввысь вздымала Света сила...

Но вот погас небесный свет,
И в час затменья, в час печали
Мы очутились в темноте,
В которой просто одичали...

1979 Од, – 2012, Ларюшино.

*

Из звёзд, рассыпанных в рассрочку,
Туманность дней тепло искрится.
Из них покажется – то птица,
То мышь, то зяблик, то куница,
То смысл Вселенной воплотится
В туманно-гаснущем бессмертьи.

2007-04-22.

*

Куда уносится, куда уходит жизнь,
Когда открыты в сумрак тихий двери,
Когда в саду, в пруду, лягушка-тишь
Сидит и ждёт, в кувшинку глазки вперив?..
Куда уносится, куда уходит жизнь?..

2002.

*

Нас будит на заре печаль...
Гляжу в окно,
Там дремлет осень.
Бежит собака в лес
Вдоль сосен –
И хочется за нею вдаль...

2005-05.

*

Пчела летит к раскрытыму цветку,
И ласточка к гнезду у скал стремится,
Живое сердце – тихая Жар Птица
Уже смирила радужный полёт
И на оконце прошлого садится...

2006-01-03.

*

Как странно чувствовать, любить,
Когда кругом – одни распятья,
И Смерть, раскрыв свои объятья,
Смеётся над уменьем жить...

2004-12-24.

Золотистая осень

Золотистая осень
бредёт по осиновым тропам,
И по просеке млечной
Небесных высоких когорт

Сколько жизней прошло
Под сверканьем небесно-высоким,
Сколько высохло рек,
Сколько пало, осыпалось гор...

Золотистая осень?..
В ней золота нет и в помине,
Нет в ней и серебра,
Даже платины, в общем-то, нет...

Золотистая осень –
Метафора русской пустыни,
Где всегда ожиданье,
А позже –
Отчаянный снег...

2000.

Время разбрасывать камни

Время разбрасывать камни настало давно,
Мы разбросали, как камни,
Минуты и дни нашей жизни.
Камни бросали в костер,
Из костра полыхало зерно,
Злак лепетал о любви...
И о тrizне.
Вечности смертный налет на губах...
А вслед, –
Что на дороге ночной
Оставляем мы вечной порою?..
Люди уходят, зерно полыхает в костре,

Время гремело в набат,
А теперь засыпает к отбою.
Время нам камни сбирать,
Да иссяк камнепад.
Звёзды, как прежде,
Летят нам навстречу
В надежде...
Мы по волнам

— по ступеням —

Идём в водопад
И кто-то светлый
Встречает нас
в звонко-хрустальной одежде...

2001 29 11, M.

*

Как день проходит —
Так всё земное проходит
И проходит бесследно
И каждый хочет оставить след
И каждый хочет оставить
И каждый хочет
И каждый
Каждый...

2011-11-4, M.

*

Вода, притворившись дождём,
Добежала до магазина,
Но стены, окна и двери не пустили её внутрь,
Только билась вода о стёкла оконные,
Билась о стены,
Стучала,
Понимая, что ей не откроют
Те,
Кто пьёт её каждый день.

2011, Од.

*

Из стран печали
Странница-Судьба
Пришла ко мне
И села у порога.
Надбровною дугой
Ей радуга была.
Всегда ль Судьба
Идёт тропою Бога?
Всегда ль за нею
Светлых два крыла?..

2006, ноябрь.

*

Судьба,
Игла судьбы...
Изменчивое лето...
И осень с осенью встречаются опять.

Верблюд вошел в ушко,
Исполнились приметы,
И время нижет нить,
Дни направляя вспять.

2007-01.

*

Душа – как пленница,
Душа – как Афродита,
Душа – как пена огненных морей;
Душа – как буря, что всего сильней,
Душа – как у Набокова Лолита –
И шаловлива и порочно-скрытна,
Душа – как *повителию* увита
Тревожной памятью по-детски смутных дней,
На дне её колодец из теней...
Но к Свету в ней дорожка не размыта
Потоком горьких, как слеза, дождей...

2002-12-10, М.

*

Многотравье, солнце, день,
И над травами молчанье,
Травных листьев колыханье,
На лету гудящий шмель, —
Шмель исследует сирень,
Шмель — пчелиное познанье...

2013.

*

Яблоко — плод золотой,
Бырос от солнца Вселенной —
Сила от корня лучей, —
В райском, высоком саду.
Ева сорвала сей плод,
Чтобы познать прорастанье —
Как из зерна — пламенея —
Дерево вновь расцветёт...
Ева сорвала сей плод, —
Ева, рукою Адама...
Если бы сам он сорвал,
Сколь бы сердился Господь?..

2001, дек., М.

Создание

Мир создан не из хаоса и страха,
Мир создан был из трепета и света,
Мир создан был движением крылатым,
Мир создан был дыханьем Красоты.

2008.

*

Под снегом дремлющим зерном
Душа почти без чувства зреет;
Но пройден сон,
Душа мелеет
И исчезает под лучом.
Но в знойный, жаркий летний день
Душа впадает в сон о снеге,
Опять ей грезится покров
Из белых, как снежинки, слов...

*

Цель жизни — достиженье скорлупы,
Что Вечности огнем опалено,
Взлетает птица — мыслящий тростник
Шумит и вертится веретено.
Рыдает пустельга в речной тиши,
Огонь погас и тёмен древний лес,
Когортой туч взолнован Рим небес
И илом дней темнеет мыслей дно.

1992, Одесса.

*

Владимиру Долгорукому-Аргутинскому

Венец всесветного творенья
Срывают ветры нищеты
И оголенные персты
Прижаты к ранам вдохновенья.
Как кратко действие!
Жизнь есть миг,
А смерть всего лишь ослепленье,
И слеп Гомером каждый стих
В миллионократных повтореньях.
Бессмертие летит к богам,
Забытым в улицах Помпеи,
И страшен старец Канаан,
Бредущий ночью в Пропилеи...

*

В воздухе дорога, —
Путь мой млечный
Небо поит белым молоком.
Вижу — тихо вьётся Бесконечность
Тускло-звёздно-искристым дымком.
Верю в то, что звезды, разгораясь,
В бездны душ глядят из полумглы,
Что над нами, мыслями свиваясь,
Разум-Логос дремлет до поры, —
Мы живём во снах его, живого,
Мы лишь только «анимы» его;
Мысли мы, мы дрёмы, —
Полубоги, — полутени,
Полу-ничего...

1999, авг. воскресенье.

*

Зачем извёстка кувшину,
Хотя и полон он извёстки?
Зачем он полон, он не знает
И, значит, также человек,
Который полон чем — не знает...

2000. 06.19

Старик у окоёма

Старик лукавый с именем ребёнка,
Он удит рыбу прямо из печали.
Живёт ли он — не знает он давно, —
Зато он видит суть земного круга, —
Он знает, что усталость гонит птицу
К земле от неба, в небе — облака...

17 окт. 2000.

*

Берег – от суши,
Суша – от речки,
Речка – от неба,
Небо – от моря,
Море – вдали, корабли...
Море – от ветра,
Ветер – от шторма,
Шторм – от пучины,
Пучина – от вздоха,
Вздох – от луны...

*

Я как старая скрипка,
В потертом футляре, –
Храню в себе,
В своем деревянном теле,
Струнные голоса
Забытых мелодий;
Когда-то их слушая,
понимали,
Что жизнь – это звук,
Только звук...

2011, нояб., М.

Весь мир —
органный звук...

*

Кому — горечь мира и Бог?..
Мы верим, но Авеля Каин
На лунный возводит порог.
Лик неба так тускло печален
Как бледный смертельно клинок.
Над Каином Авель и Бог...

*

Вербный день, горящий на крови,
Господи, с креста благослови!
Вербный день — пылающий восход,
Господи, благослови его исход.
Белый конь проносится вдали,
Путь последний, Бог, благослови...

*

Весь мир — органный звук,
В котором ноты — тайны,
И рокот — трубный глас
Над ледяной землёй,
Где шепчутся миры...
Огромней и случайней
Чем неба — нет игры
Над зеркалом — водой.

*

Взмах отлетающий —
не крыльев, а перста.
От камня оторвалась пустота.
Из недр пещерных,
От огней и сил,
Взошел на небо Ангел — Гавриил...

*

Я верую, громада ослепленья
Спадает пеленой с запавших глаз.
Остановись, в тебе великий час.

И умолкают птицы-размышиленья.
Забвение струится тихо с гор,
В груди простор и жажда озаренья.

*

Я предрекаю восхожденье
В груди,
В земле,
Во лбу,
В зари –
Средь скал запел Орган Вселенной
И трубный глас зовёт –
– Взойди!

1986.

*

Тоскою страждущих извечно полон мир.
И падает в зияющие бездны
Тяжелый камень
Из сердец железных
На дно неисповеданных глубин...
Но исповедью растворится мгла
И небосвод раскрыт –
Лучом надежды
И снова свет сияющий и нежный
Позолотит у птицы два крыла...

2003.

Душа на снегу

Снег белее белизны,
Мы на нём черным-черны.
Но душа прозрачна?
– Нет!
Посмотри её на свет!..
Перед светом мы черны,
Свет – белее белизны.
Души освещает свет.

Он не холоден, как снег,
Он творит миры миров,
Светлый ангельский покров.
Без покрова мы больны,
«Дети мрака и луны».
Но победой будет Свет.
Так душа напрасна?
– Нет!

1994.

Полёт лотоса

Мне от шума, суеты
Улететь,
цветком раскрыться.
Ввысь, за звоном неба –
Птицы
Призывают небосвод
Просветлить живую землю.
Дивным светом мир объемлю –
Ростом стебля воплотясь,
Я вдыхаю дивный лотос,
В белых ветрах растворяясь.

1983.

Танка

Имени нет
Демонам сна,
Манит взглянуть
Вод глубина,
А глянешь на свет –
Демонов нет.
Лишь прозрачность одна
До дна.

Ты – вездесущий

В суровом беге колесниц,
И в солнце, жарко-ненавистном,
И в мглисто-сумрачной луне,
Везде — под камнем и на пне,
Живешь Ты, сокровенно-скрыто.
И волей, властью своей
Ты направляешь мир людей
К цветущим посохам молитвы,
Вдалъ, от неправедной ловитвы.

Божественное «До»

Регистр Вечности органно осветлён,
Хоралы звуков — в небо —
Вознесеньем

К основам мира,
«До» —
До всех времён
Главенствует как нота,
Нот творенье!
Божественный и точный,
Чудный звук...
В нем чудеса сплотились воедино —
Леса, пространства, реки, измеренья
Величием Творенья
Наизусть
Стихи от ангелов нисходят
В души,
Мимо —
Мертвееющих в материи,
И путь — взошел звездою...
Нота «До» — в движенье
К основе Мироздания
Плытёт
И — молниями —
Световдохновенье!..

Белый конь

Я слышал колокола звон
Во сне из образов и скал.
Нас месяц полный перенёс
Лучом своим в Эскуриал..
Там, под плащом испанских туч
Дымились молнии во мгле,
К ним поднимался гул молитв,
Каких не знают на земле.
По исполинским ступеням
Спускался всадник на коне,
Конь шёл с трудом, он припадал,
И кровь стекала по ноге...
Как, неужели Белый конь
Уже изранен змеем сил,
И время вертится змей
И кто-то воет из могил?..
Взошла кровавая заря
И опустилась тишина
На скалы, на дремучий лес,
На реку, тёмную до дна.
И в тишину ворвался глас
Из жёлра ангела трубы...
Тот звук и небеса потряс
И воды вспять волной пустил...
Среди небесного огня
Алеет всадник на коне,
Конь белый, белая броня,
Крепка перчатка на узде...
Так кончилась чреда времён,
Так кончился последний век,
По небу шёл последний конь,
На нём сидел не человек...

Огонь

Затеплишь искру-уголёк
И затрещит чуть-чуть осина

И малый, нежный язычок
Пойдёт ласкаться к древесине.

Уже дымок, уже пожар –
Костра трепещущие вздохи
Ярящийся и пылкий жар
И всполохи и искр потоки...

Огонь есть символ естества
И глубины, где лавы жилы,
И вертится, плывет Земля,
От Солнца набирая силы...

1999, Одесса.

Из цикла «Вода»

*

Вода, твой призрак дождевой –
Русалка в струях водопада,
Ты можешь выветриться в зной,
Но в глубине твоей – прохлада.

Вода, – ты горе берегов,
Тобой смываемых, как время, —
Уносишь ты годов песок
На дно, в тягучее забвенье.

Необозримый горизонт
Пузырчатой, свирепой пены
Накаты штормовых валов –
Как дней бегущих перемены.

1999 окт., Одесса.

*

Вода упала в пламенную мглу,
А раствориться так и не сумела.
Но растворяться в жизнь умеет тело
Нам кровь – вода на тёмном берегу.

Мы все у вечности в прямом долгу,
Все мы подведены под «растворенье»
Среди божественно-космического бденья
Мы – капельки на травах на лугу...

Из цикла «Корабли»

*

Корабль снов дрейфует под луной,
Одет её безумными лучами.
Он отражает страсть своей кормой,
Он жизни ветер ловит парусами.

Но сон пройдет и призрачный корабль,
Что снится как седым, так и безусым,
Причалит к прозаичным берегам,
Иль разобьется о скалу бездущья...

2001, янв.

*

Как грустно, что уходят корабли
В закатные лазоревые дали, –
Они плывут на край мечты-земли,
Они уходят в гавани печали

И там, сложив навеки паруса
Своих надежд и грустных сожалений,
Они идут на дно, в свою печаль,
Где парус не отбрасывает тени...

2001, янв.

Корабль Земли

Какой великий капитан
Ведет Корабль Земли по кругу,
Не зная боли, ни испуга,
Когда бушует Океан?..

Невидим Капитан Земли,
Его штурвал – Добро и Воля,
Пусть волны сфер гремят прибоем
И солнце светит сквозь дожди!

Кто снял ритмический чертеж
Со звезд пылающей Вселенной?
Единосущий и нетленный,
Он меч с любовью в мир принес...

2001, янв.

*

В театр веков
распахнуты врата,
Тевтонский меч
давно вморожен в камень.
Тетрарх заснул.
Желтеющий пергамент...
Не шелестит по-гречески строка.
Нить освещают белые огни.
В гробнице череп сторожит мгновенья, –
Не перекрыть всецелостного бденья
Той чуткости, –
без носа, без лица...
Над миром Логос сознает себя –
Он домышляет судьбы, дни, соцветья
Орнамент мыслей, снов, тысячелетий...
В его рассвете
Пирамида льда –
Астральный свет
грядущих огнелетий...

2000.

*

Крах чёрных волн
О берега надежд;
Осколки льдов и взрывы отражений, –

В них радуги слились в небесный Свет
И различился ясно Крест Вселенной...

2003-04-30.

*

Вечер, голос в темноте...
Тени те, или не те?
Кто-то входит из зеркал,
Кто недавно путь избрал.
Кто-то воплотился в дым,
Заклубившись из глубин.
Тени душами полны,
Души в дым заключены —
На мгновенье. Вновь летим —
Видишь — выше — херувим...

2003.

*

Пусть бешено несутся сквозь века
Пустые дни.
А Вечность — неизменна.
Она как глубина,
Лишь сверху пена
Минут, непостижимых до конца...

2004-02-25.

*

Пусть днесь и вечно будет Слово —
За звуковою шелухой
Мы прозреваем вечный Логос, —
Гром пред божественной грозой...

2008.

*

Кресты взывают к небесам,
Кресты приемлют Божьи стрелы;

С небес спускается волна
И куполов златит пределы...
Вокруг разлита тишина...
Чуть слышна музыка молитвы;
Дай, Боже, сил в последней битве,
В которой сгинет сатана!..

2011, весна.

*

Тот, кто обошёл себя,
Тот, кто ходит вокруг Иного,
Отражения дневного,
Истукана-тела, тот –
Обособленно и тонко
Будет видеть мир ребёнка,
Будет видеть вихрь миров,
Сдёрнут, отогнут покров.
Обойдя дневное тело,
Свет астральный ощущив,
Он сжигает тяготенье
И возносится над тенью –
Шорох – крылья вдохновенья,
Древний хор океанид
Глубиной хоралов Моря
Вслед дыханье волн струит.

*

Да, кто-то любит дождь,
А кто-то любит лето,
Кому-то осень – золотым руном,
Душа-невольница рожденьем разогрета
Влетает в тело, как ребёнок в дом.

Вбегает, а потом страдает тяжко,
Вериги из материи приняв,
Однако сколько воздуха и счастья,
Ты обретёшь, бесплотность потеряв...

2011-13, Од.

Пространства
прихотливый круг

*

Пространства прихотливый круг,
Что движется и своенравно гнётся.
Бывает глубже он колодца,
Куда заглядывает страх...
И эхо круга — мыслю мы зовём,
Оно звенит, поёт неугасимо
Среди случайных голосов
Слов-странников, спешащих мимо.

Гносиc

Глухой и сумрачный,
Как черновик Вселенной,
Исчерчен небосвод паденьем звёзд.
Кто нас в чертёж черновика занёс,
Глухой и сумрачный познанием
Вселенной?..

1994.

*

Верен огонь
пламенно-алым ступеням
столетий.

Он освещает лишь времяя.
То, чего нет, освещать —
Самый весёлый удел...

1994.

*

Жизнь коротка! —
Сказал я эху скал,
И от вершины ветер побежал,
Неся ответ, что смерть — ещё короче...

Вопрос

Нам – быть?..
Но... как нам быть?
Нам Гамлете ли верить,
Иль мирозданье Гамлетом измерить,
Привыкнув мерить мёртвое – живым?..

*

Из точки рождено зерно,
Его звено – в цепи столетий...
Пусть звеньями играют дети –
В руках игры веретено
Круженьем заворожено.

*

Когда не будет «Я» и «Ты»?
Когда слова кроваво-зримы
Не с уст, из ветра к нам придут,
Что с гор несётся на равнины.
Тогда не будет «Я» и «Ты»...

*

Кто глуп, ещё не значит – слаб,
Умён – всегда ль силён?..
Но если ты душою раб,
То в жизни будешь глуп и слаб,
Будь даже и умён.

*

Когда Вселенной правит Бог
И люди молкнут у порога,
Кто осознать огромность смог?
Кому – меж звёздами дорога?

*

Мне над свечою тающий огонь
Раскрыл глазам понятий ореолы –
К орлам и высям –

Взгляд с горы суровый –
На грубость теорем
И тщетность аксиом...

*

Там, над землею,
В ветрах пустоты
Жив мыслей отзвук
Радугой волнений
Под ним – обломки,
Границ построений
Разбитые о камни простоты.

Волны

Каскады волн
Раскрыли
веер
брьзг –
Потоки струй,
Опередив паденье,
Спешат упасть
В иные измеренья,
Оставив на песке,
В песчинках безвременья,
Вопрос,
Сомненье...

Память

Не ветхой паутиной сна,
Не древнею потерянной монетой,
И не стихотвореньем Фета,
В котором – поле, ночь, луна;
Нет, память – это дикий водопад,
Бурлящий тем, что чувства сохранили,
Его стремнина тонет лишь в могиле,
На дне которой – только Тишина...

2000. 05. 23.

Свет и светоч

С твоей душой побыть наедине –
С душой, единой с миром наважденья,
Где зеркала меняют отраженья
Неверен как огонь болотный свет.
Но глубоко под илом мутных дней
Есть светоч неземной, подводной тайны.
Все отсветы его как судьбы – неслучайны,
Все отсветы его – с небес сошедший свет.
Светло с душой побыть наедине
И «я» и «ты» меняются местами,
Однако не под землю ход для тайны,
Однако не с болот исходит свет...

2000.

*

День полон сил с утра.
Он сам себе творец,
Играет солнцем до полудня.
Конечно он влюблен, его шалунья
По небу птицей носится окрест;
Но в полдень, в час дневного беса,
Спадает с глаз его завеса –
Он видит – перейдён зенит
И к отдыку на берегу его уже стремит;
Стал несколько ленив, хотя еще не стар,
И трубкою дымит, как давних лет гусар...
А о дальнейшем я писать не буду...
Наш день – зенит, пускай звенит покуда...

2000, весна.

Путь ввысь

Меж Западом и Севером, Востоком,
Меж Югом и незримою чертой
Проходит путь незримой колеёй,
Проходит путь между тобой и роком.

Рок – эхо скал, ты – ветер против них.
Пусть осыпаются песчинки дней, столетий.
На склонах травы, выше – звёзд огни,
А дальше – темень ввысь, хвосты комет и ветер...

2000.

*

Скрипач провёл усталою рукою
По кругу диска – «Пишущий Амур»...

Шипит пластинка, вертится Земля
И наша жизнь летит, стремится к звуку.
Неясен голос, тянущий печаль.
Из трепетно-сверкающих созвучий
Встают, как скалы времени, века...

2000.

*

Я вижу мысли – кругом по воде
Расходятся...
Когда утонет камень, —
Краеугольный груз моих исканий
На дно идёт
В кромешной темноте...
И все же смысл бытия встаёт порой
Со дна души, сверкнув безумной гранью,
И светится святою простотой
Солнцерождённый миг миропознанья...

2001, февр. зима.

*

Возвращение тоже бывает
Нам смерти подобно –
Возвращение в прорубь холодную
Пасмурных дней;
Как позёмка метёт

По горам и долам, и по взгорьям,
И позёмкой сметает
И мысли, и чувства людей...
Так зачем нам исход
Из тепла, из мечтательных
горных просторов,
Где звезды одиноко мерцают
другой одинокой звезде,...
Ведь назад нет пути,
Но вперёд тоже нету дороги,
И великие древние боги
Давно покорились судьбе.

2001, окт., М.

*

Яблони снова цветут,
Яблони вновь плодоносят,
Сколько для Евы трудов —
Всё собирая и вкушай!

А не оборванный плод
Спелый, румяный и сладкий
Должен упасть на траву,
Сморщиться и умереть —

С тем, чтобы семя его
В добрую почву упало,
В ней расцвело, ожило
Снова чтоб яблоней стать...

2001, 17 дек., М.

Credo

Я верю в мира красоту,
Спасительную силу слова,
Прошедшего сквозь немоту
Завета трудного и злого.

Я верю в ветер над водой
И в парус истины под небом,
В котором образ вековой
Запечатлён просфорой хлеба.

Я верю в встречу всех времён
В единой, тайной светлой точке, —
В путь из неё в Священный Дом,
Куда идём поодиночке.

И верю в бесконечность сил,
В пульс сердца скрытого Вселенной,
И тень от истин вековых,
Высоких, скрытых и нетленных.

2000.

*

Любить людей — опасно,
Потому что они вероломны
И страстно влюблены в золото,
Давно уж опустившееся
До бумажного состояния...
Ненавидеть же людей — глупо,
Потому что ненависть —
От непонимания.
И любовь и ненависть —
От сердца...
Как огонь — от Солнца...

2002, 19 дек.

*

Всё превращается, дымится пенной мглой.
Всё движется, как змей клубок, по кругу;
Всё повторяется... И вновь пришёл покой.
Все чужды, все обречены друг другу...
Неужто скрытой жаждой пустоты,
Планета, словно сном, бесчувствием объята?

А жизнь – осколком вдохновения, мечты...
Нет, грозовой восход нисходит с высоты,
И чудится в лучах озона свежий запах...

*

Как узко раздвинуты
Ставни бытъя, –
Как трудно идти между «я» и «не я»,
Для утлых созданий последних времён
Закрыт на засов тайный ход в Аваллон.

2005-03. M.

*

Судьба, судьба,
Вы видели её?
Неуловимая,
Как птица над пустыней.
Она исчезла
В светлый Небосвод.
Настигнувши судьбу
И время пресечёт...

2006, зима.

*

Над лагуною рассвет,
Звёзды – свечи в изголовье,
День давно уже ослеп,
И прислушался к прибою...

Ждущий колокол времён
Колокол небесной тверди
Грянет и повеет смертью,
Но восстанет, кто силён.

Холод отольёт с лица.
Кровь взбурлила. В жилах – силы.
Не откроются могилы
Неизбежного конца?..

Кто имеет сердце – слышит.
Кто в овечьей шкуре дышит?
В хлеве тихо и темно...
Но звонарь не спит над миром –
Бурным, тёмным, боязливым;
Час настанет всё равно...

2007-01-24.

*

В пещерной чуткой глубине
Таится неба отраженье,
В котором облаков движенье,
В котором – ярко синий цвет.

Мы ищем высоты не там,
Где облака сияют высью,
А там, где своды снов нависли,
Там, где пещеры темнота.

2008, февр. М.

На вершине мира

Я словно на вершине мира,
Где цикл закончился земной,
И ледовитые громады –
Как памятник любви чужой.
Здесь не солжёшь,
Застыло время –
На нам неведомом пути,
И я вдеваю ноги в стремя,
Чтобы небесный путь идти.

2008-08-02

*

Свивает время девственный клубок...
Какие души вечности достойны?..
Бывает жизнь — как грязевой поток,
Бывает — как пустыня в полдень знойный.

И мудр и стоек тот, кто одинок,
Его, как мощный дуб, минует тот поток,
И не затопит корень глубоствольный...

2009, май.

*

Вокруг пустыня,
Берег бытия...
Трепещет мысль
Над бездной расставанья;
Песчинкою песка —
Разгадка мирозданья, —
И жизнь за жизнью —
Жизням нет конца;
Так и цветам —
Лишь осень —
Увяданье...

2009-05-22.

Средь

Средь непрочитанных стихов,
Средь неоплаченных счетов,
Среди нечитанных томов,
Средь незабытых вечеров,
Средь забываемых утрат,
Пред дверью мрачных, вечных врат,
Перед постом, перед жгутом,
Который сдерживает кровь,
Перед лжецом, перед лицом,
В котором важен глаз, не бровь.
Я знаю мир, что лицом дик,

Перед самим собою наг,
Его бурлящий, хриплый крик
Упал туда, где падал мрак.
И всё ж средь читанных стихов,
Среди оплаченных долгов,
Среди прочитанных томов,
Среди погасших вечеров
Мы жизнь пространную влечим,
Меняя мы дрова на дым...
Меняя воду на весло,
И нас волною отнесло, —
От склоненных уже лугов...
Отплыл подальше — был таков...
Средь неисхоженной воды
Не жди, останься на мели...
Не жди спокойных, светлых дней,
Всё тонет в суете своей.

26.11.2009.

*

E. Краснояровой

Нет, не грустит вчерашний день,
Его уж нет, любовь далече,
И сам ты сумрачным предтечей
Спокойно провожаешь тень...

Но тень мелькнёт. Мелькнёт опять...
Не звал... Её не станешь звать...
И уж не тень, а день вчерашний
Встаёт во сне огромной башней,
И нависает над тобой
Полуразрушенный и злой...
Но победит прозрачность неба,
И башня рухнет — как из снега,
Как под лучом с высот разящим, —
Вот прошлое пред настоящим.

2009-02-21.

*

С утра до вечера вино
и водку пьёшь, —
Конечно, в жизни далеко
ты не уйдёшь.

С утра до вечера любовь
у женщин просишь ты,
А получаешь лишь тела,
но... без любви.

В труд погрузился с головой —
Труд, только труд!
Но без вина и без любви
нет счастья тут!..

2012-02-11.

*

Утром рано встало времяя,
Побежало по тропинке,
По тропинке незнакомой,
Той, что люди протоптали...
Разве время есть само?..
Без людей оно бевластно,
Только рушить горы может
И морями управлять...
Каждый дышащий под небом
Точкою отсчёта станет,
Время быть не перестанет
Ну а солнцу — наплевать...

2012-10-04, Од.

*

Смерть без правил вышла на прогулку,
Вышла на прогулку,
Вот идёт она по переулку, —
Жизнь по правилам идёт навстречу,
Как Христу навстречу шёл Предтеча...

2009-02-27.

*

Великолепна ярость бытия
Пусть конь несёт
И порваны страницы –
И с них на волю пущены слова,
Они летят – как искры и как птицы...

Великолепно тонет тишина
Над полем, где неслись недавно кони,
Где ветер тихо проносил слова,
Уже не слышно стонов и агоний...

Они прекрасны –
Взрыв и тишина,
Они живут по Вечности закону.
И первый крик рожденья,
И луна, которой дышит тишь
на небосклоне.

*

Разбиться, выжить, умирая жить
В космической юдоли узнаваний,
Мечты о том, что опоздало быть
Сплотить в комок,
В ладони всех желаний,
Неумирающих,
Как воздуха финифть...
Разбиться, выжить, умирая жить...

Единорог

Единый звук,
Единый крик,
Единый рёв,
Дрожит язык.
Единый рёв,
Как трубный глас –
Единорог встречает нас.

В трубу, как в рог
Трубящий зверь.
Единорог,
Поверь, поверь,
Что где-то жив
Единорог,
Трубящий Западу – Восток.

*

Мы круг и возвращенье,
Мы – порог,
Всё на кругах своих,
А Бог – он круг кругов.

Пейзажи

*

Всё призрачно в странной холодной стране,
Где пыльные листья,
Где дождь при луне;
Луна одиноко мерцает сквозь дождь,
И ты под дождём,
Ты под ливнем идёшь –
Идёшь, осуждённый на ливень...
Идёшь и сияет навстречу луна,
Луна одинока и странна сама.
А туч, как ни странно, не видно,
Лишь капают слёзы обильно...

2002-06-10.

*

Ясный день склоняет синеву
По простору облачного поля...
Вынеси венец ночной на волю,
Жду его, немея на ветру...
Вынеси из облак синеву
На простор сияющего моря.
Скроют солнце тени за горою,
Месяц – тихий призрак поутру.

*

Вечер, алеет закат как рассвет,
Дымно луна устремляется в горы.
Призрак её заалел и исчез
В ветreno-алой небесной погоде...
Небо кипит – молодое вино –
Ветер прохладно, таинственно веет.
Птицы летят –
Да, закат – это ветер,
Остановиться ему не дано...

2003-01-24.

*

Как спокоен мир зелёный
Тихих ветров и долин...
Мы спускаемся с вершин
Взором солнца опалённых.

*

Строка одиночества плавно
Ложится под тонким пером
На море, на шёпот платанов,
На тень под высоким окном.

*

На сломах скал,
Где тать растворена,
Закат раскинулся
Багровой колёю.
Паденье коршунов –
И тихою ладьёю
Вплывает в мир
Огромная луна.

1994.

*

Это было?
Это стало?
Из-за мрака чёрных гор
Солнце дымно вырастало,
Туч дымился древний хор.

*

Я увидел луну
На заре.
Минареты сияли...
В раскалённой жаре
Миражи-облака умирали.
Оглянулся на свет

За спиною –
Мир качнулся,
Невидимой тронут волною.
Я очнулся –
Луны больше нет,
Светит солнца
Растерянный свет...

*

Я небу учусь у детей и стрекоз,
Не ангел ли тучу по небу пронёс?
Откуда летела, кружась, стрекоза?
Ей ангел шепнул: – Опускаться нельзя
На жаркое поле близ старых берёз...
Не ангел ли время на небо унёс?..

2014-03-09.

Омовение

Порывы бури –
гнев земли.
И тихий дождь –
её печаль.
Октавы капель
на листву,
Их звон уносит ветер
вдаль.
В широких взмахах
ветровых
Дыхание объемлет
ширь.
Прозрачной кровью
дождевой
Омоет чёрствь,
Окропит мир.

1982.

Шторм

Полеты ангелов над морем вековым
Гром шторма и накаты пены —
Здесь — Вечность, хор валов,
Что глухо-неизменны,
Надменность седины и бездны зов...

У горного озера

Лилии Трофимовне Гладковой, моей матери

Лучистой музыкой небесной чистоты
Спустилось чудо в горные поляны,
Где тень меж трав загадочна и пряна,
Дрожит ковёр цветочной пестроты...
И светлой тайной озеро души
Свергается летящим водопадом,
Сплетает утро Вечности ростки,
Меж скал восход — сверкающим туманом...

1998-99.

Землетрясение в горах

Летит стотонный обелиск
С вершин скалистых в реку, вниз.
Землетрясение в горах
С одежд камней стряхнуло прах,
И в дым клубящейся реки
Вонзились ветви как штыки,
А сорванные гнёзда птиц
Поток с птенцами тащит вниз —
На камни — валуны кругом,
И гибнет мир, как птичий дом...

*

С каким упорством открываем
Страницу пасмурного дня...
Дождь терпеливо ожидаем.
Омоет хмурый дождь меня...

Листва ещё не бронзовеет
И не краснеет от стыда,
За то, что тополь не умеет
Уйти под крышу от дождя...

*

Я раскрываю двери в старый дом,
Встаёт заря,
Зола ночного ветра, —
Алеет на восходе горизонт...
И в доме старом по углам огни,
Они отброшены от занавесок,
Что в ветре мечутся —
Как дивные бурлески — по белым стенам
Алые огни.
Они летят — бесплотны и равны,
То выйдут строем, то бегут толпою,
И тень, и ветер — брат с сестрой по крови,
Прозрачной крови
Божьей тишины...

2000-11-20.

Дуб

Вокруг вбивает сваи время.
Бегут, летят, кричат слова.
Вокруг несутся перемены —
От них кружится голова...
А дуб стоит,
Слегка колышет
Ветвями, зеленью листвы,
И воздухом — не суэты,
А сверху, с неба
Прямо дышит...

2003. Глядя из окна моего дома в Москве на дуб.

*

Куда-то подевался день,
Рассыпались во прах минуты,
И в потонувшие каюты
«Титаника» упала тень,
И череп улыбнулся Солнцу,
Чей луч проник в иллюминатор.
На череп тот глядели рыбы,
Не понимая ничего...
А водоросли плавно плыли,
Колеблясь средь песка и ила,
Они росли на чемоданах
И прорастали сквозь пенсне.
Часы давно остановились,
Давно не светят больше люстры,
Но череп улыбнулся солнцу,
И, значит, — жизнь живёт везде...

2004.

Цунами

Огромная волна накрыла небосвод,
И острова легли к подножию прибоя.
Волна сметает всё,
И, с жизнью яро споря,
Она вызывает духов хоровод,
Который смерть,
Как шторм ночной — поёт...

2005-01-04.

Русская картинка

Стужею дом окутан.
Теплом дымятся форточки...
Солнце встаёт красное-красное.
Морозно.
Шапка снега на крыше...

Плавно снег лежит,
Под солнцем не сверкнёт.
Солнце само — как бубен раскалённый,
Брошенный в снег.
Молчание.
Ни звука вокруг.
Ни снегирей, ни галок не видно.
Ни сорок, ни воробьёв — никого.
Но вот к дому из калитки —
Девица с коромыслом,
На нём — два ведра, полные водою.
Вот если бы пустые — дурной знак.
Хотя только пустотою можно что-то
Зачерпнуть из реки...
А к добру — полною чашею,
Налитые щедро, студено вёдра...
Вот оно как...

2006.

*

Стирать терпение с домика в глухи:
Как снег сгребать с заледенелой крыши, —
И просятся из-под подпола мыши
К теплу свежезатопленной печи:

Краснеет печка в зеркало уюта
Дом дремлет под кружение пурги, —
В душе текут невнятные минуты,
И за порогом не видать не зги...
Стирать терпение ластиком тоски...

2009-12-23.

Одиночество луны

Тихо восходит над лесом луна,
Воздухом ночи дубрава полна,
Тихо трепещет под ветром листок,
Солнца погасшего тонкий росток.
Тихо заходит за тучу луна,
Так одиноко, так долго одна.

2008, янв.

*

Холодно, звонко несутся когортами
Воды потока – как гривы коней,
И исчезают,
Где тьма дальновзорка.
Крылья над сводами ночи темней...
Плёску журчащее эхо пещеры
Плавно вторгается в водный отлив,
Крабы молчат и не мечутся рыбы,
Жабры под камни свои затаив...

2005, Toppe de Mar, Испания.

*

Деревья стояли по пояс в снегу,
Как кони, что замерли вдруг на бегу.
Средь листвьев древесных светила луна,
Лучиста, беззвучной печали полна.
В снегу отражаясь, искрились лучи,
Как будто шептали: «Замри и молчи!»
Однако молчание ветер унёс,
Сокрывши луну покрывалом из слёз.
И слёзы снежинками пали к ногам, –
Деревьев, – к их мёрзло ветвистым корням...

10.01.2010, М.

Ночной костёр

На тёмной густотравной поляне,
Там, где ночью лес начинается, —
Искристо тлеет
Брошенный кем-то костёр.
Кем-то брошенный жар углей
В сумерках тлеет,
Как жар души, кем-то брошенной...
Где-то далеко крикнула птица.
Смолкла.
Сгущается темнота.
Ветви нависли недвижно.
Шорохи — вдохи и выдохи леса...
Тлеет костёер, одинокий как жизнЬ.
И струится огневое тепло
К безмолвному тёмному небу
Постепенно хладея, угасая...
Пусть костёр, засыпая,
Умрёт своей смертью...

2012. 09. Од.

*

Вдоль тропы идёт гроза,
Дождь границ не преступает —
Вдоль тропы — сколь глаз хватает —
Степь и стены из дождя...

2010-06-21.

*

В полусне дождливого пространства
Застыает утрене душа,
Настороженно шуршат леса
В мороси дождливого пространства...

2013.

*

Пусть разметает ветер пыль
И грусть бесплодную июля,
В жаре оплавлен монастырь –
Надежд утерянных граворой...

Конец Августа

В недвижную жару разнеженного лета
Вплетает осень холодка нирвану,
И ветер чуть развеет солнцепёк,
Пересекая знойную поляну.

2011.

Ледяной зимний берег Чёрного моря

Нет, не Земля идет по кругу льдов,
Сам Норд, сам Север правит мощно льдами, –
Их торосы могучи перед нами,
Опливший ледяной роденовский покров
Из образов, плёнённых в наказанье...

*

Океан, темнота,
 Темнота Океана,
Обруч гневный сдавил небосвод.
Всё погасло.
Лишь скалы темнеют в тумане,
И корабль теченьем и ветром на отмель несёт.

Но не бросило днище о камни прибоя,
И корабль по небу, как облако, зыбко поплыл,
Чайки гулко кричали, и пели ветра, как гобои,
Океан, как врата, небеса кораблю отворил.

Из цикла «Города»

Город Александров

Город малый Александров,
Город тихий, город старый,
И в церквях его усталых
Время мудро задремало...
Грозы, туча над погостом,
Прояснилось блёкло небо.
Стаи галок, стаи чёрных
Запятными пишут небо.
Посох Грозного владыки
Здесь постукивал когда-то,
Здесь опричники, монахи
Из под рясы блещут латы...
Из ковша мёд-пиво льётся,
Из бездонного колодца
Щедрости царя Ивана
В рот, на бороды
И мимо –
В шубах меховых бояре
И от ликов на иконах
Дуновение незримых,
Что колеблет свечек пламя
В Слободе Богохранимой...
На охоту царь выходит
На охоту луговую.
Зайца коршун там находит...
Александров, Александров,
Город грозного владыки
Тут из памяти туманной
Стон замученных и крики
Несогласных с Государем...
Государь же при кончине
Схиму принял
И на небо
Он отправился как инок,
Все грехи земле оставил,
И державу, и порфиру...

2002, июнь, Ал-ов.

*

О, Александровская грязь!
Мы ей хвалу поём усердно
И тонем в ней немилосердно,
За сердце варежкой держась,
О Александровская грязь!
Как снег сойдёт — ты здесь от века.
«Фекали» кошек, человека
Слились, по-братски *сойденясь*.
О, Александровская грязь!
Портвойна битые бутылки,
Остатки единственной копилки,
Хомут, подкова, коновязь;
О, Александровская грязь!
В чердачной многолетней пыли
Здесь рукописи тихо жили,
Сто лет скрываясь и таясь,
О, Александровская грязь!
В грязи по самый мозг Россия
И бандюганы удалые
На джипах едут через грязь,
Ревя, блюя и матерясь.
О, Александровская грязь!
Но зацветут, зазеленеют
Сады вишнёво заалеют,
И солнце ослепит, смеясь,
Тогда опять уйдёшь до срока
В дожди, потоки водостока,
Вздымаясь, дыбясь и ярясь, —
Ты, Александровская Грязь!

В ночь с 11 на 12 апреля 2001-12-16, Ал-ов.

*

Александровский сад
Отцветающий, тающий вишней,
Александровский сад,
Что под белым домом кремлём
Александровский сад,

Стародавний, в цветеныи застывший,
Он цветеньем немым
Утверждает бессмертье своё...

2000.07.09. г. Александров.

Сузdalь

*Здесь Сузdalь –
Сорок сороков
Исчезли на Москве,
А в Суздали остались...*

Сузdalь – город белохрамный,
Сузdalь – город вековечный,
На плечах его, предплечьях:
На холмах, над малой речкой
В поднебесье смотрят храмы.
Смотрят зорко, неустанно
Видят храмы, видят Бога!
Головами храмы стали,
Будто под Благословенье,
Длани вечной Саваофа,
Господа земли и неба.
Неразлучны со Вселенной
Храмы в небо – куполами
Ждут и ждут благословенья,
И лежат под сводом храма
В раке скромной, деревянной
Мощи Сузdalьской Софии,
Покровительницы Града.
Вот, кто с неба с Богом смотрит
И душой лелеет храмы,
Что в обителях священных.

2005-02-07, Сузд.

*

Где сужается даль,
В горизонт превращаясь,
Там храмы
небу смотрят в лицо

И поют, колокольно поют
Претворение
Хлеба, вина – в облака,
Кровь заката
Над нами...
Так прощается
С нами
На небо глядящая Сузdalь,
В закат уходящая Суздаль...

2005-02-09.

Осенняя Таруса

Таруса приросла к Оке...
Тропинки близ домишек тёмных
Ведут ко храму на горе;
Леса вокруг густы, укромны...
Поляны трав быстрей пройти,
Песка недлинная полоска
Внизу виднеется неброско.
Там плотогоны по реке
Сплавляли брёвна по теченью,
И между листьев – тени, тени...
Догонят по пути к реке.

2005-05.

У Тарусы

Нет ветра над рекой,
Дымящейся в долине,
Молчат стога,
Молчит, течёт река;
Меж берегов, болотистых отныне, –
Не слышен звон –
Молчат колокола,
Тарусской церкви,
Небо светло сине...
Безмолвно исчезают облака...

2008, Т.

Песенка о Тарусе

Памяти Алексея Хвостенко

Таруса дремлет тихим летом,
Таруса тихо дремлет летом,
И вдоль неё течёт река,
Что называется Ока...

Река водой ещё зовётся,
Но лучше брать её в колодце;
Оки мелеют берега...
И есть ещё одна река:

Река Таруска мелководна,
Зато ведёт себя достойно,
И я иду по ней, и камни
Колышась, под ногой стучат...

Тут первозданное приволье,
Для ос и пчёл воды застолье,
Для пчёл и ос воды застолье, —
Обильный водопой всегда,
А жалят всё же иногда!..

Луга обильно муравьины,
У муравьёв рабочих спины, —
Куда-то тащат таракана...
Куда вы, милые, куда?!.
Всё, — утащили в никуда!..

Да, тут великое приволье,
Спокойно много лет на воле
Течёт и плещется река,
Что называется Ока!..

2012, август, Т.

Елабуга

Контур города, закат,
Церкви принимают небо –
Храм в слепящем обрамлены –
Свет над городом не гас;
И на облачный прилив
Ветра, солнца, ослепленья
Профиль женщины возник,
Как посмертное знамение.

1987-2008-06-09, М.

Аккерман

В лиманных далях Аккермана
Клубится девственный туман.
И Пушкин где-то, верно пьян,
Пером гусиным пишет стансы.
А чайки кличут ассонансы
Перед отлётом... на Монблан.

Б.-Д., 1997.

Рим

Круглоаркадный Колизей
Там, в Риме – обостренность чувства –
И гладиаторов искусство –
Античность ярых, ярких дней.

Царили тут Нерон, Веспасиан,
Сулла сенатствовал гордыней...
Над Римом восстаёт луна
Неукрощённою святыней.

2005-01-11.

Будапешт

Крепость Буда на холме.

За Дунаем Пешт простёрся,
Церковь Матиаша стройно
Готикой взывает к Небу,
Небо подпирает шпилем,
Выше – ясно, облака...

Византийские узоры

В чреве церкви оживают.

В полутемень сводов старых

Свет мистический прольётся
Жёлтый, красный, белый, синий –
Кровь и гной из ран Христа...

Сент., 2000, Будапешт-Москва.

Париж, Нотрдам

Божией Матери наше моление,
И поклонение –

Мир да простится молитвой ея,
Скорбная наша стезя...

24.09. 2005, Париж, Собор Парижской Богоматери.

Париж, июль

Нежней, чем старость,
Нежит нас июль,
Жара ещё не постучалась в двери,
Устал Париж,
И нет к нему доверья,
И мы в провинцию сворачиваем руль.

2005.

Альгамбра в Гранаде

Какие странные названья
Встают из глубины веков...
На башне пламенной Альгамбры
Есть призрак — маятник часов.
Над ним, над тучами — созвездья,
В них тонет тихий ход минут,
А во дворе, вблизи фонтана.
Нас чьи-то тени тяжко ждут.
Кто вколдовал зверей во мрамор?
Кто в белый камень львиный гнев
Клыков оскал, горящий адом,
Вковал и запер ото всех?..
И кто неслышно, словно кошка,
Крадётся в полночь галерей,
Когда из малого окошка
На башне свищет соловей?..
Когда весна вокруг, цветенье,
Альгамбры сказочный дворец
Весь в ожиданье озаренья —
На башне — Солнечный венец...

1999.

Из стихотворений
об Одессе

Одесса, осень

Волнуемая ветром тишина
Вздыхающих, как люди, переулков,
Туманная теплынь и глубина
Воздушных дней.
Вокруг карнатид
И величавых львов,
Изваянных Мармоне,
Вокруг сухих акаций шелестящих
И голубей, испуганно кружящих, —
Незримо бродит Осень —
Подступает сонно,
Чтобы опутать нитями дождя
Бледнеющие лица у влюбленных...

1999, Одесса.

*

Одесса — город городов,
Живущих яркой жизнью юга,
И Феодосия — её подруга,
И Аккерман и, может быть, Азов...

Одесса — город моря и оград,
По-русски люди сотни лет подряд
«За жизнь» легко и шумно говорят,
И официально соблюдают «мову»...

Вокруг себя ведут слов оборот
Игры на общий увлечённый счёт
Здесь женщины легки, остры и новы, —
Мужчины — шейлоки и казановы...

1998.

Из цикла «Жара в Одессе»

*

Здесь в Одессе плачут?
От жары!
Плачут дети, каменные бабы,
Плачут дамы, старики, прорабы,
И собаки плачут от жары...
Замерло.
И воцарился зной.
Зной-маньяк экваторною ночью.
Не заснуть.
У бредящих дождём
Капельки бегут от предвисочья...

Од., 2001.

Август, Одесса

На отдушинах города,
Как на трубах печных, — нагар.
Губы прохожих растрескались,
Камни почти белы:
Мы на шаг от идущего...
Обморок. Тротуар...
В кранах давно уже, кажется, нет воды.
Я слышал: —
Кого-то на улице скосил удар,
И вот дочка пьёт, внуки плачут,
У них почти нет еды...
На Софиевской — будьте добры — пожар.
И мы молча стоим, смотрим на чёрный дым...
В тёмном омуте луж не плывут отражения. Хмары
Мерцают и плавится, как плазма чёрной дыры.
Дамы едут в авто, не в колясках,
запряжённых конями, а жаль;
Китайскими веерами касаясь
Плотной поверхности
Этой жары...

2009-02-21.

Грустная картинка на весёлый лад

«Привоз» без рыбы –
Он как рыба без воды.
Когда-то, помню дни былые –
Рядами – камбалы, ставриды
И вязки –
Вязками бычки...
Но промелькнул за годом год,
И время –
Пропасти пролёт
Промчалось через край Вселенной,
Исчезли рыбы –
Почему?
Непостижимое уму
С Одессой приключилось наважденье...

В пучинах моря спал дракон,
Дракону снился древний сон,
Его случайно кто-то потревожил.
Дракон открыл стозубый рот,
И хлынул сероводород,
Как перегар из дяди Моти на «Привозе».
Остались навсегда на дне.
В драконном мутном древнем сне
Погибли от удушья рыбы.
Мораль картинки грустной сей
Она из праха и костей,
И жалко камбалы, бычков, ставриды.

Коль потревожил чей-то сон,
То жди беды –
Она, как стон
Раздавленного дверью попугая;
Она – проваленный закон Гармонии,
Как трели звон
Из-за угла к тебе летящего трамвая.

2001.

*

Одесса — коммунальная квартира,
Ключ от неё заброшен в море, —
Лежит на дне,
А мимо рыбы —
Толпою мелко-суетливой
Плынут к подножью Морвокзала,
Где пароходы ждут отплытья...

2008-09-26, Од.

Одесский климат

Моральный климат тёплый навсегда! —
Здесь южный ветер овеивает души.
Одесса расположена на сухе,
А мимо ходят-бродят корабли,
Которые идут на край земли.

2002-07-14.

*

Одесса — приключение,
Одесса — наваждение,
Одесса — исключение
Из правил языка.
Одесса — это точка
На карте сновидений,
Одесса — это почка
Цветения бытия...

2009.

*

Портной сошьёт
Из листьев город,
Портной не разгибает спину, —
Чтоб сплить проспекты,
Переулки, мосты,

Улыбки и печали
В единый как ковёр узор...
Ковер старинного «покроя»
Сюртук из вечности надет
На стены южного предместья...

2009.

*

Не верь молчанью чёрной тучи
Раздумья вециего полна,
Свой вихрь, свой дождь,
Свой огнь летучий,
Свой гром таит в груди она.

A. A. Голенищев-Кутузов

Шторм освещает всё в округе,
Как обречённые друг другу
В пучину смотрим мы тогда, —
Как гром-дракон бичует тучи,
По ним проходит «огнь летучий»,
Да, жизнь дана не навсегда.
Нам ставни, как глаза раскрыты,
И замер дом и одессыты
На море смотрят из окна,
Там вал песок несет со дна!..
Шторм взбаламутил все в округе,
Приникли к стёклам жертвы дня,
Дрожащими детьми... От страха?..
От ветра слёз мокра рубаха,
Нет, не отходят от окна...

2009-02-25.

*

Одесса седеет зимою,
Зимою природа немеет,
Ни чайки над мёрзнувшим морем,
И парус нигде не белеет...

2009.

Античное

Океаниды подступающие

Кружат кругом вокруг прибрежной пены,
Поют меж звёзд про дикую траву,
Что проросла на лбу у Минотавра,
Рога заглохли в зелени. И вот –
Уж подступает море к Лабиринту.
Волненье! В ком сейчас забьётся сердце?..
Вокруг кого заплещет хоровод
Океанид, весталок Океана?..
Кого венчают зовом глубины?..
И кто в наплыве водного хорала
Из амфоры души мечтаний масло
На волны плясок зыбких выльет щедро?
На дне своем оставит
Лишь
 капли
 крови, вина, любви и неба...

*

Сплести венок из дерзких лилий,
Узнать падение до дна,
Вновь воспарить и – бросить крылья,
Паденье вновь и – глубина.

Весталка

Весталка, ты склонилась над землёю,
Змеёю,
Горной колею,
Змеёю –
Будущего Круг,
Что вертится
И – остановка вдруг...

Зимой у античного храма

Скажи, за что твой саван тут?
За что, ведь ты ещё живая,
Я вижу трепет тёмных губ,
О тайне смуглой изнывая...
Но немота твоя — навек
И в оскудены дни былые.
Нет солнца — только саван — снег
Лёг покрывалами Изиде.

*

С каким бы чувством ни встречали,
Бери из пригоршни осенней
Грозьд палевую винограда!
И с виноградиной за щёку
Текут и пыль, и мёд квасцовыи,
Что не успел взбродить вином...
Наш лист лавровый опадает
С куста забытой лёгкой славы,
И оттого нам грустно, Цезарь,
И оттого нам грустно, галл..

2000. 06.19.

*

В Греции всё есть —
На лесистой, зелёной горе —
Агора — площадь...
Мраморный портал, капители,
Ионические волюты колонн,
Укруглённые, как свивы бараных рогов;
За площадью — рынок,
Где гуляют в узорчатых по краю одеждах
Горожане,
И покупают они оливки, чёрные,
Как глаза гречанок.
А по дороге в гору поднимаются
Двое оборванных нищих,

Поющих о том, что в роще священной
Чуткие фавны на свирелях играют...
Чуткие фавны...
Далеко на море виден парус триремы,
Плыущей куда-то...
В трюме её дремлют амфоры
С тягучим мёдом, с вином
И с оливковым маслом,
Чтобы умащать тело гимнаста
Пред состязанием,
А потом скребком-стригилом
Раб снимет масло с утомлённого тела,
И юный окунется в мраморный бассейн,
В нём вода легка и прозрачна,
А вечером его будут ожидать чаши с вином,
Тяжёлые грозди и та, которая утомит любовью;
Амфоры, что плывут на корабле,
Будут через две тысячи лет на дне моря...
И вместо вина жизни в них будет лишь ил забвения...
Юноше, лежащему в усталых уже
Объятиях возлюбленной
Пригрезилась амфора на дне моря...
Он выронил чашу из рук...

2000, 17, 09. M.

*

Средь буйных зарослей алоэ
Не слышно криков – «эвоэ...»
Колючие кожистые тропы,
От Азии и до Европы
Пути исхожены уже...
Но утешает подорожник;
Стопу нагую проколов,
И боль – как жертвенный треножник
Дымится кровью,
В изголовье
Нас сторожит Небытиё...

2000.

*

Из облаков склубился Парфенон...
Мы полагаемся на волю рока.
И пусть крылатая бессмыслица-сорока
Летит от стаи взбешенных ворон –
Она влетает в бельй Парфенон
Летит между колонн,
Летит так одиноко...
Воронам не догнать её полета,
И не сломить тот облачный заслон,
Который создавался до времён,
Когда воздвигнут древний Парфенон.

2004-04-14.

*

Не Эрос мне поёт
 вакхическую песнь,
Антэрос грозный говорит
 преданье
Что пагубное нечто есть в любви,
И что эпическое —
 не любовь,
— страданье.

1984.

Rondo

Как воин древний летнюю долину
Ещё неспешно обходил восход,
Когда орёл, над ней расправив крылья,
И, спину выгнув, взвился в небосвод, —
Одним броском, рывком скалу покинув,
Тогда дозором обходил восход,
Как древний воин, летнюю долину.

2006, янв.

*

Ты изменил величье очертаний
Своих равнин,
Своих равнин безбрежных,
Где редкая трава коням –
Да солнце –
Но кони,
Всадники, их пики,
Блески шлемов
Тревожат успокоенность равнинны...
И чертит вновь окружности движенье...
Движение – всего лишь наважденье
И блеск бытъя,
Лишь призрак промедленья
Пред Неизбежным,
Вечно неподвижным.

2004.

*

Нет, не трудись, не давай новое имя Горгоне.
Взглядом змеистым её ад вызывать не пытайся...
Имя змеи называть – самый печальный удел.

2006-05-11.

*

В цветущих сумраках садов
И влажных мраках гротов
Весёлый мир чадит огнём –
Вином, стихами, звуком флейт,
Валторною, струною –
Мы убегаем – лёгок бег,
Бежит, летит – не человек,
А дух – крылами, взмахом – бег,
По воздуху – волною
Паренье под луною...

1981.

В сиреневом ветре

*

Колокольчик звенит под дугою,
Мчатся мимо огней фонари,
Ах, зачем мы расстались с тобою,
До зари,
Ах, до алой зари...

Нам бы пенную пить,
Нам бы радоваться,
Нам бы раны души бередить.
Пусть горит, пусть дымит,
Ну, приказывай, –
Кровь на белую скатерть пролить!..

*

A. Фроловой

Мы – чужие,
Назначена встреча
У стены.
Ты пришла,
Отражаясь от льда,
Как предтеча
Неизбежной зимы...
Разошлись.
Сердце странно кольнуло
Поминанием летних погод.
Неизбежность – разбитая нежность,
Крылья вмёрзшие в лёд.

На крымский мотив

Уйти от моря налегке...
Уже темно и плеск лагуны;
Луна затрагивает струны,
Их трепет слышен вдалеке...

Когда прибрежный ветерок
Приносит трав сухих дыханье,
И невозможно расставание,
И от любви ещё озnob...

Тогда она в тоске глядит
Тебе, в глаза твоей печали,
И умолкает лунный бред,
И руки только что разжали...

У коктебельских берегов
У звёздоликой пенной бухты
Сюрю-Каёй дремал прибой;
И чаек лёт над головой...
Да, мир тогда ещё не рухнул...

19 июня 2005.

*

К тебе ушла моя печаль,
Не говорила, что вернётся? —
Чтоб о ней не уколоться,
Ты прогнала мою печаль...

2005.

*

Марии Любимовой

2002.

*

Нет, не грусть зовёт в дорогу,
Не весенний небосвод,
Где на облачной дороге
 отразился лёд,
И упрямо в небо смотрят
 мёрзлые кусты
Там под ветром, одиноко –
 я и ты.

*

Мы идём по кромке бытия
Неисповедимо странен путь,
Не свернуть с пути, не обогнуть
Тот утёс, – к нему влечёт судьба.

У огромной, девственной скалы,
Где растут прощальныe цветы,
Исчезают радость и печаль,
Исчезают тихо – я и ты...

2004-10-12, М.

*

Знаете ли вы,
Сколько в жизни странного –
От слова «странствовать», –
Лесного – когда не знаешь пути,
Сколько в жизни туманного – от росы утренней...
Сколько первых вздохов счастья,
Сколько лёгкости в весеннем ветре над городом,
И сколько осталось нам увидеть падений
За стеклом в Песочных часах,
Прежде, чем закончатся минуты и дни?..

1998-99.

*

А луч непонятого солнца так печален
В стремленьи горестном всё озарить окрест.

Марсель Пруст (пер. с фр. А.К. Виноградова)

Скалистый, ледяной простор —
Изгнаникам — туман — печаль.
Луч заблудился между гор,
Но солнцу луч один не жаль.
Он одинок среди вершин,
Затерян как ледник в горах,
Свободен луч блуждать один,
Свет пробуждать впотьмах — в сердцах.

*

Холод стужею в окно,
Месяц искрится в снежинки
Да туманное стекло
Тихо дремлет в тусклой дымке.
Пролетают сквозь туман
Влажно-жгуче и морозно,
Мимо сердца, осторожно,
Ложь, видения, обман...

1987.

*

Я помню дом и стародавний сад,
Где яблоней цвело воображенье.
Лампада детства в доме разожглась.
Она висит в углу,
Под образом движенье
Теней — идущих в стену, как шаги,
Шаги немые — хожены по вате.

Неслышимы, уходят в глубины,
И боль — воспоминанье об утрате.

Прибой... Далёкий дом ушёл, забыт.
У берега вода меняет отраженья.
Я волнами и брызгами разбит –
Размывами огней и дней скольжений.

Мечты – они как странных крыльев лёт.
Несутся вспять –
Догнать воспоминанья.
И вновь душа бессонная несёт
Из подсознанья искры узнаванья.

1988.

*

Сиреневый ветер овеял лицо –
Я вспомнил...
Как в зеркале старом, усталом,
Былое прошло,
Просочилось в песок,
Как винная влага –
Под камень молчанья...
И снова невнятный
Мелькнул аромат.
Но сразу же умер – иссяк...
И всё? Не придёт?
– Безвозвратно...
Уста прошептали
невнятно.

Даль заснувших городов

Даль заснувших городов
Позабытых, милых, странных,
Я вернусь как старый странник,
Я приду из давних снов
В даль заснувших городов.

Колокольчик

Запоздалый, тихий, шалый
Колокольчик – тишина –
Припадает, распадаясь
На осколки –
резвы, колки
Звуки блески, имена,
От которых – надорвался, засмеялся
Запоздалый, тихий, шалый
Колокольчик день поёт –
От любви и до невзгод.

Романс

Нам не дано узнать, когда
Прервётся нить,
Когда всё кончится,
И мы живём беспечно...

Но будет день, –
Приблизится тот лик
С чертой страдания,
С оскалом вечным...

Так будем, братия,
Мечтать, любить.
И лить хмельное
Мимо чаши...

О нас забудут –
Как не позабыть,
О тех, кто жил
Печальной жизнью нашей.

*

Анне Терентьевой

Громы шторма,
Буря в море –
От волны прилив созвучий,
И со дна, от сотворенья
Возникает имя – Анна.
Ледяным утёсом в море.
Пусть вздыхаются аккорды!
Но – затихли...
Звук свирели
Над зацветшим тёмным лугом
Это тоже имя – Анна.
И средь звёзд предначертанье
Средь созвездий хризорунных
И причудностей тумана
То же имя Анна светит...

*

Изыщный облик тонкости, Восток
Глаза – их взмах –
Как ласточкины крылья...
Они летят –
Танталовы усилия
Остановить сверкающий полёт
О где крылатый взгляд твой
Сложит крылья?..

*

Тане Жаровой

В тебе скрывается бесёнок,
Когда ко мне ты приникаешь,
Когда немножечко кусаешь, –
Меня, мой ласковый тигрёнок.

И покусавшись вволю, тёплым
Объятьем мы замкнём два тела
Сначала робко, неумело –
Потом сильнее, в диком танце

Мы в задыхающемся ритме
И засмеёмся и заплачём.
Над морем вздохов – чувство-пена,
Над морем солнечных сплетений,
Откуда хлещет бездна света,
Который бурно-неизменен.
В твоих руках, в твоих глубинах—
Последний всплеск моей истомы.
Мы остановимся невинно,
Оставив страсти Гекатомбу...

*

В безумных странах соловьи
Поют отчаянные трели,
А в умных странах соловьём
Поют полночные метели.
И в южных странах соловьи –
Под солнцем, что встаёт с Востока,
Поют с небесной глубины,
Как птицам в небе одиноко.

1999, Одесса.

*

Солнце светит, восход, –
Но уже ничего не поделать.
У меня на душе столько снега
скопилось давно...

Пробуждают лучи
Благодатную тихую свежесть,
Будто в детство, в чарующий полдень
Открыто окно.
Мальчик скачет, играя,

Резиновый мяч подгоняя,
Потому что уроки закончил
И жизнь как цветное кино,..
Ярче, выше восход, —
Мальчик в дальнюю даль убегает,
Мальчик счастлив, что взрослым
Почти никогда не дано...

1999.

*

Восточные глаза, как чёрное вино,
Глядят в себя, свой мрак оберегая,
Они уловят отсвет двери рая,
Тот свет, — которым, тёмным как вино,
Пред алтарём священник причащает...

*

Из детства
Памятью назад,
В заветный яблоневый сад,
Где яблони цветенье надевали;
Я шёл к деревьям и цветам...
Уже тревожило вначале
Предожидание печали,
Как осень, что тревожит нас
Предошущением вокзала,
Откуда в Вечность поезда...

1999, авг.

Не уходи...

На мотив старинного романса

Не уходи, постой, останься
Всем места хватит, не спеши.
Не обещаю постоянства,
Однако, друг, не уходи...
Пусть песней стелются туманы,

И чёрный лес поёт вдали,
Заря, как яблоко, румяна,
Не уходи, не уходи...

1983.

*

Где розарий, что пахнет ванилью,
У ограды, на камне сидит изваянье тебя,
Или это былое и было...
Ты встаёшь,
Ты рыдаешь, ты шепчешь – Нельзя!
Жить нельзя! Каменеешь, не знаешь – что хочешь...
У тебя же всё есть – есть и голос, в нём грусти свинец,
И латунь золотой,
Кто-то машет косой над тобою,
Череп-месяц в накидке седой,
Тучи в ветер накидку сорвали и тащат,
Клубятся над городом...
Там, я вижу на небе – в очертаниях
Там химеры! – летают...
Над тобою
Уж поздно...
И звёзды погасли,
Спят два облачных братца
Лунно-бледны облака,
А ты – заснула в рыданиях,
На каменной, вечной подушке
Кудри свои разметала... Ты спиши..
Ты спиши.. И луна...

2002-06-10.

Она со дна души

Звал ли тебя он
Из чащи твоей же души,
Ты ли не знала, что он –
Чаровник неживой,..

Ты ли не пела
В часы самой ранней росы
Голосом солнца...
Твой трепет – в листве огневой?..
Вдоль по стволам и рукам
Пихт и елей,
И трав, и корней –
В чашу, где мягко лепечет
Песок родника –
Дымными струйками
Дно отмечает воды;
Детских желаний
Задумчиво льётся река...

2002, 07.

Сердце-Камыш

Сердце – усталый камыш.
Там, на просторе дыханья, ты шелестишь.
Словно кораблик, волною шумишь,
Плещется в борт твой
Жизни поток – алый, кровавый.
Какого меча, пули какой
Или обмана ты ждёшь?..

2003-02-20.

Женщине

Во глубине твоей весенней
Кромешная клубится тьма.
Сама себя не признавая,
Сама себя не понимая,
Таишься на пороге сна...

1989-2003-2004.

Девушка-мечта

Твоя стремительность и живость —
Улыбка для моей печали,
Какая дивная подвижность
И юность —
Солнце бурной дали;
И волны, вёсла, и стремленье,
Поплыть туда, где ветры новы,
И наважденья, сновиденья —
Естественность твоей основы...

2005-05-06, M.

*

Мне снилось — ты рядом,
Истома и солнце,
И высохло море песка и разлуки.
В безветрии день опускается долу,
Торжественный август протягивал скуку...

2006.

*

Под небом северным
В безбрежности полей,
И в тишине тоскующих угодий,
Шалаш построен для любви твоей...

2007-08-05, M.

*

«Прости» — рифмуется с «Прощай»,
Ночной дозор ушёл с зарею,
Свеча погасла над водою,
И дым её струится вдаль.
Нам ночь пролилась пустотою;
«Прости» — рифмуется с «Прощай».

2008. 03, M.

Из цикла «О любви»

Любовь рождается с тобою

Любовь рождается с тобою,
Любовь приходит ниоткуда,
Любовь всегда была и будет,
Любовь – есть сила притяженья,
Любовь – есть радость обновленья
Первопричины Мирозданья,
За гранью всяких пониманий,
Любовь – есть луч от высей Бога,
И через сонмы иерархий
Любовь в парении незримых,
Спускается из неба в небо,
Спускается к богохранимым,
Мерцают от Престола силы,
Крылатых ангелов паренье,
Любовь летит – полёт на крыльях,
На белых крыльях вознесенья, –
Любовь – есть к Богу удивленье.

2005.

*

«На суще тонут без любви!» –
В воде без ненависти тонут.
Любовь – русалочьим затоном,
И сети у любви в крови...
Кого поймает – не зови –
Он подчинён, пленён, утерян.
Ему закрыт свободы терем,
Не к высоте его пути...
Любовь от Истины и Дня
Святых лучей – иная сила.
Когда поверх всего и вся
Сиянием из высей сна, –
С Голгофы взгляд, с вершин Креста –
Всеобъемляющим покровом
Как тёплый ветер в поле льда
От игл тернового венца –

На все растенья, камни, звери
И на людей, в ком светоч веры, —
Любовь великая Христа...

2001.

*

Хотя любовь — занятие земное,
Но, что земное — вовсе не любовь;
Страстей накал, что будоражат кровь,
Скользящей путь к опасной, ярой нови...
Любовь — гармонии небесный хор,
Любовью в вечность движутся планеты,
Любовь — соединенье тайн и слов,
А не альков Ромео и Джулietты...

*

Джульбарсы лают и растёт ковыль,
На пляже ветер и летает пыль.
Любовь становится всё проще и доступней.
Ее огонь как корень ведьмы в ступе.
Но солнца распрымлённые лучи
Всё вводят в состоянье белой точки,
И гении, и одиночки, в неё заглядывая,
Слепнут — как в ночи.
Любовь на дне её, загадочном, ищи!..

2001, авг, Одесса.

*

Любовь перстом глухой судьбы
Уже давно
Стучит, гремит, стучит, гремит
В моё окно,
А за окном осенний ветер,
Мутный дождь,
В него и капли лишней, мутной
Не дольёшь...

Слеза дождя, слеза любви
За тем окном,
Пусть наводнение любви
Не входит в дом...

2007-08-12, M.

*

Любовь — любви, —
и от любви — любовь
тихонько огоньком,
как дёрг сухой, зажмётся,
и девушка пугливо обернётся,
и юноша судьбы не обойдёт.

2006.

Ревность

С душою полной входишь в дом своей любви,
А там — в потёмках за столом — нетопыри.
Нетопыри сидят и пьют разрыв-вино;
Им ревность в бочке подают. Крепко оно.
Их огненный и мрачный тост не пей, постой,
Отбрось бокал и убегай, пока живой!
Но верещат нетопыри: — Останься, друг, —
Расскажем, кто когда ласкал твоих подруг...
И вот опять с нетопырём ты пьёшь вино —
Настояно разрыв-травой опять оно...

*

A. M.

Нам — горизонты звёздной пыли,
Нам — пламенных высот моря,
Нам Белого слова, что были,
Что будем мы — всегда, всегда...
Тебе — душою быть пернатым

И жалить зноем злую кровь,
Коль не наскучили затраты
На грустный карнавал – любовь.

*

И в небо гаснущий цветок
Ростком воспрянувший из тела
Восстал
И Небо захотело
Его величия
И вновь
В нём в небо
Тянется любовь.

2004.

Miscellanea

Картинки с выставки (по Мусоргскому)

В старом замке дремлет гном,
Он объят столетним сном.
Тюильрийские сады –
От Парижа до беды...
Быдло стонет к кабаках,
В душах ругань, голод, страх.
Нерождённые птенцы
В тюрьмах крепких скорлупы.
Рынок старого Лиможа –
Шум, толпа, блатная рожа,
В катакомбы тёмный ход,
Там Яга одна живёт;
Богатырские ворота,
В них вхожу как тёмный кто-то.

1994. На концерте Виолетты Егоровой.

Индра и Вритра

Прислушайся к текущим с неба песням,
Они лучи багряного восхода –
Там Индра правит дерзкой колесницей,
Он к солнцу устремляет путь похода...
На миг остановил коней возничий
И гимны сфер смиренно замолчали.
Орёл из тучи вылетел стоглавой,
Принёс он Индре чашу с пенной сомой,
Настоем пряным ветра и эфедры.
И жертвенные капли влаги томной
Из чаши с неба на луга упали –
Упали силы семени восхода,
И разомкнулись скалы-изваянья,
И вырвались из каменной темницы
Украденные демоном коровы.
А там, вдали, на склоне скал разбитых
Во время битвы Индры с змеем Вритрой

Ещё темнеют, каменеют страшно
Как топором обрубленные ветви —
Крыла огромные поверженного змея...
Пусть память Бритры мечется, летает,
Над костяком невидимою птицей.
Не может улететь она за Индрой,
Бессильна отомстить ему за Бритру...
Она потом взойдёт луною дымной,
Когда поскакет Индра дальше к солнцу,
И будет освещать останки Бритры.
Омытые теченьем вод из русла,
Которое хранил бесплечий Бритра.
Когда он умер, Индрою убитый,
То свет родился девственною новью,
И воды разомкнулись родниками
Из скал рекой прохладно полноводной,
Что жизни дарит каменной пустыне.
А Индра, совершив свои деяния,
Теперь сидит, окаменев от славы,
Во храме, зrimом ныне в Кайласантхе.

Котомка на лугу

Сны путника, уснувшего в жару —
Фантомы забытья его, конечно;
Те сны, как облака, плывут неспешно,
А тело — как котомка на лугу,
Оставленная путником случайно...
В ней — чаша, нож и денежка...
И тайна, которой я коснуться не могу...

2003-02-20.

*

Всем ветрам открыта
Тяжёлая старая дверь —
Постучись
в беззвёздную полночь,

Ветром повей...
Развяжи, —
 как узел столетий, —
Тревожный час,
 который связал
Призраков снов и нас...

2003-05-09.

*

Фраз кривые зеркала...
Жизнь от них забилась в угол.
Там, в углу, ревёт угрюмо
И слюнявит кружева...
Мир, как кот, глядит в себя,
Хвост свой трудно узнавая,
Вот какая мрачно злая
Дней тревожных кутерьма...

2003.

*

Исцеленье там, где свет,
Там, где юность, там, где детство,
Смехом, радостью согреться —
Беззаботность лечит всех,
Кто под ветром старых бед
Стал невзрачен, стар и сед...

2003.

*

Стремлюсь, иду, бегу куда-то вдаль,
Но там, в дали — дорожная печаль...
Спешу, бегу — дорога бесконечна,
И смерть прервёт дорогу, как ни жаль...

2004.

В сказке

Отчего журчит родник – и кому?
От кого зажёг рассвет –
Светоч дню?
Это знает великан на горе.
Это знает и дракон – на скале...

2004-03.

Теплица Бытия...

Падать радостно и страшно
В омут розовых туманов
Где дрожат и меркнут звуки
Томно-сонных орхидей.
Падать радостно и страшно
Там, в безветренной «теплице»
Спит в тумане бесконечном
Остров тихий, неземной...
Остров тихий душ невинных,
Тех, кто жил, но не изведал
Страсти огненной душой...
Там покоиться бесстрастно,
Тихим ветром овеаем
Здесь тепло и очень влажно,
Тут – Теплица Бытия...

2004-03, М.

*

Ты Свет наматывай на спицы
Своих надежд и откровений,
И в облаках блистает Гений, –
Он, Гений, – Дух...
И гром гремит,
И освещаются пространства –
В них невозможно постоянство:
Стихия по небу летит.

2004-10-07, Москва.

Засыпающей

Театр дней мелькает суетой,
Гляди на жизнь со стороны Вселенной –
И ровный взгляд,
В котором спит покой, –
Уловит то,
Что в жизни Неизменно...

2005-02-12 M.

По пути

Нету мёда...
Есть полынь...
Мы бредём к Тебе устало.
Чуть колышется ковыль,
Как шагов осталось мало...
Мы идём к Тебе тропой
Вдоль реки, прекрасной Летом,
И суровый сухостой
Освещаем поздним светом...

*

Седая благодать
И мудрость
И Порог, –
Сияние за ним –
И на Престоле – Бог...

2005-07-08.

*

Великолепие огня,
Морей простор,
Глубины слова,
Прекрасен мир, —
Его основа —
Великолепие огня...

2005.

*

В пламенный воздух
грива коня, —
Ветер уносит цокот копыта,
Грохотом скачки ущелье пробито,
Ветер и кони —
Мимо меня.
В пламенный воздух — грива коня...

2005-11-23.

*

Утро. Тени. Первый снег.
Где-то вздохи.
Холод. Ветер.
И на поле — междометьем
Остывает человек.

2005.

*

Высохло русло,
Замолкли песчинки,
Друг к другу приникнув,
Как капли...

*

Когда не в почву,
В океан —
Зерно упало,

В мутной бездне
Не родились миры,
И слезно
Вздохнул волною Океан,
Бесплодный
Волею железной...

2005-12-12, M.

Две строки...

От счастья осталось лишь пламя свечей,
И музыка, скрытая в тихом дыханье...

Иероглиф

Скоморох, достигший воли,
Дремлет тайну бытия...

2006-03-23, M.

*

Объездить, как коня, свой мир
И в нём ходить под парусами...

2003.

*

На дне души осталось что-то,
Но лишь на самом
Дне души.

Янв. 2007.

Молитва

Избавь, Господь, от суеты,
Дай чистоты и вдохновенья,
И уведи от нищеты...

2004.

Дождь

Дождь!
Капля капает, поёт, —
Пусть всё, что было, то исчезнет!
Дождь смоёт всё — осколки, ложь,
И звёзды — каплями над бездной.

1978.

Спокоен день

Я вижу: волк бредёт через июль,
Через леса глухие, через пашни;
Я наблюдаю —
Как коров пастух
Ведёт на водопой,
Как в день вчерашний.
Спокоен день,
Покуда волк не сжал
Зубов на шее стройного ягнёнка,
Покуда кровь не оросит траву,
И солнце спрячется за горизонтом.

2007, apr.

*

Часы идут, кругами повторяясь,
Идут по улицам растряченых минут,
Часы идут, себя не различая,
Часы идут.
Они идут одним и тем же кругом,
Один и тот же размыкая круг,
Им безразлично: время-жизнь уходит,
За кругом — круг,
За кругом — круг...

2009-02-18.

Человечество

Мы не разрознены, мы живы,
Под тьмой, нависшей над землёй,
Пред неизбежностью не стой,
Как перед братскою могилой!
Мы скованы в единый атом,
И сердце, атомный реактор,
Трепещет будущей судьбой, —
Нет, не разъяты на изломы,
Пусть по небу плывут фантомы,
И беспробуден наш черёд;
Но мы едины по дыханью,
По звёздам, теням, по преданьям,
Нам расщепление — не в счёт!

2009, февр., М.

*

Елене Дунской

Я дыню спелую пригрею на груди,
Её баюкать можно, как ребёнка,
Её рождают пчелы красоты;
Их крылья оживляют воздух звонкий,
Я дыню спелую пригрею на груди...

2009-10-24.

*

До седьмого отвеса
Отмерена ждущая даль.
Надо встать и взглянуть,
Позвонок распрямить,
Нужно тело...
Тело трудно скрипит
На пороге земного предела,
Подставляя под ветер
Побеги и листья лица...

Нам идти в бесконечность седую
Небесных наделов,
Нашей скрипке времён
Суждено доиграть до конца...

2009-12-17.

*

За какой разменною монетой
Дождь зашёл вчера на мостовую?
Звон капели — доброю приметой
Напевает тихо аллилуйю...

Дождь — дождю — дождём — прольётся рано,
Дождь дождю подарит дождевую, —
Утром пчелами разбужену, — полянку...

*

Вы умеете загадывать желания?
Вы умеете загадывать острова, ветра и солнце?
Вы отгадываете прошлое и загадываете будущее?..
Или желания уже покинули вас,
Как крысы, сбежавшие с корабля,
Который давно пришвартован к пристани печали?..
Но вы загадали новое желание,
Из-за туч появилось солнце,
Подул тёплый ветер,
И крысы, убежавшие от крысолова,
Вернулись на старый корабль!..
Паруса надулись попутным ветром.
Счастливого плавания!..

09.01.2010, М.

И тёмное поёт, блестя...

*

Короткий сон,
Он страшен среди дня –
Кто окружил,
Кто выследил меня?!
Бегу пещерой красной темноты,
А по углам её горят
Цветы, цветы...
И их глаза, и когти лепестков
Мне ранят сердце стаей диких сов.

*

Опущен занавес,
И – началась гроза.
Опущен занавес,
Под ним – душа спала.
Мне веки не раскрыть –
Их опустили в сон,
Который в чаше с хмелем разведён.

*

От порога забвенья,
От камня веков,
Лаской белый росток отворя,
Мы сплетаем из омута
Кружных венков
Круг луны –
Жёлтый воск янтаря...

*

Сцепленьем малой клетки и огня,
Что до красна испытывал меня,
Я рвался в бурю дантовских терцин,
Как через гнев пустыни сарацин.
И искушенье рваною струной
Гремело звуцищем исчадий за строкой.
Пусть думают, что тот, кто шёл – ослеп.
Ослеп не он, а шёпот в нём и смех.

1988.

Кальяна нощные цветы

В отравленную колыбель,
Как в зеркало, глядится зверь,
И в жарких сумерках ночных
Играют мёртвые в живых...
Ты не боишься кутерьмы?..
Мы будем все умертвлены,
В кальяна дым превращены,
Мы звёздной россыпью картин
Взойдём в туманных далях сна,
И ты увидишь нас как синь,
Как радуг всплеск –
Голубизна, поры и вихри и полёт
Над белым стоном чёрных вод.

*

Зачем тревожной поступью, живой,
Идёшь в огонь?
И слышишь – из утробы
Звериный рык растрепшил тишину...
Теперь замри!
От естества Вселенной
Начало принял этот тёмный звук
Я вслушиваюсь – взять ли эту силу?..
Нет!.. Зверя глаз испуганно потух...

Предание скал

Как каменный суровый исполин
Во снах я над дорогой возвышался,
И в сумрачно-свинцовой тишине
Среди видений демон показался.
И он сказал: расколдовать покой
Твой послан я –
И кончена расплата,
Что тяготела *тыщелетья* над тобой...

Теперь ступай, иди в движенья мир,
Он твой, спустись с твоей вершины!..
Я встал – но каменной лавиной
Живым принёс я только смерть...

*

Огромный ангел исходит гневом,
Огромный ангел стучит ногою,
По горизонту, по крышке солнца;
Стучит он гневно, поскольку осы,
Хаоса осы
Трубу укради, укради голос
У провозвестья
Конца времён...

2000.

Волшебные врата

Вы сияете извечно,
Вы – ведёте в бесконечность,
Через вас проходит сон –
Трон раскаянья былого,
Старых всадников подковы
Мчатся в прошлое чрез вас,
Исчезая в тёмный час...

*

Во чреве мира
скрипка запоет,
Объемля круг сферический пространства,
И маятник, – насмешник постоянства, –
Вокруг себя уверенно пойдёт.
Беспомощно зияет пустота
Над пыльно-обречённою планетой
Её кольцо ветров как песня спето,
Её мотив поёт над ней Луна...

5 окт. 2000.

*

Бескрайние просторы неба,
Даль синим сумраком полна,
Но вместо колесницы Феба
Встаёт обычная луна.
И тучи облачного дыма
Привычным хаосом летят,
Не сотворяют пилигримов,
Ни ангелов, ни бесенят.
Но наконец, из льдов заката,
Из складок сумрачных темнин
Выходит лунный череп-маска
И ужас следует за ним...

2000.

*

Мы заглянули в глубину –
Плытвём – чем глубже, тем темнее
Там, выше, – на душе теплее,
Гнёт солнце радуги в дугу.

На предпоследнем берегу
Горят сверканья. Образ света.
Прошли зима, весна и лето
Я оглянуться не могу...

2001, Од.

Неотвратимый дом

В свой дом,
Что зарастёт травой,
Вхожу босой.
Там пол,
Под инеем седым –
Как твёрдый дым.
Закрыты окна

Отворить
Их хочет сон;
Но есть запрет – неверный свет
Со дна времён.

*

Эта серая ночь
Навевает страх
Чёрный голубь сидит
На твоих руках.
Обозначен путь,
А дороги нет.
И в конце пути
Не мерцает свет...
Только ты одна
На пути стоишь,
Только мышь шуршит,
Нарушая тишину –
Нет, не мышь, не мышь,
А нетопыри...
Это голос твой...
Из-под земли...

2002.

Стихает время

К двенадцати, –
Что дня, что ночи
Стихает время.
Оно стихает,
Чуть-чуть забывает
И замолкает.
Стихает в полдень.
Стихает в полночь.
Оно стихает и замолкает –

И всё застыло,
Но через бремя,
Но через холод,
Но через жатву
Минут несчётных
Опять забьётся
Опять восстанет,
И снова будет
И снова станет...

2011, дек, М.

Рыцарь-призрак

В темнице рамок золотых
В музее, на стене,
С холста глядит изображенье
Рыцаря в броне.

Он замкнут здесь не первый век —
Безмолвный и немой.
Не закрываются глаза
Ни днём, ни в тьме ночной.

На стражу собственной судьбы
Поставлен кистью он
Душой распятый на холсте
Незримо пригвождён.

Цена грехов его страшна —
Картиной вечно быть,
И, облик свой не изменяя,
Сотни лет прожить.

Он мыслит, он глядит из рам,
Он слышит всё вокруг,
Но без движения, немой,
Стоит на страже тут.

Под сеткой трещин
Грусть и скорбь
Застыли на лице,
Массивность рам
Хранит его,
Как демона в кольце...

Однажды жизнь вскипела в нём,
И взглядом огневым,
Он устремился в мир тревог,
Пройдя столетий дым.

Глядит он мрачно в даль веков
В окно своей судьбы,
Глядит он в зал, где пировал,
Где жизни борозды.

Там книга на столе лежит,
Там сумрак, лунный свет.
Раскрыта книга на строке,
В которой смысла нет.

Он в книгу огненно взглянул —
И строчку он поджёг
И запылал глубинный смысл,
Который знает Бог.

Страница в пламени —
Огоны!
Пылает старый дом...
Над ним стоит в броне с мечом
Он — призрачный фантом...

1978-2002, Ep.-M.

*

Чужая мне осень стучится
Я не раздвигаю засов
Предчувствий и тёмных поверий,
Пусть замкнуты крепкие двери
А там, за порогом, — снега и стужа
И холод безверья...

2003-01-23.

*

Мне странно жить в кругу луны,
Мне к солнцу путь был дан судьбою,
И были крылья за спиною,
Однако колесо судьбы
Повернуто опять луною,
Луч освещает борозды,
След колеса —
По воле рока...
Я был один и одиноко
Я шёл по верному пути;
Теперь луны коварный свет
По борозде — и чей-то след...

2003-04-17.

*

Осторожно, книги закрываются! —
Нависает тяжесть безвременья,
Якорь мысли тащится по дну,
Задевая старые обломки,
Что лежат уже на самой кромке...
Музыка у глухоты в плену.

2005-05-06, М.

*

Кайся, Каин,
Кайся, Каин,
День твой зыбок и печален,

И печаль темным-темна,
Чёрный камень пал до дна...

2009-10.

*

P. Бикмуллину

2002-05-31.

Преследование Дон-Жуана

Тяжёлый кто-то мне идёт на грудь —
Из сказки статуя выходит на прогулку.
Бежать!
Уйти!
Отрезаны пути,
Её шаги слышны по переулку,
Подходит Маска — пламенны глаза,
Их взгляд горит
И тёмные слова
На дно души заносят страха повесть.
Преследователь наступил на совесть
Как на пергамент полумёртвых книг, в

1987.

*

Перемещения племён
Перемещения имён
Разгадываем ход Судьбы
Как лёд дорожной борозды.
В копилку гнева платит век
И гибнет зверь и человек...

2003-03-03.

*

Потери...
«Временем потерять»
Возможно, назовут эпоху...
Однако гром гремит сильней,
Сильней напор –
И шторм потопа
Срывает дерево с корней!..

2002-05-02.

*

Я стою на старой кухне,
Дом дряхлеет тихо, тихо.
Он ещё во тьму не рухнул...
Трудовые муравьи
Мёртвую осу колеблют
Жало тщетно, тщетно жало...
Вспыхнет свет на старой кухне!
Нет, ещё наш мир не рухнул.
Мысль мелькает, словно мышь
В доме притаилась тиши...

2009-12-16.

*

Как уходит скорбный труд
Осознания минут?..

Каждая — в последний раз
Закрывает в кухне газ.
Глаз да глаз за жизнью той —
Тараканы за плитой.
Мрачные ножи небес
Режут облаков отвес.
Занавес на окна пал,
Воздух сонный задрожал.
Луч луны в окно проник,
Мрак склокожился и сник...

2012-10, Од.

*

Чугунный мускул клавишу нажал, —
Немая ночь мелодию расслышит,
Циклоп заснул. Кто в роще тихо дышит?..
День не дожит, — как прерванный овал...

Пусть шар наш по параболе ползёт,
И муравьи достраивают зданье,
А век оплавленный доплавится в созданье,
Которое никто уж не поймёт.

*

Ты — корни, ветви,
Листья слов,
Шумящих ветру о печали...
Коль ветру стонет лишь печали
Ветвисто-тёмный шёпот слов, —
Твой корень сух и лист засох.

*

Пульсар радиовал минуты —
Коллапс секунд...
И протяжённость
Теряется в тени созвездий,

Где от звезды до звёзд
В пути –
Седое время ожиданий;
Седое темя – Дух преданий;
От солнца взгляд
Не отвести.

2009-05-03, М.

Из цикла «Перед войной»

*

Я ловлю их ослепшие взгляды –
Лежащих у пропасти, мёртвых,
Там, на дне тишина притаилась –
Не спит...
Всё тревожно –
Над нами бетонно-небесные своды.
Пред войной у природы
Стотонное сердце болит.

2003-05-09.

*

Меж облаков, что мимо пролетают,
Над птицей, лошадью и всем живым,
Внезапно появился чёрный дым.
Берёзы и осины замирают,
И мир от ужаса
Становится седым...

2000.

*

Там безрукий, там безногий –
Этот мир коротконогий
Полон жертв бездарных войн.
Юных, старых, зрелых много
Полегло на той дороге,
Что расстреляна войной.

Холод смерти, ярость страсти,
Глубоко в душе ненастье,
И туман плывёт
Над задымленным окопом;
Смотрит мёртвый ясным оком,
Смотрит в небосвод...

2005-02-15, М.

*

Тропа войны натоптана давно,
Тропа любви уж заросла травою...
Тропа любви уж заросла травою,
Тропа войны протоптана давно.

2007.

*

Да, нависли гроздья гнева,
Спел плодов тяжёлый запах,
Запах тяжкий, запах грубый,
Гроздья гнева виноградно
На лозе времён висят...

После последней войны

Туда, где не растёт зерно,
Проникла мысль – её юлою
Был вихрь – и всполохи – и стон
Над омертвою землёю.
И мысль кружилася над тем,
Где раньше люди, люди жили,
Та мысль – последней смерти тень
Над братски-тёплою могилой.

Эпитафия XX веку

Огонь горит меж Марсом и Луной,
Вступает змей в права и полномочья,
И ветер веет по шипам двустroчий
И смысл бытъя – как облачный фантом.

Не в букву слова, в шквала бурелом
Вложил Творец своё благословенье.
Не слышат Бога и его велений
Кто в стойло жизни тяжко погружён.
Лишь изредка, в тумане, там где храм
Века назад был вознесён главою,
Неясно слышим пенье с аналоя,
Проскopia звучит вослед орлам...
Мы знаем тайну — мира больше нет.
Мы знаем, испустила дух планета,
Лишь видимость души, чья песня спета,
Средь призраков пустеющих химер.

31 дек. 2000 г.

Классики мира

Книга веков

И провожатым в этот путь
Творенье Нострадама взять
Таинственное не забудь
И ты прочтёшь в теченье звезд
Что в жизни может произойти,
С твоей души спадёт нарост,
И ты услышишь духов речь.

И.В. Гёте „Фауст»
(Перевод Б. Пастернака)

Кто посвящён в познанья
Жизни таинств,
Тот – сам Разгадка тайн Земли.
Со склонов гор-времён
Осыпались гряды
На камень книги
Миропревращений.
Франко-латинские
Бразды знамений
Столбцами бороздят
Пергамента листы.
Века,
Века легли
Под призрачную тень
Стихов Мишеля Нострадама
В ночи грядущего
Он ясновидел день...

1982.

Памяти И.В. Гёте

Не для сухих умов дано
Познания веретено.
Оно в кружении своём
Мотает думы всей земли,
Но тонко это волокно.
Лишь изредка плетенье вдруг

Приобретает толщину,
И мощь, и мыслей глубину, —
Но нить бежит,
И вновь тонка,
Как будто тёмная рука
Её величье прервала...

1978.

Из цикла «Вслед Данте»

*

Тихо, ночь,
над нами месяц,
лунной тропкой тучи бродят...

Странником бреду долиной,
меж холмов глухих предгорий.
Лунный свет, трава и сумрак.

Вижу — Данте Алигьери
ввысь стремится, оступаясь,
но пантера шкурой пёстрой,
пред подъёмом замелькала,
огрызаясь словно демон;
Алигьери испугался —
львиный рык вдали раздался, —
вот когда перед вратами
Ада Данте оказался...

*

Земля фосфоресцирует кругами
Над бездною вззволнованных теней,
Их океан пучин морских темней,
Там облики и смутны и туманны.
И среди них, нехоженой тропой,
Над плачем и страданием великим
Тень Данта, что Овидием влеком.

Пусть путь его – дойти по дну бытъя
До лестницы Иакова священной,
Которая вздымаает в вечный свет
Тех, кто земные разрешил оковы,
Тех, для кого исчезли «Да» и «Нет».

Путями Данта

Путями Данта
Перед нами – мрак,
Царств тёмных снов
И чар полночных злак
Расцвёл пред уводящим в недра
Ходом,
Но – средь теней, из мрака
Персефоной –
Встаёт заря,
Рождая в небе знак.

2005-06.

*

Свет и ветер, наважденья,
И меж туч – звезды свеченье...
Мощных всполохов движенье
От высот незримых, тайных
Где исчезнувшие тени –
Беатриче с Алигьери
Поднимаются к Мадонне
По ступеням вечным Духа,
По Иакова ступеням...

2003-03-12, M.

RMR

Какое покорение высот
Пылает окрылённостью могучей! –
Мария Райнер – ангел духозвучий,
Он в тайны открывает небосвод.
В России, где ночной мороз трескучий,
Он тихо постучался в сердца лёд,
И замер тот, кто долго утра ждёт...

*

Деревья складками коры
Шептали – «Рильке, Рильке Райнер...»
И лик поэта был печальным,
И руки, плечи – из листвы.
Он проявлялся постепенно,
Глазницы горечи полны, —
Нет, не было на нём вины...
Он послан был Страной нетленной,
В наш мир, где радуги и сны.

2001, авг. Одесса.

Омару Хаяму

Из полуночных, знойных, неведомых стран
К нам пришёл, по пустыне влачась, караван.
Нам вино привезли на верблюдах двугорбых,
В кувшинах тонкогорлых, как девичий стан...

2004, 19 февр.

*

Чашу полную я подношу к бороде,
И тянусь я губами к её немоте,
Но как только глоток переполнил гортань,
Чаша песню поёт о стране Алазань...

2004, 19 февр.

Константину Бальмонту

Поэтический цикл

Константину Бальмонту

Ты — крестоносец, ты — идальго,
Ты — схимник и цыганка ты,
Ты — звёзд высоты,
Ты — тайны песен
Из сфер эфира,
Из темноты.
Хотел быть дерзким,
Хотел быть смельчаком,
Ты львиной гривой над всем сиял.
Ты весь отдался мечтам-химерам,
От них зажёгся,
горел, сгорал...

1983.

Шуйский экспромт

В подземных огнях, в подземелье теней
Тень Бальмонта гордо и тихо витает,
И огненным чудом нежней и нежней
Строка за строкой как волна излетают
Из мрака забвенья, из города снов,
И чуден цветистый и тайный покров.

Июля 11-го 1995, Шуя.

Бальмонту

Он пребывает в безизмерности,
За кругозорностью земной,
Где всё объято неизбежностью,
Где всё объято типиной.

2004-03-09.

Памяти К. Бальмонта

Черносердие злое витает вокруг,
Шумосферой раздавлен чарующий звук,
И душа холодна, как подземный родник,
Умер тот, кто душою от Неба возник.
Воскрешенье стрококою мерцает вдали,
Там, где Бальмонт всходил –
«От небес до земли»...

2004, 04.

Бальмонт, Бальмонт...

Бальмонт, Бальмонт,
Слышшишь голос выюги?
Жизнь пошла совсем наоборот –
Из смеющейся и ветреной подруги
Через перевалы и недуги превратилась в лёд...

Ты ушёл в себя и не вернулся,
Ты ушёл таинственной тропинкой,
Дух твой заискрился лунной льдинкой
И в сияющую сферу отлетел.
Ураганом времени влекомый,
Ты воспел бушующие громы
И ушёл за пламенный предел.

2006-01-14.

Дух Бальмонта

В отечестве безбрежных песнопений
Дух Бальмонта
Восходит словно Солнце.
Он славой светит в малое оконце,
Он освещает, дарит миру лето...

И в лете сам он —
Яркое светило,
Которое — для струн,
 для музыки,
 для света!

2006-04-04, M.

*

Бальмонту подарено дыханье
Музыки искрящейся и лёгкой,
Ей не быть никак неярко-блеклой,
Ей нести от Солнца волны света.
Бальмона стихом поёт планета.

2006-04-13, M.

*

*Автору книг «Будем как солнце»,
«Белый зодчий», «Дар земле»,
«Злые чары», «Литургия красоты»,
«Зарево зорь», «В раздвинутой дали»*

Бальмонт солнце славословит, —
«Белый зодчий» — храм построит,
В «Дар земле» себя отдав,
«Злые чары» разорвав,
«Литургию красоты»
Спел при «Зареве зари»
Он «В раздвинутой дали»
Видел неба корабли.

2007.

Цветаевский цикл

Роду Цветаевых

(На открытие музея в Ново-Талицах)

Ново-Талицкий Погост...
Дом восстал из пепла в рост
Вновь! Второе воплощенье!
У Цветаевского рода...
Осветились Неба своды,
Колокол с высот гудит
Предки тёмной чередою
Возникают из гробниц...
Хоры ангельского чина
В белых ризах, в небесах
Попран ветхий зыбкий прах.
И – сиянием предвечным
Крест пространства, –
Бесконечность, –
Что венчает клир священный
В памяти Руси нетленной,
Род Цветаевых,
Свети, Вифлеемскою звездою,
Без забвенья, без покою
К «формуле цветка»
Лети!..

1995.

Сёстрам Цветаевым

Они – летели ввысь,
Как брызги пены,
Марина – море, Ася – глубина,
Стихии, ветер,
Беды и изменения,
И каждая сама себе верна...

2001, М.

Рукописи Анастасии Цветаевой

Те, гордо-тонкие страницы
В Москве, в Сибири, над Окой
Остры как когти юной львицы.
Те, обожжённые страницы...
В них по сердцу порез живой.
Исповедальные страницы
Посмертны крестною судьбой.

1993.

Марине Цветаевой

*С душою, выше горизонта,
Там, у неузнанной могилы*
Ваш взгляд блуждающий но милый
Был как улыбка расставанья.
И на пороге мирозданья
На поле, что заколосилось
Несбыточными семенами, –
Вы оставались долго-долго, –
Одно, а может два мгновенья.
Мне показалось – Вы нетленны,
Нетленны как улыбка Ваша...

2004-04-06, М.

МЦ

Там, где маятник качался,
Голосов уже не слышно,
И мадера редко пьётся
На сегодняшней Руси.
Хоть бывает, что сверкают
Ослепительно стаканы,
Но церквей не восстановишь,
Всех, что были испокон...

А в соседнем зале спали,
Там, где пели и плясали,
Там устали и уснули,
Те, кто ноги не унёс...

2012.

А.И.Ц.

«И ровный взгляд из-под усталых век!» –
Сказали Вы, от мира удаляясь,
Куда уносит мимо ветер стаю
Загубленных, несбывшихся надежд?..

2002.

Серебряный век

Андрею Белому

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел...

Отчего мне так больно, так больно!
Я не виноват.

А. Белый,
Из автоэпиграфии, 1908 г.

Молнился новью
Запад, Восток
Огненои кровью
Крещёный членок
Вдаль улетал,
К рокотам скал,
Бился о них –
Солнечный вал.
Падал, парил,
вторя –
Взрывам миров.
«Урну» наполнил
Пепельно-лёгкой
Лазурью громов.
Лирой венка из веков – метнись!
Острым блеском пронзён –
Вновь устремись
Духом по Древу Познанья распят,
К смерти и к солнцу – Не виноват!
Снова сомнки вечность собою,
Снова – Воскресни, умри –
Мыслью, полётом и болью...

А. Белому

Болел ты громом блеска солнц –
Они в груди твоей взорвались.
Пронзённый светом, ты взнесён,
Другие – на земле остались...

2004.

Вячеславу Иванову

(Пред лик войны)

В веленьи света меркнет тьма,
Кристалл очей,
Костры свечей,
Когтей персты простёрла мгла
Из чащи сомкнутых ветвей.
Пророчеств колокольных звон
Склоняет к слуху существа,
Капелью крови тяжек меч
И крики жертв — под небеса.
На белых ризах доброты
Застыла кровь
И свищет плеть.
Витают смерчи клеветы,
Капелью крови тяжек меч.
От часа к часу бранный лик
Темней становится.
Насест —
Где дух войны — петух сидит.
Затих соборный благовест.

Дорога вдаль, там вечный зов
И посещенье просветленья.
И вознесенье пред врата,
Где стража речь раскроет
Немые трепетом уста.

Максимилиану Волошину

Лучи, как таинство, восходят над горою,
Чеканною строфой журчит родник
Поток сверкающий в жаре поник
И зевсов лик склонился над водою.
Венок полынnyй скорби на челе,
Глоток — и вдаль шаги
по выжженной земле.

1985.

Черубине де Габриак

В тёмно-сказочной дали
Ушедших времён
Лепет снежной звезды:
— Черубина...
Строки плещут огнём голубым,
Под крестом,
Под вуалью забвения —
Имя.

Игорю Северянину

Ананасов в шампанском
Паж вкусила с королевой,
Дифирамбы пропеты
Под тенью аркад,
И лазурное лето
Истомило поэта,
Что писал триолеты
Под стрёкот цикад.
Он летуче-напевно
Пел поэзы о страсти,
Пенил песни о танго,
О заревах снов...
Жизни вил дифирамбы,
Возносил он литании
К городам
огневых
облаков.
А осталась поэту
Капля крови в бокале,
С недопитым шампанским на дне.
И труп королевы, как роза печали,
У гроба пажа,
в тишине.

Велемиру Хлебникову

О ты, танцующий в изломе
Бунтующих утёсов-слов!..
Твой первобытный, буреломный
Колдующий фантом из снов...
Он сам себя перерастает,
Он сам себя горотовит;
И камень философский станет –
Мерцать, когда пишет творит...

2000, M.

Ахматова – весталка Модильяни

Ахматова – весталка Модильяни.
Она цветы в окно ему бросала,
Он счел её заботливой колдуньей –
Проникшей сквозь стекло в его жильё...

Она цветы в окно ему бросала,
А он был далеко...
Цветы упали
на доски пола...
По которым он
носил своё тоскующее сердце,
И он не знал – о чём её стихи,
И он не ведал ничего о ней,
И о её неведомой России, –
Страны медведей, стужи и теней...

2003-03-12, M.

Анне Ахматовой

Пьяный мёд зари янтарной
Обтекает наши губы,
И туман огней-видений
Замыкает тёмный круг.

Круг сужается и светом,
Багряницей, возрождаясь,
Утро круглое, златое,
Богом-миром восстаёт.

Георгию Иванову

«Всё на свете пропадает даром,
Что же Ты робеешь, не робей!
Размозжи его одним ударом,
На осколки звёздные разбей!»

...
«Что угодно, только кончи разом
С мукой и музыкой земли!..»

...
«Листья падали, падали, падали
И никто им не мог помешать...»

...
«Обещая в блаженном успенье
Отвратительный вечный покой.»

Г. Иванов

С муками и музыкой земли
Вы, Георгий, кончить враз хотели,
Сколько раз Вы пели менестрелем
Бога ради музыку любви?..

Богом закрывая гроб Земли,
Вы про листья падшие не смели
Вспомнить – волны как шумели,
Лодку Вашу к гибели несли?..

Вам же «отвратительный покой»
Кто пообещал в успокоенье?..
Ваш удел – из Петербурга той
Воющей метели ледененье...

По мотивам переписки И. Бунина и Г. Адамовича

Шли однажды через мостик
Жирные китайцы
Впереди их, задрав хвостик,
Поспешали зайцы

Вдруг китайцы закричали
«Стой! Лови! Ax, ax!»
Зайцы выше хвост задрали
И попрятались в кустах.
(...)

A. Чехов, 8 лет.

Чехов писал про китайцев,
Что шли через мостик,
Зайцы, задравши хвосты,
Перед ними бежали.

Бунин всё это запомнил,
Занёс на скрижали.
Долго китайцев и зайцев
Хранил Адамович

Только теперь по России,
Где ветер холодный,
Зайцы с китайцами
Вновь побежали.

30 июня 2001, Одесса.

С. Надсону, поэту скорби

Пускай ты умер,
Ты в строках живёшь.
Пускай на радостях тебя
не вспоминают

И пусть полузабыт,
Немногим уж поёшь,
Твой памятник разбит,
Но жертвенник пылает.

1980.

Поэты Москвы

Булату Окуджаве

Давайте умирать
И снова возрождаться,
От златозвонных слов
Не надо отрекаться,
Открыть в себе судьбу
И образы ночные,
Вселенских тайн борьбу
И бездны голубые.

Давайте распевать
Любимые напевы,
Чтоб веселей шагать
В безвестные пределы
И кто из нас дойдёт,
До цели дошагает,
Погибшим остальным
Он памятник поставит...

1977.

Евгению Бачурину

Мы по тропинке меж добром и злом,
Всю жизнь, как по тропе войны, идём;
Идем, бредём, на риск и страх сердечный.

Встречаем трудно друга на пути,
Чтобы, горя, вперёд, вперёд идти,
И слушать ветер странствия и песни...

2002, Одесса, лето, август.

Кириллу Ковальджи

Какие могут быть дела
У странников, бредущих мимо,
Они идут по кромке льда,
И устремляются к вершинам.

Как жгуч для странников поэт...
Он по строке первом проводит
И обретает мудрый бред,
Во сне в подвал за Данте сходит...
И посохи стучат во след
Тому, кто их за сердцем водит,
Тому, кто между Да и Нет
Свою Вселенную находит...

2005-03-18.

Владимиру Климову

Когда садилось солнце,
Лозанна трепетала
И в пушкинском саду
Мололи чепуху;
Однако наш поэт
Владимир — гнул сонет...

M., За плечами Пушкина, 1 авг. 2000 г.

Ольге Щепалиной

Щепотка соли, горсточка судьбы,
Её коснувшейся случайно,
Пока заметены следы,
Антэрос отворяет тайны...
Лес, тропы, сосен витражи
И на земле туманнокожей
Нас настигают миражи
А мы... на них слегка похожи.

1999, август.

Сэде Вермишевой

Сэда строит мир из камня и песка,
К нам пришла она давно, издалека,
Где живут невиданные звери;
Барс за дверью,

Шкура за спиной,
Аракат тоскует под луной,
Как когда сюда причалил Ной,
В Бога, в Небо, как и Сэда, веря...

2009-02-18, M.

Галине Данильевой

Дал Бог, что Вы, хранимы Светом,
Алмаз блистаний суеты
Не соединили с тонким ветром,
Идущим с высоты мечты.
Ловите сумраки и тайны
Есть в небе звёздном чуткий смех.
Вы слышите его звучанье?
А тишина звучит для всех?

Елене Тамбовцевой-Фёкле Широковой

В Тамбове, где тамбовский волк,
Широк простор, мерцают дали.
В Москве всё время снег идёт
В Москву весна придёт едва ли.

Елена — яблоко раздора —
На ветке древа Илиона.
С неё мы спрашиваем строго
По поэтическим законам.

Но Фёкла мощно — руки в боки —
Елену не даёт в обиду, —
Пусть на ярящемся востоке
Арабы боятся в щит Давида...

2001, февр.

*

Тает в небе мотылек
Алой точкою крылатой,
Меркнут крыльшки его
Белые, как плечи статуй.
Остановлен циферблат, долог звук,
Ворчит валторна –
Царь зари – небесный знак
Еле виден, полусонный.
Вам доверены ключи!
Ангел времени умело
Ель рождественской ночи
Летом в призрак переделал.
Если боль преодолеть,
На закате став звездою,
Астрой, факелом в ночи...
Анаграммой неземною...

2000.07.09.

Наталии Сафоновой

Вам времени суровый бег
Из урагана письма носит.
Ваш письмоносец – тяжкий снег,
Что на Европу пал заносом.
Вы говорите – «курс на льды»?
Дождёмся грозного рассвета...
Лучом «невспыхнувшей звезды» –
Душа отшельника-поэта.

2002-01-03, М.

Нат. Сафоновой

Козу беременную жалко мне, конечно,
И бабку жалко, у которой бабок нет,
И вора жалко тоже бесконечно,
Что всех готов душить,
Заслыши звон монет.

Но только как-то закралось сомненье:
У бабки козы средь могил паслись
И по природному закону там, конечно,
Разрыв-травы наотваль нажрались.
Их молоко белеет трупным ядом,
Бабуля собрала его в бидон
И опалила вора волчым взглядом —
Вор, берегись, такую — только тронь...

2002, июнь.

* * *

Левону Осепяну

Летают коршуны весны,
Елей на волны льёт Гекуба,
Всё, что живёт и дышит, — грубо,
О чём вмерзают в лёд мечты.
Но в нас искусство восстаёт,
Оно одолевает время —
Со струн слетают бури нот,
Едва ль сильнее штиль забвенья...
Печалью звёзд ещё полна,
Яснеет даль, со тьмою споря,
Но мы почти не знаем сна...

12 дек 2014.

Антипокаяние

Ответ поэту Владимиру Коваленко

«Мужики — эгоисты по сути»...
«В ноги / Бабам российским валюсь»

Вл. Коваленко

В ноги бабам российским Владимир
Коваленко решился упасть:
«Мужики — эгоисты по сути»,
Нужно их и распять, и проклясть!

Бабу можно бояться, конечно,
Проиграешь сражение с ней!
Помним рядом с Сократом – Ксантиппу,
Что его побивала больней...

Коваленко, Владимир, да полно, –
Эгоизм – он бесполый, и враз, –
Отравить и убить может баба,
Ну а коль не отправит, – предаст!

Баба требует времени, денег,
Баба яблок нарвать норовит
С древа жизни и долготерпенья,
Баба может быть – сущий бандит!..

2005-04-10, М.

Льву Болдову

С той поры, как я узнала его стихи, не было дня,
чтобы я не вспоминала его две строчки стихотворения
«Ключи от рая»: «Земную жизнь, пройдя до середины,
Я постоял и повернул назад...»

Л. Миллер

Ты постоял и повернул назад,
Земною жизнь не вняв до половины,
А Бахус-Пан всё выгибает спину
И в чаще прячет свой тяжёлый взгляд.
Ты постоял и повернул назад,
Ларису Миллер ты едва увидел,
Тебе бы чашу подносил Овидий,
Когда б у времени сбывался ход назад...

2013, 22 нояб., Од.

Поэты Одессы

Илье Рейдерману

Добрый поэт, Илья Рейдерман,
Часто он лезет за словом в карман.
А в кармане — растут деревья,
И пространство — что беспредельно...

2002.

Инне Богачинской

Иначе жить она не может,
На бури внутренние в ней
Надеть намордник невозможно,
А жизнь бушует всё сильней...

Бороться с берегом судьбы,
Обозревать с вершин просторы
Гореть и пениться, как море,
А о себе забыть скорей...
Что, кто отвергнут в сотый раз?
И от кого бежать стремглав?
Но сердце полыхает вволю...
Сорвать кольцо и кинуть в море,
Которым грезит Океан.
А тайна тайн приходит к ней,
Ярясь как шторм на буйной воле...

2003, Москва.

Triple Quibble for Inna Bogachinskaya

You know that astra is a Star
So bright,
When She reflects
The Light...
And when the Clouds
Come so low

And You are working
Hard for Law
Alas,
Your Soul is praying
For Love...

2004.

Игорю Павлову

Облик Павлова «суще и строже»,
Брови хмурит, — тоска подкралась.
Музы отняли всё до крошки,
Жизнь как пепел, дымок сигары...
Стал насуплен, поскольку музы
Оказались интересантки
И на грани нового века
Обобрали насквозь человека...

A ранье:

Облик Павлова — стиль — романтик,
Громогласен и чёток, строг.
Ему бы пушки и ванты,
Ему бы в стакане грог.
Но время больших ожиданий
В Одессе давно прошло,
И ветер не дальних странствий,
А бизнеса веет в лицо, —
Безжалостно-смрадный ветер,
В нём грезятся лица, дым, —
Гримасы предсмертные эти
Видим и сами горим...

Но...

В ветре, в жестоком ветре,
Всполох из чёрных туч —
Малая белая птичка, —
Жизни бессмертный луч,
Упала в ладони поэту...
Пёрышком лёгким в дым.
И прояснилось —
Павлов — космоса пилигрим...

2001, июнь, Одесса.

Иг. Павлову

Добро пожаловать в себя —
Там пусто и тепло?
Извне — поля, леса, моря,
Внутри — темным-темно?
Внутри, в себе —
Простор миров,
Внутри — полёт и свет...
В себя дорогу кто нашёл —
Тому преграды нет...

2002-05-04.

Ольге Ильницкой

Ты в чёрном море остров тайны,
Там в почве дремлет дух-кристалл;
Шаги под небом неслучайны,
Коль замысел Господь избрал...

2008.

Сергею Главацкому

Почтальон Вавилона спешит передать оригами.

С. Г.

Воспевал в стихах он оригами, –
Складывал картинки из бумаги...
Но не журавлей и не оленей –
Буквы складывал он из цветных квадратов;
Буквы оживали,
Тихо пели,
Пели о взволнованно далёком;
А потом – корабликом взмывали –
В небо, в то, откуда очи
Тех, кто души складывать умеет...
Вот и полдень, солнце ноту гор
Исполняет, находясь в зените...
Мы уходим, – мы приходим, – хор –
Хор светил наследует событья...

2009-12-22.

Алёне Щербаковой

В запылённом, нелепом, старинном раю,
Ты к свободе пришла,
Я к свободе иду...
Встреча наша совсем не судьба,
Не фата, образа...
И идём параллельно судьбе,
Не в узде...

По натянутой нити бытия,
Ты – не ты, я – не я;
Полубоги, из юности шедшие в ночь,
Мы в ночи –
отдыхаем на кромке дороги,

Мимо нас – огоньки проплывают,
Которым бы надо помочь...

2009-02-26.

Дружеский шарж

«Я старый маг морей, усталый аллигатор»

...

«Я бедный идальго, я маленький плантатор»

E. Я.

Ефим – идальго бедный и плантатор,
Однажды шёл он по следам Рахили,
И аллигаторы за ним послушно шли.
Рахиль в груди носила молоко.
Ефим за ней, за древнею Рахилью,
В ермолке, в лапсердаке с баҳромой,
«С бубенчиками слов», с привозною корзинкой.
Рахиль сказала: – Фима, Боже мой!
Вы – маг морей, бредёте по пустыне,
Идите ж поскорей себе домой,
И аллигаторов, пожалуйста, с собой,
Пока они в жаре как свечки не оплыли
И от жары не занялись друг с другом
Постыдным делом... сопромата...

В Одессе Кира Сапгир

В Одессе Кира Сапгир,
Которую знает мир, –
У неё колдовская улыбка
И взгляд весёлый, приветливый,
А когда и быстрый и зыбкий,..
Она –
Может заколдовать человека
И пишет стихи,
Но не такие как –

«Улица, фонарь, аптека»,
А стихи обоюдоострые,
Быстрые, резкохвостые...
В стихах у неё — орех лесной
И в нём —
Целые пинакотека и видеотека...
В Одессе Кире светло,
Не то, что на Севере,
Где остались лишь
«Улица, фонарь, аптека»,
Без человека...

Художники

Андре Дерен. «Женщина в рубашке»

Она прислушалась к его улыбке
И стала так внимательно-чутка,
Щеки коснулась тихая рука
И пальцем тронула...
А Дерен рисовал,
И взгляд её нисколько не мигал,
И уж мигнуть
Не сможет...

2004-04-15.

Николай Перих

То, что пишем мы духом своим
На высокие склоны идя,
И тайны вершин обретая,
Всё от Великого Духа, –
Не думай,
Творенье
Не тобою единым творится.
Знай –
Это отблеск священного Света,
Ты – лишь цветное стекло,
Чрез которое Дух
Этот мир освещает.

Слон и Сальвадор Дали

Я увидел, как в дали
Сальвадор гулял Дали.
Сальвадор с Галой гулял
И слона с собою брал,
Для чего слону Дали?
Догадайтесь – раз, два, три...
Слон давно хотел летать
Раз, два, три, четыре, пять.
С неба рухнул бедный слон,
Сам Дали в себя влюблён...

2006-02-25.

По мотивам картины Ча Йюнг Сона

Дорога вдаль...
Намечены деревья...
В пыли миров теряется пейзаж
Кореи древней,
Звёзд чертёж-мираж
Не только карта мира,
Но преддверье...
Гармонии...

Сент. 2000.

Илоне Гонсовской

В дымке фантастической тумана
Звёздно-тихий мир живёт Илоны, —
В нём за даль уводят небосклоны,
Камень моря спит, покоем пьяный...

Смотрит кот, живой как наважденье,
Рысий взгляд,
Зовётся, Рыжий Рысей? Или Брысей?
Кот колдует песню,
Он мурлычет о тепле, без мысли...

Световые волны припадают, отпадают,
Шепчутся с зездою,
Глаз кошачий как звезда мигает,
Камень хочет снова в бездну, в море...

2004, май.

Образам Наталии Баженовой

Не светотень рождает их,
Прекрасных, ясных и живых
Но — грань, хрусталь,
Свечною на ветру —

Мгновенье осознанья: «Я умру!»
Из трепетной и тонкой глубины,
В которой тени живы и вольны.

1993.

Татьяне Хромовой

В великолепии фантазии и снов,
В символике парабол вдохновенных,
В квадратах и коллизиях миров,
В пейзажах городов, веками неизменных,
Татьяна Хромова в них создаёт «коллаж»
Из прихотливых образов, созвучий,
Из красок на холстах и на листах —
Тысячемерных и летучих...

15 июля, Москва.

Т. Хромовой

Ей две страны
Как две струны
Поют про дивные таланты
И кисть её тонка, нежна —
Как балерина на пуантах...

Живопись Зарины Кабуловой

В смежении пространств
Вы ищете просвет,
И образы в просветах
Вдохновенны.
Себя находят, обретя Завет,
Как искры от погаснувших планет
И к Красоте стремятся неизменно.

2004-04-25, М.

Андрею Мунтяну

1

Творчество

Ты начертай на Шаре
Знак миров
И циркулем отмерь
Богоявление.
Жизнь –
Чаша жертвенных даров,
Для начертанья нужно
Вдохновенье...

2004-12-23.

2

Замок на горе

Над замком – грозовые облака,
От грома птицам хочется укрыться,
Там окна – как надменные глазницы,
На нас глядят, сквозь дождь, издалека
Дождя ещё не пишется строка...

2004-12-23.

3

Жертвенник

Кипит печаль в котле былых времён,
В тумане овцы кличут Ойкумену,
Нет, мы давно уже не ждём даров,
Руно времён, как овцы – неизменно...

2004-12-23

4

Книга жизни

Череп с рогами на книге открытий,
Ночь наступает для жизни и смерти,
Череп – как камень на книге заклятий,
Жизнь – как молитва,
Смерть – неизбежность...

2004-12-24.

5

Мадонна в замке

Нежность какая от взгляда струится!
Сколько спокойствия! И озарённость...
Глазки младенца едва приоткрылись...
Прикосновение – к Вечности склонность...

2004-12-24.

6

Замок осенью

Осенью к замку пристанут три лодки,
Только привратник увидит, заметит,
Сколько опасных пришельцев на свете,
Сколько из них приплывают к нам в гости?...

2004-12-24.

Константину Скопцову

Ты выпустил на волю петуха,
И он зажёгся ярой красной страстью,
Петух поёт, не без его участья
Война пришла, пришла издалека...

Аиде Ханемайер

Аида не зовёт в Аид,
Её порывы выше, – к Солнцу,
Так приоткрой с утра оконце
И луч лови, лучись скорей,
Пока дракон, главою с дом,
Не спрятал Солнце под крылом...

2005.

Наталии Родиановской

Растёрты краски –
Окна в небо, –
Довоплощённые ряды
Их души цвета резеды –
Анапест алого напева.
Но – в отражениях воды
Основа сновидений лета –
Вазоны, амфоры, букеты,
Свобода пряной теплоты...
Канал Венецией журчит, –
А Вы там вовсе не бывали;
Янтарный цвет у Вас – к печали...

Ирине Заговорчевой

За зеркалом холста мерцают города,
Астартой глубина,
Голем пространства –
Основа женственности – кисти постоянство,
Во всяком случае, не только свет и тьма...
О Праге, о Париже – отраженья,
Рисует кисть душ городов движенье
Через века они восходят в нас,
Её душой и солнцем стал пейзаж
Воистину и кроткий и глобальный,
А творчество есть молот с наковалней...

Юлии Долгоруковой

Юнона древних римских дней,
Лицо, осанка гордо-чинны,
Излом бровей, рука в перстнях,
Я знаю эту тонкость линий.
До времени, где род неновый —
Оставил столько славных дел —
Легенда, пагуба, удел
Гордыня — зов твоей основы.
Огонь и сущность естества
Роняет в пламень призрак тени
У губ черта — во мрак ступени,
Которым будто нет числа.
Останови же колесницу,
Ворота отвори во сны,
А ночью приложи к ларцу — десницу...

2000.07.17.

У офорта Александра Калугина

В избе родился дикий слон,
Наш русский слон,
Наш слон народный,
Он буйный, бешеный голодный,
Как Русь к свободе осуждён...

1999.

Александру Худченко

Чарующие волны светозарно
Вздымаются у берега Киммерии
Над ними, над конём крылатым,
Заря свой ранний парус распустила,
Чтобы заплыть в свечение тумана
И совершить над городом движенье —
Мерцающее светом пробужденье...

2005, дек. М.

Художнице Виктории

Виктория в мирах иных
Находит светоч зорь багровых,
В них тайною явлений новых
Мерцает горный хризолит.

И мать-Матрэйя восстаёт
Над окружающим пространством,
И ветер запредельных странствий
К одеждам светлым нежно льнёт.

2005?

Сергею Алфёрову

Сфинкс, ты никогда не дремлешь,
Взором всё вокруг объемлешь,
Сфера держишь на спине,
Будто в чудодивном сне, —
Терем на горбе стоит,
Птица в тереме сидит...

2010-04-03.

Живопись Руслана Алихперова

Органностью линейной
Лик абстракций,
Нанизанных пространств круговорот,
Неназванность теней,
Опльзы релаксаций,
Мир звёздно-зашифрованных широт.

1981, Тбилиси.

Современники

Кате Раисовой-Фальц-Фейн

Ты безумна немного,
Это к воле дорога
По тропинкам запретной страны.
Ты мечтаешь?
Мечтанья создают очертанья,
Воплощая тревожные сны...
По дороге до Трира
Ты себя позабыла –
Легкой, гибкой в волнах.
Осыпается осень –
Лист небесный и просинь
В огневых облаках.

2001, Одесса.

Нике Волковой и Вадиму Гринбергу

Вадим и Нина – два крыла, –
Крыла не Чижика, но птицы, –
Всё кружится вокруг, кружится,
А вся Америка – дотла...
Вадим и Нина – два пути
Слились в творении Вселенной
Своей, но сущей и забвенной,..
Самозабвенной, всё в струну
Взаимных долгих чарований,
Лирических отходов вглубь,
Где дым столь внутренних разлук
И встреч – опять на расставанье,
Но главное – заботливо дознанье
Друг другу обречённых душ...

2001, сент., Од.

Трёхцветный гость *Изабелле Григорьевне Леви*

Его пустил я в дом,
Хоть хищник он немногого, —
В нём больше доброты,
Чем хищничества злого.

В себя бы был я рад
Впустить уюта свет,
Но этого «кота»,
Увы, в природе нет.

1979.

*

И.Г.Л.

Вы нервно говорливы в пустоте,
Ненужных слов напрасная учтивость.
Страшна на фоне обнажённых стен
Ваша отчаянно-наигранная живость.
Да, больше не жильё, а тёмный саркофаг —
Безмолвное напоминание былого,
Двух фотографий маленький алтарь
И четырёх стихов мертвееющее слово.

1988, Одесса.

Смиренное послание пилигрима

И.Г. Леви

Я, путник, к Вам прибрёл
Из дальних стран,
Стучался я в ворота замка,
Но был Ваш замок на замке,
И крепко был он замкнут.
Прилёг вздремнуть я у ворот.

Вас тщетно ожидая,
Но тут явилась Дева Вод,
И я отхлынул от ворот,
Надежду отпевая...

Инженер Рукин

«Нет, этого не может быть!» –
Я говорил себе стократно.
Я встретил Рукина в тот день!
Задумавшись, он шёл куда-то
Над морем, по тропинке шёл,
Ему же сотый год пошёл!..
Он друг Филатова заклятый.
И часто хоронил он жён...
Женился... Пожил... Вновь хоронит, –
Морганатический Харон!..

2012-10-04, Од.

Геннадию Группу

У Группа снова мы сидим,
В который раз...
А Групп хотел бы всем своим
Дать что-то в глаз...
Теперь сидим за коньяком
Не «Шустов», нет...
Но только кто-то обойдён...
Чужой поэт.

Люсьене Клаупик

Среди аллей таинственно-осенних
Идёте Вы в кирпично-смуглый храм
Страданий и долготерпенья...
Хоралы снов, химеры мук людских
Мне кажется, не в силах тронуть
Ваш строй души целительный и тонкий

И знаю, что аллеи Ваши, —
Средь тонкорунных строк.

У Аллы Рахманиной

В том Чуковском гараже
У Рахманиной у Аллы,
Много лиц перебывало,
Что известные уже, —

В том Чуковском гараже
Стиховая «переправа»
От Бодлера до Леже, —
Тут и Рейн и Окуджава,
И Сапгир со протеже...

2011.06.06, Переделкино.

Тамаре Мельничеко

Тамара, дом Ваш очень тёплый,
Он светло-деревянно-ёмкий
К нему метёт зимы позёмка,
К нему склоняется луна...
И лес вблизи, там волки воют?
Иль души чьи-то в тёмной чаще
А между нами и чащобой
Всего лишь тонкий слой стекла.
Зато внутри уютно, тихо,
И в рамках дремлют отраженья
От кисти тонких вдохновений
Или от Вашего лица...
Пусть выюги наметают снега,
Пускай ветра вокруг бушуют,
А мы откроем у камина
Бутыль бургундского вина!..

Дек., 2001.

Захарию Агаджанову

Захарий!
А Тбилиси далеко...
Хотелось бы стакан Эрети...
Ах, сколько в Грузии тысячелетий
Рождений, смерти эхом унесло...
И наш удел — видения Брюллова,
И Ларионова, и Гончаровой...

2000, М., Арбат.

М.Б. Аксиненко и А. Захаровой

Маргарита и Анна
Сокрыты под сводом
Голицынских стен,
Здесь глубокий уют
Фолиантов и тайн овеяает.
Тигр столетия тихо
по полкам архивным ступает,
Охраняя их жизней
Таинственный плен...

30 декабря 1997, М., ГМИИ.

Путеводитель по жизни Наринэ Эйрамджянц

Вижу с высей горы —
Там, на земле, на пути —
Наринэ, дочь Левона-стратега.
Сколько шагов суждено
Ей полукружьем шагать?..
Не тяжееет душа?..
Голод — царство,
А сытость — могила.

Взмах вороного крыла
Прочь от севера стылого.
Не развеется ветреный день,
Тот, расписанный старым писцом,
Как художником старые двери...
В горы, в даль уносима
Мысль – пера колея...
Задремала Земля,
Вокруг оси повернулась лицом –
К небытию, от себя –
За глаза...
Там твоё отражение,
Там – закон и судьба...

2003-02-8, M.

Аида Ханемайер

В вашем облике
Что-то от сказочной королевы,
К которой выходят из леса чуткие лани.
В Вас тишина горных полян
И отдалённый гул водопадов, –
Когда произносите слово.
В вас понимание тех, кто окружает,
Приятие их и терпенье.
Даже тех, кто недостоин,
Потому что в вас – достоинство,
Верность
И тонкая женственность
Сопрягает себя
С любовью –
К миру и людям.

2005.

Е. Лазьяну

Во времена Евгения Лазьяна
Возвысилась культура Хайастана.
Величие цветущей красоты
Превосходило смелые мечты
И поколения в восторге возрыдали,
Читали, плакали, потом — опять читали.
Но тут явился злой Енок и смерть Евгению предрёк.
Народ армянский в тягостном сомненьи:
Енок ли гений, иль Евгений — гений?!.
И начались тут распри
Без чего немыслимо таланта торжество.
Енока любим мы! — вопит Ваан Терьян,
О нет, Евгения, — считает Саакян.
Один лишь Нерсесян молчал:
Был пьян и за себя не отвечал.
Енок мне друг, но истина дороже!
Кричат и спорят. Нас избави Боже
От чертовщины всяких раздвоений;
Один — Лазьян, другой — Евгений.
Един в двух лицах! — так сказал Набоков,
Чревовещая из-за рубежа,
И звук такой — как проглотил ежа.
Издали два собранья сочинений,
В обоих есть Лазьян, в каком из них он — гений?
Стучу клюкой по плитам Еревана,
Давно уж нет Евгения Лазьяна...
Но пред *универстетом* вижу я:
На пьедестале чья-то голова...
Вгляделся я в знакомые черты:
Евгений, ты? И эхо — «гений — ты?..»
Но статуя безудержно молчала,
Лишь надпись «МОСКВАЦИ»
Под ней кричала.

1985.

Андрею Канцурову и Нодару Доминову

Однажды забрёл я в глухую таверну,
Не чаял там встретить Экзарха с Нодаром,
Глотали они полускисший фалерно,
Купали в Цекубе душевые раны.
Экзарх озабочен судьбой Византии,
О коей диктует писцу мемуары,
Вздыхает на Фоку, на Александрию,
От гречки, муки и бензина усталый.
Нодара же мучит другая проблема,
Решает её он весьма ариманно:
Распять, расстрелять и повесить, наверно,
Келейно-елейна Нодара программа.
Меж них глаз сощуренный чей-то провижу –
То пан Юлиан, цвет тифлисских притонов,
Сощёлкнуты зубы, улыбка, я вижу –
Ему бы «Титаник» и звуки чарльзтонов...
Над ними витает расплывчатый демон,
Что послан противником яркого солнца,
Друзья, оджалеши глуша как фалерно,
Вы очень похожи на неких гасконцев!

1981.

Петру Калитину

От утопии к науке
И от Гегеля до скуки
Философия ведёт
Задом как-то наперёд.
Петр Калитин именитый
От Ивана Калиты
Род ведёт в стране сердитой –
На Руси.
Хмурит брови кришнита,
Морщит детские черты,

Книги на столе раскрыты —
Киники, антисемиты...
Пыльных классиков подряд
Почитать Калитин рад...
Рад отдаться алкоголю,
Половому секс-раздолью;
Петр Калитин — Калите
Листик фиги — срамоте...

1988.

Призрак Федора Сологуба —
Владу Яриле — Владимиру Чуприкову

*Вызывал дух и записывал дословно
речения оного — Ст. А.*

Мой друг Ярила,
Из мрака сила
Тебя ведёт...
Но нет резона
торопиться, —
Харон не ждёт.
Пусть Стиksа волны
Тоскою полны
Хрипят вдали,
Они ползуче
Шипят стозвучно:
«Умри... умри!...»
Но, друг Ярила,
Святые силы
Развеят мрак, —
Живи, дышши,
Приемли чудо
И верь, чудак!..

23 июля в лето 1983.

Земля Хайастан

Тишина времени

E. Лазъяну

Время в Армении
тихо течёт по камням,
Камни тепло отдают
вышине – облакам
Твёрдость сердец своих камни отдали
– кому?
Тих их ответ – свет туманному дню.

На мотив Аветика Исаакяна

Пробудись же, выйди,
В дивный сад лучай,
Где по камням пишет
Мхом – свой звон – ручей.
Для тебя открыты
Красота и цвет –
Кто другой увидит –
Может умереть...
Ты же безразличным
Взглядом повела,
Молча отвернулась,
В дом, в себя ушла...

Триптих

У картины Акопа Акопяна

1

Трудно часам
Продвиженье вперёд,
Вихри пространства
Превозмогая,
И, преломив паутину веков,
С образов будущих
Сдернуть покров,
В пульсе рождаясь и умирая.

2

Двигают время
Стрелки часов
С каждого мига
Сдернут покров

3

Стрелки часов, подгоняя,
Властвуют нами, секундами, днями,
Движась — годами.
Стрелами вечность
Пронзали трехмерно...
Грохот, венчающий эхо удара:
Стрелки
 упали,
Сломились о скалы,
Смерть объяла циферблат и на круге его
Уж не найдёшь — ни минуты, ни часа,
Белой эмали надгробье... и все!

*

Армения, вершины гор —
Забвенье и лёд вершин —
Туда ты не взойдёшь один,
Неся в себе свой род с собой;
В вершинах царствующий лёд
На солнце искрою блеснёт.
На миг воскреснет тот, кто жил,
В твоей душе под солнцем гор...
Наедине с самим собой,
Наедине с лучом вершин,
Армения, которой нет,
На карте древности седой;
Её ищи во льдах вершин,
Протаявших живой водой...

Земля Хайастан

Земля клубится дымно, как туман,
Туман клубится дымно, как земля...
В тумане скрылись тропы и поля,
В тумане скрылась горная страна,
Которой нет на карте, есть – во снах;
Там птицы крик ночной – как тяжкий страх,
И горы есть и скалы и заря...
Которой имя – тайна – Хайастан...

2010-02-28.

*

У Газарьянца в тихом Аккермане
Берёзы источают тишину.
За окнами – так женственно ветвями
Они колеблют воздуха волну.
И виноград тяжёлыми кистями
Висит у Газарьянца в Аккермане.

2003, Б-Д.

Из раннего

Кристалл

Струи замкнутых сосудов,
Воздух в тяжести горенья,
И кристалл – гармоний тайна,
Что по грани движет светом
Струи воздуха над камнем
Вечной Статуи Вселенной...

1983.

*

Зажгись короной лучевой,
Восстань из темноты глубин,
Наполни светом шар земной,
Твой лотос тайн невыразим...

1978.

Из древнего свитка

Если любишь ты жизнь,
Вечно смерти желай,
Если к свету стремишься,
То темень узтай.
Хочешь знаний –
Пройди сквозь незнанье.
Если люди влекут,
То отшельником стань,
Холод солнца стерпи,
Пламень льда испытай,
Если дух твой созрел
Для познанья.

Поиск единства

Единство, тождество всего,
Что сущее на белом свете...
И мир – пылинкой на монете –
Они едины, разно – вещество.

Но дунешь, и единства след
Простыл на солнечном металле...
Единство так найдёшь едва ли...

Поэмы камня

В священном действах скрытых руд,
В страдальной боли отверденья
Земля творит свои каменья...
Смеялся граней перелив,
Дробились месяца луки
В сердцах их твёрдой пустоты.
Гордясь, твердел гранит,
Густой мерцал гранат,
Тлел злой рубин,
Синели небеса сапфира,
Алмаз творил границы мира.
Приманчиво златился хризолит
Из бликов *повителию* увит
Зарю светил лазорный аметист,
Страж мыслей остроты,
Хрустально-мглист.
Сквозь мутно-выгчурный топаз
Точил египетскую ночь кошачий глаз;
И, шах корон, надменный самарагд
В *измрудно-царственной* тиши,
Где ворожащие несутся светотени,
Рождал из равновесия основ
Своё спокойствие,
Тая в себе знаменья.

1978.

*

Бессмертные слышишь посланья
Нам доносящихся строк?
Как наш разум
Из грани закатной
Багряных лучей и тумана

Смысла и мысли
Тайный экстракт извлекает
И пьёт полной чашей
Горечь нектара,
Чтоб сердце пылало
Сладостью высшего счастья –
Познанья...

Ковёр жизни

Мы без печали,
Над рекою-тоскою
Воспоминаний постлан ковёр.
Сидя пред ним, вспоминаю узоры
Прошлых плетений, видений и зорь.
Нить заплетается нитью и здание
Жизни волшебно встаёт на ковре.
Скоро кончается наше вязание, –
Ножницы-парки в костлявой руке.

1983.

*

Гуманность говорит: – не убивай!
Ей Библия вторит,
За ней тома законов, правила морали,
А между тем веками льётся кровь.
Зачем же петь про братскую любовь,
Когда среди людей живёт мораль другая?
Ещё Давид воспел её, убив из пращи Голиафа,
А богослов проводит ночь без сна,
Без устали твердит – то заповедь иная!
Зачем же спорить, пусть иная, но всякому – своя.
По-своему трактует каждый тот завет,
А несомненной истины всё нет.
Одно известно миру вне сомнений:
Старуха-смерть судья всему, и посему –
Мой дружеский совет шпионящим друзьям,
А равно скрытым и известным мне врагам:
Пытайтесь извести меня всечасно.

Я ж дело постараюсь дело повернуть наоборот.
Не выиграет в этом споре тот,
Кто след злодейства плохо заметёт.
Он первый к поминальному столу покорно подойдёт,
Поклонится вдове, сочувственную речь произнесёт,
Потом всплакнёт,
Салфетку белую за воротник заправит
И важно сядет ближе к винам поминать,
Врага, умершего не без его участья.
Усмешку за глотком вина из кубка пряча,
Подумает:
«Всесильная судьба могла решить иначе,
Во склепе мог лежать с успехом я.
Да, в самом деле переменчива судьба!»
Бокал резной на стол спокойно ставит
И взор голодный к блюдам обращает.
Не ведает, что в этот самый миг,
ему служащий за столом старик,
из перстня в тот бокал добавил щепоть яду.
Он выпил. В следующий день –
его жена на поминальный стол собрала.
Таких событий цепь длинна,
В грядущих временах скрывается она.
Немудрено – ей нет конца и края.
Природа человечества вечна,
Навеки хищно останется она.
Не ждите на планете нашей рая!

1977.

Век XVIII

Струны чередуют звуки,
Ноты строятся послушно,
Пары стройно-равнодушно
Плавно строят менуэт;
И плюмаж на треуголке,
Кружева манжетов длинны

И под звуков лад старинный
Затихает флаголет...
Вечер кончен. Гаснут тучи
По краям огонь летучий,
Пары смотрят в небеса.
Дама с мушкою на щёчке,
Как парик её припудрен! –
Томно смотрит на куртину,
На розарий, на лафет –
Небольшой чугунной пушки,
Чьё молчание устало...
Пушка бьёт лишь на рассвете,
Дымный огнь вверх взметая
Прямо в тучи, в небеса...
Кавалер ведёт под ручку
Чуть усталую маркизу,
И карета – наготове
И пажи устало ждут...
И на трость, как старый посох,
Опирается графиня,
У которой за манжетой
Склянка малая духов...
Пусть духи благоухают,
Пара пару провожают,
И закат налился тьмою,
И закат совсем угас;
И разъехались кареты
Стало пусто в тёмном парке;
Лишь цветы, цветы букетов
На земле лежат и стынут
Их оставили под утро.
Их рассыпали на смерть...

Ода

Блаженной памяти императрице Екатерине
Представили поэта, коий в Ея честь

Пропел зело длинную оду.
Императрица заснула, он же всё пел и пел,
Когда же окончил длинное послание своё
Вскриком – Восторжествуй, Фелица! –
Императрица проснулась,
Испуганно-широко открыла глаза
И, зевнув, спросила поэта: Ты, *евто, хто?*..
1978.

*

Молчание – согласья знак.
Кого и с кем?
Опять молчанье...
Молчание – в себе изгнанье,
Молчу... Я должен промолчать...
Но промолчать – «мечтать» –

дословно

И в глубине таится слово,
Оно зажечься в звук готово,
Готово – ввысь, готово – вспять,
Готово тонкой чешуей
Одеть, окутать шар земной,
Ворваться в жизнь.
Но мир опять
Надменно просит –
Промолчать.

1987.

*

Ю. Долгоруковой

В сонатно-тонком углубленьи,
В шандале времени и тени,
В ручье, где смолк последний звон,
Там, где поэзия Врёмен,
Возник Аккорд – И голос скрипки
С небес сошёл на лёд оков...
Но то поэзия – без слов...

1995.

Весёлая мелодия

Холод. Голод. Ночь. Пустыня.
Зверь поёт.
Кто-то ходит,
Кто-то стонет, что умрёт.
Нам ли долго до страданья,
Глушь тропы.
До незнанья, до изгнанья,
До удушья, до свиданья
Крика — мрака — немоты...

1983.

*

В провале горной высоты
река дороги каменеет
и путник жаждою немеет —
не влаги жаждет — красоты.

Од. — Кишинёв, 1984.

*

Не вернуться, не встретиться полночью,
Не стоять у сирени в саду,
И, обнявшись, не видеть как лебедь
Огибает кувшинки в пруду...

1980-е гг.

О Пушкине

Поэт погиб на Черной, на снегу,
От ревности и от бессилья...
Ни лёгкости лицейских дней,
Ни шалостей, ни дерзновений,
Для Натали он — скучный муж,
Ревнивый и тяжёлый гений...

*

В домах немало под полом существ
Сереют быстрой шкуркой,
Их глазки-бусинки
Неуловимо-юрки,
Но всё же, как их ни люблю,
А завтра же пошлю за Муркой,
И поручу ей, гибкой и хвостатой,
Пушистой, розовоносатой,
Быть строгой к милым существам,
Не допуская их к орехам и сластям...

Смехотворения

*

Играют кошки в домино.
Лиса сожрала крокодила;
Слона отправили на мыло,
А кенгуру ушло в кино.

*

Медведь уселся на жирафа,
Змея залезла в пасть акуле,
Её безжалостно надули,
Чтобы акуле пасть порвать...

*

Дрожит от страха павиан,
Не хочет попадать в капкан,
За ним погнался пеликан,
В тибетском княжестве Бутан.

*

Мартышка злобно хохотала,
Пыталась оскорбить змею,
Но с ветки тут она упала,
Змея обедала е ‘ю’...

*

Лягушонок хоть и мал,
Но опять блоху поймал.
Блоха от страха хоочет,
Вырваться хочет.

*

А вот крот,
Он в земле живёт,
Нос из земли покажет,
Всю правду скажет
И снова в нору уйдёт...

*

Мы в кино не ходим больше,
Ходим только по сортирам,
Как увидим, так заходим,
Ну а в оперу – ни-ни!..

*

Долго, долго нашу Машу
Раком били,
Били раком –
Не стыдливо, а бесстыдно
Били Машу.
Рак большой и пучеглазый,
Кто поймал его, беднягу?..
Им то Машу больно били,
Раку было всё равно...

Заведение

Сначала я завёлся сам, –
Завёл жену себе,
Завёл собаку
Завёл кота,
Потом макаку,
Чтоб было с кем попрыгать по утрам.
И в этом обществе я знаю, что неплох –
Осталось завести мне блох.

2002.

Дорогой гость

Постучись ко мне,
И я... потихоньку дверь открою...
Удивленья я не скрою:
Вижу точно, ты – не ты!
Всё же входим вместе в дом,
Вместе водку мирно пьём
И приходим к заключенью:
Ты – не ты – нема значенья...

1978.

*

Сон разума однажды
Чудовище себе родил
И сон испуган крайне был.
Это как водку выпить дважды,

Вместо того, чтобы залить
Водою или соком жажду...

2002.

*

К веку – век,
Из года в год
Голодать привык народ:
Днём – ни маковой росинки,
Вечером – *морожное* из льдинки.
Но, однако, огненную воду
Не отнять у нашего народа!

2004.

Плохая басня

Пришли к мартышке раз послы
И предъявили ультиматум:
Мартышка! Больше не моги
Ругаться матом!
На что мартышка,
Сидя в тронном зале,
Ответ дала такой:
Велела, чтоб послов связали,
В смоле и перьях обкатали
И выставили на базаре,
И лишь затем отправили домой.
Мораль сей басни такова:
Мартышке только дурень шлёт послы.

1994.

Мнительное

У меня живот болит!
Это значит гепатит?
Нет, обжорство это значит,
Пусть сиделка в клизму плачет.

2005-06-21.

*

Я двух больших клопов убил
И рухнул на постель без сил.
Мораль сей басни такова –
В Коломне клоп страшнее льва.

1987.

Боримиру

Однажды мощный Боримир
Зашёл в сортир.
И там растрогался до слёз –
Там запах роз!
О Боримир, о Боримир,
Не верь слезам,
Там кто-то просто тайно пил
Портвейн Агдам!

*

Один упрямый муэдзин
Тропою шёл в Эчмиадзин.
Он заблудился потому,
Что на тропе нашёл траву.
Мораль сей басни такова:
Тяжёлой может быть трава...
Да, заблудился на пути,
Никто не смог его спасти,
Поскольку он попал туда,
Куда вела его трава...

*

Я кот одинокий, на ветви сижу,
Я здесь как собака себя сторожу!..
Зовут меня Васей, но это не так, –
Я Дрямин Олег! Ненавижу собак...

*

Во сне всплывают чудища-уроды.
Животные нас любят просто так.

Нам женщина – Явление Природы,
Присмотришься – а пред тобой сорняк!...

*

И брёхает дура-собака,
Которая *кобеля* мать,
Про родину что-то сердито,
Её невозможно унять.

*

В нашем путном государстве,
Чьи пути исповедимы,
Путных мало есть достойных,
Больше всяческих других...

1998.

Очаг пожара арьергардный

*Подражателям Бродскому, Пастернаку,
Мандельштаму и другим, в их манере...*

*Тяжёлый блок шального текста
На побледневшую бумагу –
Поэт спознался с Незнакомкой...*

Когда есть Бродские, так тяжко
Пружину вить из эгоизма,
Коль лучше всех он это делал...
Иосиф. Был ли он прекрасен?
А матерным бывал, известно;
Известно, что входил он в клетку
Всегда в пустую, вместо тигра,
А лёгкий шум ночного ливня
Смущает деву после бани,
Когда при звёздах, раньше рани
Она к архаровцам забралась,
Их всех невинности лишила,
Солдаты плачут и смеются,
Она, урча, изнемогает,

И в ней “сестры тугая тяжесть”,
Сестры той самой, Мандельштама,
Что на козла похож навечно,
Хотя птенцом бывал он тоже,
Общипанным. Но птичек царских
Любил пощипывать пристрастно.
Диктатором общипан насмерть,
Перо отбросил Пастернаку,
Что тоже нобельского чина,
Как и известный трутень Бродский.
И пастернакозагундосо,
Свечой, горевшей вне постели,
В тени у стен сплетались ноги,
И догорело до постели. —
Очаг пожара арьергардный
Доныне тлеет баней русской,
В ней много пары, мало мысли
Людей же вовсе нет в помине,
Лишь голые тела в тумане,
Дурмане, мерзости и пиве...

Invectiva

О эта липкая расхристанность стиха!
О эти всепроникшие зануды,
Нас доводящие всечасно до греха...

Россия так словесно широка...
Управы нету на поэзианство,
Что Бродского рифмует с кондака,
Вводя его в дурное постоянство!

2010, сент.

Химерион

Цикл стихотворений

*Светлой памяти
Георгия Фёдоровича Цомакиона
посвящаю.*

Автор

О Химерах

Прочно сидит на крыше химера. Окаменели ее лапы и туловище, но глаза — нет, они живые. Ни от одного взгляда не веет такой значительностью, решающим предощущением, предчувствием ужаса иного мира, как от взгляда химеры. Она не случайно сидит на католическом Notre Dame, на Соборе Парижской Богоматери... Заметьте, не в подвале, не в потёмках, куда должен лежать путь химеры, не в подземелье среди сталактитов или скелетов, погребённых в катакомбах — там бы она смотрелась подобающе-леденяще, как призрак ужаса... Нет, создатель Собора поместил химеру на крышу, ввысь, под гром и грохот молний, ибо нет у мира ни конца, ни начала... и начертано на скрижалях Гермеса — «То, что сверху подобно тому, что снизу». Да, духи, элементали, нежити, разноплощенные существа роятся везде, они и в воздушных околодземных слоях, под небом, и на крыше собора. Академик Ф.Я. Шипунов утверждает, что в каждом квадратном сантиметре пространства пролетает в секунду десять в двенадцатой степени сущностей, пролетают они друг сквозь друга, однако не меняют друг у друга структуру, не деструктивируют одно другого. Это значит, что так и химеры — они присутствуют везде, для одних душ зримо, для других, менее чувствительных, — незримо. Некоторые сновидящие просто привыкли к ним, но не все знают их под этим именем, в разных культурах они названы по-разному, в древневосточной традиции они назывались — дэвы... А бывает, у человека, подавившего непосредственные импульсы подсознания атрибутами материальной цивилизации, химеры — лишь юнговские «анимы», гости сна, эйдетические визуализации древнейших слоев «подкорки» мозга, в этом случае химеры — глубоко личное, возможно генетическое «воспоминание», пришедшее из древних времён, из родовой памяти.

Химеры небезопасны для слабых душ. В тех же, в ком зажжён светильник веры и силы, в них — прочный щит от химер, нежителей, бесов, окружавших Бия в повести Гоголя...

Ночью я вышел на площадь, сильный ветер пел о смерти и осени, об осени и смерти, я поднял глаза к грозовому небу и увидел, — химера, как тяжёлая старая сова сорвалась с парапета, расправила каменные крылья и полетела вниз. Может быть, там, внизу, на увядшей траве, она увидела мышь, отгрызшую кусок от переплёта первого издания, кем-то потерянной в бегстве от реальности Библии?..

Cт. А.

Взгляд на химер

* * *

Везде химеры тыгутся в углы,
Везде им мало места и пространства,
Они – как скрученный клубок из темноты,
Они текут, текут без постоянства,
Стекаясь в лики в тёмных далях сна,
Они – как гул реки, по дну катящей камни;
Их нет и есть они,
Но сохраняют давний
Закон –
Их роду нет числа!

2001, дек. М.

Химеры

Химеры – существа из мглы,
Химеры – лунных листьев блики,
Химеры – порожденья стыков
Миров, что без любви больны.
Творенья мрака и луны,
Они приходят тихо, в полночь,
От звёздных россыпей, на должность –
Напоминать, что смертны мы...

Химеры верят в чудеса?
Мечтают ли о поднебесье?
Иль только в каменном безлесье
Подслушивают голоса?..

Огонь свечей, алтарь стоит
Крестообразно святыней,
В витражных окнах полночь спит,
Белеет мрамор, словно иней;
Химеры видят, как в ладонь

Зерном священным чудо пало,
И вскрикнуло, как Лаокоон,
И змеями от рук отпало –
Святое чудо естества, –
Зажглись огни и стало тесно...
Полёт фаворского огня –
К Христовой выси поднебесной.

2000.10.23.M.

* * *

Химеры дремлют на соборе,
Однако это всё обман...
Их словор – как туман над морем,
Их словор – буря, ураган!
Они нахохлились, как ведьмы,
Они – как болевой фантом,
Под ним в ночной своей отчизне,
Таясь от ужаса, живём...

2001, дек., M.

* * *

Восход горит над тишиной,
Восход над тесною пещерой –
В ней улыбаются химеры
И холод выдыхают в зной.

Идёт по кругу Шар Земной
И поднимаются завесы,
Над городом ночные бесы
Скрывали солнце за собой.

Земной, небесной тишиной
Мы открываем сердце рано –
Когда цветёт любви поляна,
Когда роса, цветы, покой...

2001, февр.

* * *

Химерам мало места на Земле,
Им мир иной провидится в потёмках,
Пока метёт метлой зимы позёмка
И иней отдыхает на стекле.
Зимой химерам чудится жара,
Они парят меж холодом и зноем,
Им не чужда безмолвная игра
Между луною, солнцем и покоем...

2001-12-09.

* * *

Ариадне Морио-Сабио

Химеры – странные созданья,
Сначала много лет тихи,
Как Нотр-Дам'а изваянья...
Потом в один опасный день,
В день несогласия созвездий –
Они не выдержат, застонут,
Такою древней болью камня,
Такою древней болью дэва,
Такою древней болью духа,
Что страх ползёт по городам...
А горожане и не знают,
Что это стон химеры бедной,
Что куковать в тоске не может,
А только стонет по ночам...

14 дек. 2001, М.

* * *

В химере – лев, коза, змея
Слились как – огнь, земля и время,
Подземным сном опалена,
Она влечит слепое бремя,
Свою участью больна.

2001, 9 дек., М.

Химера в пустоту...

Мы знаем вас, химеры,
Вы — больны
Тоской, необъяснимою тоскою;
Вы в пустоту безумно влюблены,
Вы без ума, но с умыслом, —
Без слова, — с молчанием
И пеной — вместо слов —
Слагается из судеб эта пена —
Рождественской свечой зажжённая любовь
Вам недоступна, хоть безмерна.
Химеры зрячи в слепоте своей,
И дремлют над поступками людей...

2001-12-24, М. «Космос-отель».

Химера на стыке миров

Как странно, что среди живых
Мы боковым, дремотным зреньем
Ухватываем в четверть впечатленья
Из мира в мир луннолетящий блик —
Мерцающий, мгновенно-чудный лик
Трепещущий и ужасом и явью, —
Химерою летучею возник,
И тут же скрылся, не ужившись с явью...

2002-01-04.

* * *

Хи — весёлый ехидный смешок...
Мера — эталон всего — отвес...
Химия небесной меры —
Алхимия, чей символ — Химера
С аптечными весами и свитком тайных письмен...
Химера сидит на шесте над бездной,
В ней клубятся круги,
Которые наблюдает задумчивый Данте...

2002-01-14.

Вопрос о Химере

Что такое – химера?
Маленький мальчик спросил...
Мама лежала больна,
У мамы не было сил.
И прошептала больная:
– Детка, вопрос о химере
Может быть так же опасен,
Как и химера сама...
– Мама, скажи о химере, –
Не успокоился мальчик,
Мама, смирившись, вздохнула,
Взгляд погрузила в себя...
– Видишь, мой мальчик,
Как звёзды –
Ночью устало мигают?..
Умерли звёзды, а свет их
Всё ещё льётся к земле...
Так и химеры, – мы жили
С ними когда-то в соседстве,
Видел их каждый когда-то,
Так же, как кошку и пса...
Ну а теперь огрубели чувства
Совсем человека,
Изредка очень химера
Нас посещает в ночи,
Может, и нету химеры,
А лишь её отраженье,
В звёздного света движеньи,
Или – во сне поищи...
Только бывают химеры
Очень различны по цвету,
По оперенью и стати,
По отношению к нам...
Добрые гномы-химеры,
Злобные троли-химеры,
Ты избегай Саламандру –
Злую химеру огня...

2001, 14 дек.

Наблюдение нежитей

Наблюдение нежитей –
почётное занятие,
которое учёные могли бы
определить,
как зоологию небытия.
Но учёные заняты своими химерами,
в существовании которых не сомневаются,
хотя меняют их несколько раз в несколько лет.
А то, что химеры и нежити – одно,
это открытие далёкого будущего,
когда люди научатся видеть сквозь горизонт...

2002-02-28.

Чучело древней Смерти

Чучело древней Смерти! –
Химера...
Как только прервалось дыханье,
Слетаются химеры
К остывающей оболочке –
Как к убитой морозом почке
На дереве вечном...
Чучело древней Смерти! –
Химера,
Если крепок состав человека,
Если воля крепка,
Если зла сотворил он невольного
Меньше, чем добрых поступков,
Значит – крепка скорлупа,
Закалённая Вечным огнем,
Чей источник – начало Вселенной,
Сам Творец-Пантократор,
От которого в лучах золотых
Струятся силы – Слова,
И сложная вязь эманаций
Духа Святого, –

Вот тогда, в свете лучей,
В свете гулкого Космоса,
Новым рождением
В сложно слоистый
А порою прекрасный,
Новый слой обитания,
Более тонкий,
Ветроподобный,
Невидимый в волнах эфира...
Пение сфер возглашает
Рожденье, –
В свете и звуке, в Слове
Сознанья, что сознает себя –
Разлетаются тучи и стаи химер,
Им тогда неподвластно – сгубить
И к себе приобщить, к своей стае...
Свет, – он лучится...
Свет – нарастает!..

2002-01-24.

Химеры краем глаза

Химеры –
из тьмы состоящие точки,
что пролетают мимо –
поодиночке...
Ожившие точки...
Устанешь –
заметишь, как химеры –
проскаакивают стремительно мимо...
Краем глаза увидишь, –
как – мельк! –
и исчезла.
Недопоявленная в явь химера...
Их, как зверюшек,
небрежно дрессировал Азазел –
демон, берущий козла за рога,
и уводящий его

в страну туманно-невидимого,
в страну химер...

2002-03-01.

Мифогенезис Химеры

Ад и земля, Тартар и Гея,
Чудовища – отец и мать:
Ехидна и Тифон сумели
Родить Химеру, мрак зачать...

2002-03-20, M.

Химеры над Россией

Химеры кризиса,
Химеры пустоты,
Химеры бурного развала
И разбоя –
Летят и мечутся,
Как дымный ветер в поле,
Там, над Россией, –
Щит из немоты
И нищеты,
И голода
Раздолье.

2002-03-24.

* * *

Химеры не кончаются.
Они –
всегда живут,
поскольку на планете
они в чертёж Творенья
внесены...
Полу-зверюшки,
Полу-тени,
Полу-дети...

Играют, плачут,
и заходят в сны...

Ключ жизни химер

Планета Земля –
кочки и почки,
ночью в лесу –
весна...

Химеры попрятались,
ждут, одиночки,

Им не до сна...

Не пропустить бы

Тайной планеты

Скромных лучей.

Пьют их химеры

И не стареют –

Ключ их от жизни –

Одно из небесных очей...

2002-03-22, M.

Философема Химеры

Заходите, субъекты,

Поглядеть на объекты,

Меж субъектов и объектов –

Химера, – она –

Вокруг себя обернулась, –

Превратилась в Понятие, –

В голую, как обнажённая статуя,

Философему! – и, наконец, все увидели

Неприлично-банальную,

По музыкальной шкале Рихтера пятибальную

Схему астрального вещества.

Гогот и визг! – смех, восторг большинства...

2002-03-14

Сон Химеры

Прильнула к Вечности Химера
И дремлет на её кругах,
Там, ниже, кто-то «в злых узлах...»
Не слышит ничего Химера, ей тихо...
Спит и видит сон:
Как будто Высококрылатый,
Кто нимбом в Вечность погружён,
Покой ей дарит безмятежный...
Потом ей снится синий круг,
Чудесный, как восход в Природе,
Круг искрится, идёт юлою
Быстрей, быстрей стремглав летит...
А дальше снится – в Океане
Небес, в гремящей тишине –
Навис, как Сердце Мирозданья,
Священный Колокол Планет...
И было стало брать движенье, –
В завороженной полумгле,
Оно от края к краю стало
Искать касаний и настало...
Преддверье грома в вышине...

Закрыла в страхе глаз Химера,
Застыла, онемев, Химера,
Предвестья своего страшась,
Гремел из церкви хор, там пели,
Там пели, стоя на коленях,
Там пели, чтобы не упасть...
Там пели, чтобы не пропасть –
Чтоб в ада пропасть не упасть...
На Небе треснула печать...
А в храме пели, пели, пели...

2001, 18 дек., М.

* * *

Химера счастлива когда?
Когда вода с водою спорит,
Когда штормит, бушует море
И пирамиды изо льда.

Когда – ни искорки тепла,
Когда пылает лихолетье,
Во взрывах умирают дети,
И гнев – заменою труда...
Химера счастлива тогда.

2001-12-25.

Химера у двери

У двери райского сада дремала
химера.
Она слышала, что есть Восемь
пространств рая,
Так говорил мулла, сопшедший в Багдаде
с минарета, –
И химера слышала от мистика-европейца,
что число Восемь,

Означает – Бесконечность,
Рай находится в бесконечности,
Он – добрая запредельная бесконечность,
В ней – живут немеркнущие души, –
Живые души, – те, что живы,
И «те, что живы – не умрут» –
Как сказал – раз и навсегда –

Апостол Фома...

2002-02-28.

* * *

Вы, вроде, не верите в Химеру,
Значит, вы безумны...
Вы катитесь в материализм,
Вам чужда диалектика метафизики, которая

Ещё в средние века богословски доказала
Существование Химеры,
Как своей известной гравюрой Дюрер
Доказал существование Носорога,
Им по латыни именованного –
«Rhinocervs»...
Не учёный, а художник должен
Доказывать факт существования
Того или иного земного существа,
От Василиска до Гамаюна-певчего,
И от Саламандры до Медведя-коалы,
Который, если в Австралии будут так же
Часто гореть леса, скоро превратится в химеру,
В недоказуемую легенду, обросшую гипотезами,
Как борт затонувшего линкора «Бисмарк» –
Водорослями и ракушками...
Всё превращается в химеру, распадаясь,
И нужна немалая сила веры и воли,
Чтобы из мира химер, из миражей
Опять воплотить в материю земную –
Канувшее в волнах и утерянное...
Из мира химер почти не возвращаются...
Разве что восстановленные
Стены древнего замка,
Химера которых стала невидимой,
Когда от землетрясения...
Они разрушились в ключевом месте.
Со временем рухнет и Китайская стена...

2002.

* * *

Химера открывает глаз
В нём сотни и миллионы
преломлений;
И глаз химере открывает гений,
Что душу в бурю открывал не раз...
Но сотни и миллионы преломлений

От света открывает гений;
Их только отражает глаз химеры,
Сверкающий как хризопраз.

2002-05-15.

Труд по химерологии

Труд по химерологии
В средние века составляли
Рыцари в тяжёлых стальных шлемах,
Двурогие...
Рыцари мальтийского креста.
Было им лет по ста...
Теперь описание химер,
Подробное, не читают, зевают,
В сети химер попадают,
Попав – рыдают...
И поделом!..

2002-03-03, M.

Химеры разные

* * *

Химере хочется на волю
Из камня, – в нём, в его тисках
Зажата тьма, зажата больно,
Как глубиною – батискаф...
Химере хочется на волю –
Как водолазу из воды,
Однако шторм ревёт волною,
Как конь срывается с узды...
И конь летит, не то химера –
Она на мутной глубине
Теряет веру и надежду,
Не обретённую вполне –
Корабль унесён волнением,
Потерян якорь – лёг в песках,

Сам – неподвижная химера,
На вечность обречён впотьмах...

2001, М.

Химера летящая

Настал черёд её орлить,
Явиться среди птиц воочию,
Химера на Соборе не сидит,
Ей надоело одиночество...

Химера, птицей притворяясь,
Погналась за вороньей стаей,
И стая, каркая, неслась.
Химеры глаз – как угль на стали...

2001, 17 дек., М.

Химера-оборотень

Это было в 40-ые годы.
Они стояли на набережной.
Сена текла мимо них.
Высокий человек в длинном макинтоше,
В фетровой шляпе, посмотрел на
Стоящую рядом хрупкую девушку,
На её густые волосы, приподнятые надо лбом
И пышно взбитые за ушами...
Вы молчаливы, как Химера, –
По-французски сказал он.
Девушка не ответила.
Лиши повела зябко плечами.
Долго глядела
На серую поверхность воды,
И внезапно –
Она вытянула руки,
Как-то странно согнулась,
Взмахнув руками,

Осела,
Плечи её заострились,
Глаза увеличились,
Рот исказился...
Она опустилась на четвереньки,
Ноги подобрала под себя,
Когти заскребли
О камнем мощёную набережную,
Тело будто внезапно оделось
Стального цвета мехом и перьями...
Молодой человек отшатнулся,
Крик ужаса пробежал по воздуху,
Как рябь озоба по коже, —
А Химера, хлопая крыльями,
Полетела одиноко над Сеной
В сторону моста, который некогда
Подарил Парижу русский царь...
Ни одной птицы не видно было вокруг,
В воздухе стоял страх,
Сравнимый по плотности
С лондонским туманом...

2001-12-21.

Три химеры

Три химеры склонились
Над светильником
В подземелье —
Три дороги огня
Отразились в глазах...
Три химеры гадали о небе,
О грохоте, громе, —
Что в облаках.
Три химеры узнали
Счёт небесного грома
И волну бури дикой,
Отражённой в глазах...

2001, дек.

Химера на пожаре

— Где сейчас Химера? —
Спросил я прохожего.
Он отвечал: — Там, где пожар,
Где над крышой и пламенем
Жирный, въедливый дым.
Химера в клубах над ним,
Нюхает запах беды,
Гибели запах.
Крылья её — как в воздухе пепел...
Она наблюдает из дыма за Смертью...
Прохожий испугался того, что сказал.
Заспешил, обернулся на дым,
В дыму он что-то увидел,
Голову в плечи вжал, зажмурился
И — побежал...

2001-12-21.

* * *

Химера скосила глаза —
Чтобы сглазить —
Как же умеет
Соседка — соседу подгадить...
Мы с химерой в соседстве живём,
У неё дорогой кошкин дом.
Её вместо кошки, вместо скунса купили
На птичьем рынке.
Теперь —
Она проживает в соседской квартире,
Химера довольна — в холе, в тепле,
Её кормят сыром и поят кофем «Нестле».
Она экзотична, весьма некрасива,
Как обезьяна, привезённая из Кашмира,
Её убьют будущим летом,
Когда узнают, насколько она глазлива,
Эгоистична и молчалива,
Её сожгут, как в средневековье — гадалку,

Закопают или вынесут на свалку
В помойном ведре...
Даже химера покорна неотвратимой Судьбе...

2002-01-04.

* * *

Химера под именем «Нет».
Спорит с химерой под именем «Да».
Их столкновение – бред,
Их столкновенье – беда.
Между ними – провал в неизвестность,
Во вневесомость тройных равновесий;
Где третья точка – дыра
В Бесконечность,
Откуда сквозняк,
От которого прячемся
Чаще за «Нет»
Реже за «Да», –
Левой и правой точки винта –
Парохода Вселенной...

2002-01-12.

* * *

Химера под именем «Всё!»
Совершенно не знает приличий.
Ей – жадности тыщу отличий
Вполне заменяют лицо!

2002-01-13.

Женщина и Химера

Химера в каждой женщине живёт,
Она – как древняя гадалка и колдунья,
Цветёт жасмин и абрикос цветёт,
Цветёт разрыв-трава на новолуние...

И женщина-химера вместо сна
Выходит колдовать подлунною порою,
Химера в ней свечою зажжена,
Как скалы, освещённые луною...

Да, женщина-химера и луна
Опасны, как дорога в непогоду,
Их страсть глубоководна,
Но больна желаньем

подчинения Природы...

Им духи служат только до поры,
А после — миллионы лет беды?..

2001, 11 дек., М.

* * *

Из глубины веков встают
Ледовые пространства,
И ось времён поёт о небытье.
Химеры
Алчности, Безумства, Постоянства, —
В пещере ждут свой час,
Гадая по золе.
Они гадают —
Будет ли летучим
Ползущий человек
На стынущей земле,
Гадают —
Новый Век пребудет ли везучим,
Иль растворится в серой полумгле.

2002-02-6-8.

Химеры неизвестности

Химеры неизвестности летучей —
Роятся непокоем, тучей.
О сколько сопредельных нам миров
Несутся на волнах соседних измерений —

И лишь в ближайшем к нам,
Астральном «раздвоеньи» —
Химеры-нежити таинственно живут.
Они на голос вечности поют
Мотив дисгармоничный и печальный,
Поскольку в глубине, не в высоте живут...

2002 02 17, M.

Химера-привидение

Химера сегодня хихикает добро, вальяжно
Её отдалили, на людях признали, что важно,
Её ужаснулись, когда показалась химера —
Как самою страшною из привидений,
Живущих в подвале разрушенной
Старой таверны.

2002-03-06, M.

Химера ожидающая

Сколько может химера прождать
На пороге ночных пространства,
Сколько душ мимолётных уносится вдаль?
Мимо статуй и снов и фонтанов,
Зеркальной струей — постоянство...
Только жизни текущей куда-то
Нам в юности горестно жаль...

2002-03-10.

Химера обозналась

Химера обозналась в зоопарке,
Приняв решётку-частокол за зебру,
И покататься ей не удалось,
Хотя за той решёткой, вместо зебры,
Ходили кошки на огромных лапах
И чёрная лоснилась гладко шерсть.

На них Химере как-то не хотелось...
На них Химере как-то не каталось, —
Уж очень гибкие у них хвосты.

Химера-бабушка

Я знаю, срдь химер
Есть добрая химера,
Химера-бабушка
«На пенсии» живёт;
Как кошка старая
Мурлыгчет и поёт,
И коготки её
Подстрижены примерно.
На деву старую,
На бабушку из сна
Химера добрая похожа,
Так нежна и благородна,
Так пригожа с виду...
Однако мы не знаем,
Нам не счесть —
Её загадок,
Смотрим как сквозь жесть
Неужто так она и вправду
Безобидна?..
Сквозь добрый лик
Нечётко это видно...

Химера путешествует в молоке

Смуглый мальчик
на мохнатой лошадке,
спустился в город с горы,
из деревни — из селения, там, в Италии.
В кувшине, который он вёз
на кожаных ремнях, у седла,
было молоко.

В молоко бросили лягушку,
чтобы молоко доехало
в тихом своём белом плеске до города
и не скисло.
Но в лягушку успела запрыгнуть Химера.
Она повернулась в лягушке,
примеряя новую кожу.
Шевельнулась, проверяя работу мускулов,
открыла жёлтые глаза,
увидела перед собою — белую пелену,
которая оказалась — питательная среда...
Именно среда, исчезающая в четверг,
она, в переводе с языка на язык —
непереводимое молоко слов,
перетекающее по капле
с груди кормилицы
в рот влюблённого в неё младенца,
родившегося со среды на понедельник...
Итак, Химера открыла глаза —
и едет в кувшине, в молоке — в город.
Мальчик и его старая лошадка,
(Не ослик ли это? — вроде нет!
Отсюда просто не видно —
далеко до Италии), —
ни о чём не догадывается.
Город приближается,
Химера в молоке умывается,
как кошка к приходу гостей.
Город всё ближе.
Кто-то купит молоко,
вместе с ним жизнь Химеры...

2002-02-28.

Химера в вербене

Среди кустов вербеновых
Она — почти невидима,

Она – крылато-мудрая,
Она – неозарённая –
Сидит и тихо думает
Про лунный долгий свет;
Она – химера хитрая,
Она – химера сложная,
Она – химера странная,
И ей исходу нет –
Из зарослей вербеновых,
Из снов и из видений,
Куда она отправится,
Когда взойдёт луна?..

2002-03-25.

Чистота может искушать

Химера-девственница
Встретила
Химеру-развратницу
И решила шокировать её:
Она игриво подняла крыло,
Отставила лапку,
Стала к парапету –
Изобразила из себя
Отпетую грешницу...
Химера-развратница
До глубины греха
Возмущённая
И возбуждённая
Девственницей,
Ведущей себя столь
Вызывающе,
Выпустила когти,
Взмахнула крыльями –
И со сдавленным от ярости
Писком – вроде летучей мыши, –
Устремилась на обидчицу,

На девственницу-Химеру,
Ярость Химеры-грешницы
Была такова,
Что от крыльев летели
Кровавые искры...
Но тут Химера-девственница поймала
Глазами солнечный луч,
Взлетела, распрямилась
В принявшем её луче,
Будто расплавилась
В солнечном блеске,
А не в жаре направленной
На неё ненависти;
И злобная Химера-грешница,
Не выдержав такой метаморфозы
Своей соперницы,
Загорелась завистью,
И стала накаляться, пока не запылала,
Вокруг её загорелся огонь,
Повалил дым,
Она стала постепенно исчезать
В дыму,
И потом –
Её двоящаяся и расплывчатая уже тень
Была унесена осенним безразличным
Ленивым ветром
И окончательно растворилась
Над тропинкой в скалах у моря...

2002-03-14.

* * *

Химера на исходе дня спускалась в сад,
Где травы
Испуганно шептали:
«Совы правы, когда от ужаса бормочут по ночам».

2002-04-10.

Химера на башне

Я видел её
на лужайке,
напротив дома.
Мелькнула –
и взмыла на угловую башню,
туда, где живут
то ли голуби, то ли совы...
Я слышу по ночам
хлопанье, шелест крыльев.
Я не видел её с тех пор,
как впервые встретил...
Но я слышу, – кто-то
тихо разговаривает
по ночам, кто-то утверждает:
Гнев – это перевёрнутый колокол,
разбитый при землетрясении...
Говорит, что спокойствие –
прообраз света, летящего неподвижно.
Осознание – это точка огня,
мгновенное отражение
звезды – в волнах размышлений.
Те волны – как прибой у берега моря...
Я не знаю, кто приходит
из угловой старой башни
беседовать по ночам...
Может быть, это ночная Химера?..
Но нельзя верить ей,
потому что её слова –
отражение истины в тёмном зеркале
соседнего мира.
Часто из-за преломлений
лучи ложатся рядом с истиной,
они так похожи на неё...

На этом примере видно,
как опасно доверяться медиумам,
ведь Химера – консультант медиума,
она смотрит на него, как морское чудище
из своей глубины на мальчика-рыбака,
что неосторожно забросил
леску с крючком от своей удочки
на запретную глубину...
Химера оскалилась из воды.
Мама! – только и успел
произнести мальчик...

2002-03-29.

Светская дама Химера

Широта ассоциаций
Как у трёх беспечных граций
У мадам Химеры
В даму света притворяясь,
Сеть интриг плетёт, таясь
В ложе бельведера...

2002-04-11.

Химера знает...

Химера знает Хамелеона –
Химера знает Гериона,
Химера знает ход на дно,
Где света блёклое пятно...

2002-04-11.

Химера ожирения

Химера ожирения
Пухнет и пухнет.
После обеда – обед,
Хлеба! – ешё и ешё.

Дайте конфету,
А после –
Бутерброд с шоколадом...
Хлеб – с шоколадом!
Потом –
Триофельный пряный салат.
Дайте же булочку ей,
К чаю –
И больше варенья.
Как отвисают бока...
Да и ходить тяжело.
Брюхо – литое ядро
Не устает колыхаться.
Жир себе требует жир
И дополняет его.
В зеркало глянем.
О, мрак!
Этой химеры черты
В ужасе видим в себе,
Но закрываем глаза.
Царь-аппетит нам сказал
Властью, по-царски сказал:
Очень уж хочется есть!..
Здравый же смысл отказал,
И заикается речь...

2002-10-08, Од.

Химера и обелиск

Химера пролетала низко-низко,
Над травами, – летела к обелиску –
Что повелел поставить сам Траян.
Химера любит там летать,
Ей слышны ветровые дуновенья, –
В священной роще...
Жертвенный баран
В эпоху цезарей

Так жалобно здесь блеял...
Тогда в богов, в героев всякий верил.
Да, обелиск установил Траян,
Свершив поход в одну из гордых стран.
Близ обелиска камень, вросший в землю,
Его никто из смертных не подъемлет.
Кто начертал тяжёлые слова
На – может быть – обломке обелиска?..
Химера пролетает низко-низко,
Кольщется медлительно трава.
На камне надпись строгою латынью,
Которою – уж кто владеет ныне?.. –
“Sic transit... – скорбно говорит строка
И завершает, как аккорд печальный –
“gloria mundi...”. Трепет изначальный
И шелест трав – заглохшая молва...

2002-04-11.

* * *

Химера под крылом несла чертёж
Переустройства мирозданья,
Но лапу ей подставил друг-Грифон...
В отместку за непониманье
И за вниманье к суете земной...

2002-04-18.

* * *

В ночь завернула
Крылья свои Химера –
И опустилась
На крышу дома
Маленькой Гретхен.
В полночь сверкнули глаза
И кто-то сел рядом с Химерой –
Здравствуй, Мефисто, в夜里! –
Сказала химера

И улетела в молчанье,
Глубже которого
Только пещеры китайских драконов...

2002-02-09.

Химера замыкающая

Химера на мосту
Меж «Да» и «Нет» –
Сидит и замыкает путь
Меж «Да» и «Нет»,
Меж злым и добрым ветром,
Меж ураганом и покоем,
Меж зимой и летом,
Но есть надежда –
Меж «Да» и «Нет»,
Убрав Химеру,
Найти просвет...

2002-03-27.

Химера-кулинар

Химера была кулинар.
Она каждое блюдо изобретала
Изящно, –
и выражала в печи
Как изъявлял свои афоризмы
Мъсе Вовенарг
В восемнадцатом веке...

Вот Химера берёт бобы, зелёные,
Как незрелая трава череды,
Связывает пучками, как спаржу,
Отваривает в солёном кипятке,
До мягкости, налегке...

Потом даёт стечь воде
И, положив бобы в подогретое блюдо,
Свежим растопленным маслом
С сухарями их покрывает,
Не остыло покуда...
Химера надевает
Парадный белый колпак
С эмблемой парижской
 всемирной выставки обжор и гуляк;
Она выходит к тучным, весёлым
Дамам и господам.
На подносе – бобы как спаржа
Под голландским соусом...
Соль, горчица и сабайон,
Пряный, душистый,
Подобный индийской корице...
Все в восторге.
За здоровую пищу пьют;
Химера вежливо кланяется –
Ей похвальную чарку несут...

На сеансе спиритизма

Химеру
На верчение стола
К себе призвали Князь и герцогиня,
Химере дали имя – «Северина»...
Она пришла,
Шутила и лгала;
Невидимые два её крыла
Над князем с герцогиней колыхались,
И гости их испуганно шептались,
И блюдце раскалялось добела,
Идя по кругу ада, кругу зла.
Химера же блаженно причитала,
Её тряслось от этого накала,
Она сказала странные слова,
От коих помутилась голова.

Она сказала —
И нависшее молчанье
Ответом было от высокого собранья.
О, те слова, несчастные слова —
В которых смерть и Люцифера ода, —
Их поэтична страшная природа,
Они — как клёкот хищного орла:
«Бог спит, я мщу!» —
Вот как они звучали!..

2002-04-08.

Химера Никто

Кто не тревожит никого,
Тот есть никто и нет его.

2002-10-04, Од.

Химера от первого лица

Химера о Париже

Химера крылья сложила,
И призадумалась тихо, —
Скользко ползла тишина
По парапетам Парижа —
Хрипло сказала Химера
Серой соседке своей,
Мрачной соседке Химере, —
Сколько я вижу Париж, —
Карты, вино и гашиш,
Женщины, грумы, мальчишки,
Тонкие смелые книжки —
Столь убеждает Париж —
Здесь тытворишь и грешишь,
Если ночами не спишь...

2001, дек. М.

Мысли Химеры о домашних животных

Разве собаки и кошки –
Лучшие из существ? –
Думает Химера.
Нет, они только друзья Человека.
А Человек жесток, ловок, коварен...
Они, собака и кошка, –
Наёмники Человека,
Его вассалы.
Живут у него.
Собака ходит с Человеком на охоту,
Помогает ему убивать
других животных,
Охраняет его жилище,
его самку и стаю его родни.
Кот убивает мышей,
что крадут зерно у Человека.
Он так важен, не любит никого,
Но как гибко и мягко притворяется
ласковым...
Собака – злобная преданность,
Кот – бархатная хитрость;
И оба прожорливы и льстивы,
Как маркизы при дворе короля Людовика
В то, садово-парковое,
блестательно-порочное время...

Погони за химерами

Охота на химер

Вы охотились на химер?
Ночью, в темень, в беззвездье,
на крыше,
подползаете, — тише! —
Спиною упрямой, костистой,
к вам химера повернута,
взгляд её рысий — устремлён
на излучины тусклые улиц,
на дым из труб, на безлюдье
на одинокого внизу человека,
он пьян, он бредит:
«...Улица... фонарь... аптека...».
Химера — верховный свидетель
зарубок судьбы, войн, лихолетий...
Вы хватаете сзади химеру,
за камень её размеров,
но внезапно,
химера становится больше, —
жуткая, как в гневе на кухне тёща,
как великан на чёрном болоте, —
но поздно — вы уже на неё напали,
не думая о возможном провале.
Что это — как не бой без правил?
И вот, обнимая химеру,
растущую телом не в меру,
Вы видите её лицо Горгоны,
и — глаза, как ночью окна вагонов...
Не отпуская Химеру,
Вы читаете заклинанье,
чтобы не уйти на закланье.
Исчезает Химера...
Вы просыпаетесь — ещё не веря,
что охота была приоткрытой дверью,
зияющим люком —

на порядочной глубине подсознанья,
где плывут нечитаемые названья,
и химеры ждут опознанья...

2002, 15 дек. М.

Погоня

*Шум, сойдя с ума, гонялся за химерой,
Видя её всё время за углом...*

Французский летописец XII века

Химера ждёт за углом,
Мы обойдём кругом,
Убедимся — химера ждёт,
Как крысу в подвале кот.

Мы подходим сзади к химере,
Поворот в интерьере —
Вот костистый хребет
И затылок — ему тыща лет.

Химера! Ты — поймана,
Ты в плену —
Я за плечи, за шею тебя возьму! —
Но... — говорит Химера, —
Голосом раба с древней галеры,
Говорит со дна,
Куда душою погружена, —
“Химера неуловима!..” —
Химера исчезла —
Руки скользнули мимо...
По поверхности тишины
От Химеры круги видны...

2001, 17 декабря. М.

* * *

Кошка вцепилась в химеру.
Она думала —

Это вкусная птица,
Но зубами, когтями
В химеру вцепиться
Нельзя безнаказанно,
Кошка Вусси,
Бедная Пусси-Вусси,
Поэтическая кошачья девушка
Пышноизящная охотница
На воробьёв, голубей и мышей,
Зелёноглазая, гибкогладкая –
От хвоста до ушей, –
Вцепилась в химеру, –
И, вздрогнув, – окаменела...
Превратилась в скульптуру,
Которую продали на аукционе,
На котором Пьер Аржилле
Принял её за Медузу Гргону...
И купил для своего друга,
Который давно пребывал во сне,
Где катался на улитках,
Вывернутых панцирем вовне...
Он, как и химера, любил
Летать по спирали,
В конце которой,
В высотах, за небом
Кого-то ангелы ждали...

2002-01-27.

Химера и шут

Химера, иди ко мне, –
Шут сказал, –
И полез по крыше –
Звёзды светили
Тише!..
Тихо ступала нога.
Светит луна...

Тучи – тучи!..
Они – как фантом летучий...
Заскользила нога –
И погасла луна! –
Где ты, химера?
Шут закричал,
Штатаясь на выступе крыши.
Химера шевельнулась,
Крылом задела кого-то
В темноте –
Вскрикнул кто-то.
Крик нарастал...
Оборвался, затих.
...Распласталась
Беспомощно-плоско
Тень шута на земле...

2002-02-13.

Химера и паук

Химера однажды
В сеть паука залетела,
Запуталась, запелестела,
Мухою притворясь –
Не рвётся белая вязь?..
Обрадовался паук –
Видит добычу большую и необычную...
Паук к химере подползает
Важно, неспешно,
Лапы нервно потирает,
Как сенатор над девочкой
Из приюта,
Ему с заднего крыльца
Приведённой.
Покорной и немудрёной.
Но Химера не девочка, не муха –
У неё нет цекатушного брюха,
У неё не черны, а огненны глаза –

И она не бессильна,
Не испугана, не безобидна,
Не жужжит,
И в жизненной оболочке над ней –
Обречённости, смерти не видно...
Не увидая страха и отчаянья,
Паук говорит:
– Кто вы, достопочтимая сударыня?
И отвечает маленькая Химера –
Я как хочу изменяю свои размеры.
Могу стать огромной –
Заполнить пространство этого дома,
Могу сократиться до точки –
До древесной почки –
Из которой – зелёные листочки.
Паук, охочий до мушиных мук –
Смотрит на Химеру
С недоверием –
На её клововидный вид,
На глаза, в которых огонь горит!..
И боится паук, и хочется попробовать,
Что у Химеры внутри,
Высосать ее заживо, что ни говори...
Химера на паука посмотрела,
Поняла его мысли,
Но не присмирела –
А мощно взмахнула крылами, –
Рванула паутину,
Вспыхнуло из-под когтей её пламя, –
Паук ужаснулся, –
Отпрянул к стоящему в углу
Пыльному дивану...
Дело было на чердаке,
От людей вдалеке....
Химера тем временем
Размахнулась еще шире,
Из паутины рванулась –
Паутина упала,

Как слишком тёплое
Рваное одеяло,
И взвилась под своды Химера...
А Паук поник, потух.
Полюбил он Химеру –
А долюбить,
Выпить до дна – не смог,
И поделом, – урок! –
Да, Химера – не муха,
Её легко не возьмешь
Ни на жало любви,
Ни на острый нож...

Химера и другие...

Ронсар и Химера

С Химерою гулять отправился Ронсар,
Ей посвятил он три удачных строчки.
Шумел Париж и набухали почки,
И над каштанами клубился лёгкий пар...
С Химерою гулять отправился Ронсар.

Химера на ухо поведала поэту
Его судьбы несчастные приметы;
В Шотландию тогда бежал Ронсар,
Но там оглох он от химерьих чар...

В Ронсара духе не писал я оду,
Лишь чуть раскрыл химерину природу...

2001, дек, М.

Химера и Адольф

*Из видений А.Г., типичного землянина, отличного от иных тем,
что осуществил больше своих видений, чем другие...*

Пришла однажды Химера к Адольфу
И сказала —
Ты станешь Великим,
Ты поведёшь германцев
Бо все стороны горизонта,
Они пойдут за тобой,
Под гром барабанов,
В свете факелов!..
Меч и огонь, огонь и меч!
Заплачут те, кто смеются,
Обрушатся кровли.
Кровь и дым, дым и кровь!
Война за Пространство! —
Возбужденно прошептал Адольф.
Химера к нему склонилась:
Я сидела на плече у того,
Кто предсказал, что —
«На землю будут падать огни
И жёлтый бог с дымом и грохотом
Пройдёт по Европе...»
Железо и кровь, железо и дым...
Ты — кавалер Железного креста,
Я — художник! — с гордостью
прошептал Адольф.
Да — подтвердила Химера, —
Ты будешь кровью размешивать краски...
Ты художник красно-огненной
И чёрно-дымной палитры.
Ты будешь долго побеждать!
Да, да — я это вижу, я чувствую, —
Зачарованно отвечал шёпотом Адольф...
И шёпот его был как шелест
Сжигаемых безжалостным солнцем
Засохших мёртвых трав...
Он поверил Химере.

2001-12-20, М.

Крошка Цахес

Карлик мечтал
Наловить много-много химер,
Чтобы пускать – по одной –
В рядом идущие жизни...
В войны и распри племён,
В негодующий вой укоризны,
В ссоры и пыл
Раскалённо-безумных страстей.
Карлик химеры ловил.
Но плохо ловились химеры.
Неуловимы они,
Как золотой Василиск.
Карлик тогда намечтал
Несколько призраков-нежителей,
Ими пугает теперь
Злобно орующих детей.

2002.

Химера и девочка

Химера увидела пуговицу,
Лежашую на каминной полке,
За окном дремали пинии –
Итальянские ёлки.
Девочка пуговку, оторвавшуюся от платья,
Туда положила,
Чтобы, придя с морских купаний,
Мама обратно пуговку эту пришила.
Увидела пуговицу Химера,
Подлетела к камину –
Острым клювом пуговицу – клюнула,
На пол – отшвырнула
Пуговица мелькнула,
И упала близ корзины с углём,
Близ камина...

Химера видит — не попала она
Пуговицей в корзину...
Нахохлилась Химера, —
Присела на мольберт
Самодельный, что из фанеры...
И прислушалась....
Девочка вошла,
Подбежала к камину, протянула руку —
Нет пуговицы! —
И тут вместо пуговицы, на месте пуговицы,
Там, на каминной полке,
Она увидела... Химеру —
Глаза её остановились от ужаса. —
А Химера глядит на неё неотрывно,
Завидует, что девочка живёт
В красивом, нарядном тельце —
И может в зеркало, когда хочет, смотреться,
Не опасаясь ветра, что уносит в горы,
Туда, где корни растут мандрагоры...
Химера уставилась —
И девочка на неё смотрит —
Будто в столбняк погрузились обе...
Но тут стукнула дверь.
Вошла мама —
Свежая после купания
И в большой розовой панаме...
Девочка встрепенулась,
От Химеры страшной,
Клювастой, клыкастой,
Что стояла в глазах, —
Очнулась...
И бежит к маме —
Обняла, прижалась —
Ни жива, ни мёртва —
А мама посвежевшая, румяная,
После купания тонкая, пряная...
И в ней к девочке —
Лёгкая жалость,

Непонимание,
И немного — усталость...
Закатное,
Светило сквозь жалюзи солнце,..
Химера спряталась
В щель ставни, у оконца, —
Подальше от сильного, яркого солнца,
Она придёт к девочке поздно ночью,
И глаза её будут — как тяжёлое,
Подвальное двоеточие...

2002-03-01.

В.Я. Брюсов и химера

Валерий Брюсов просил химеру,
Воплощённую в женщину, —
Пледом невинности
Закрыть её бледные ноги...
Валерий Яковлевич,
Высокий, гордый, сдержанно-нервный,
В долгополом сюртуке
Метался по гостиной,
Ломая руки,
На кресле-качалке,
В позе увядшей лилии
Сидела молодая химера
И притворялась женщиной.
Брюсов мучительно помнил Ренату..
Она покончила с собой!..
О, этот Огненный Ангел! —
Андрей Белый, чья стихия
Помножена на безумие...
А тут — бледные ноги, —
Которые после эфира и после морфия
Невыносимы! — Он умолял,
Понимая, что —
«Закрой свои бледные ноги!» —
Лишь заклинание Декаданса,
Что эти слова не имеют

Прямого смысла,
А лишь спиральный – в бесконечность.
Он это понимал, но от этого
Ему было не легче...

2002-03-11, М.

Химера, Командор и Дон Жуан

Химера опоздала на свиданье,
Где Дон Жуан и статуя навстречу
Друг другу стойко и упрямо шли.
В предсмертии их времени сумела –
Химера увидать стальную руку,
Которой Командор держал Жуана,
И вёл его под локоть вниз, во склеп,
Оттуда – ниже, в ад, путями Данта.
Химера провожала их глазами.
Их – Командора, вместе с Дон Жуаном,
И молнию, которая над ними
Разбила на осколки небосвод...
А как он шёл, Химера, как спускался? –
– Одной рукою впился в Дон Жуана,
Который сам себя уже не помнил,
Другой рукою тяжко опирался
На свой тупой и бесполезный меч, –
Ответила полночица-Химера,
Живущая при склепе в сторожах...

2002.

Тютчев и химеры

«Молчи, скрывайся и таи...» –
сказал нам Тютчев на прощанье;
он от химер скрывал, таил
наития и упованья –
«И думы и мечты свои».

2002-03-25.

Химеры у Ф. Сологуба

Химеры празднуют
И водят хороводы
В квартире Феодора Сологуба,
Он нежитей к себе всегда зовёт,
Они к нему летят на новолунье.
И голосочками,
Что тонко шелестят,
Они поют ему
Про отроков забавы,
И мысль поэта,
Словно листопад,
Опавший
На багряную дубраву.
Химеры празднуют...
Поэт про них поёт
И слушает его сестра, Анастасия,
Того не зная, что обречена...

2002-03-23.

Поэт на кладбище

*«Кладбищенский убогий сад
И зеленеют кочки
Над памятниками дрожат
Потрескивают огонёчки...»*

Андрей Белый, 1908

В кладбищенский убогий сад
Поэт забрался ночью тёмной.
Он вдоль немеющих оград
Ходил, бродил как пёс бездомный,

И храм вдали стоял так бел,
Что был неявен сквозь деревья,
Недавно колокол пропел,
Теперь лишь тишина колышет тени...

И тут, из глуби небытья,
В аллею тяжких листопадов
Нетопыриная семья
Возникла непокорным стадом.

Химера, вождь нетопырей,
Они крылами шелестели
И голосочками чуть-чуть
Скребя по сердцу, пролетели

Нет, не бежал от них поэт,
Он погружал себя в былое,
И думал, что небытиё
Плодит кошмарное и злое...

Вот – сгинул рой нетопырей
С их предводительшей-химерой,
Как бы блеснул среди теней
Всплеск тёмно-серой, мутной пены...

И успокоился ночной
Убогий сад во тьме погоста.
Лишь по душе скользнул огонь –
По наболевшему, коростой.

Поэт вздохнул: да, не впервой
Он ночью ходит в сад убогий,
Где сторожат нетопыри –
Химеры входа в мир двурогий...

2002-03-25.

Поль Валери и Химера Океана

«Когда я пролил в океан –
Не жертва ли небытию? –
Под небом позабытых стран
Вина душистую струю...»

Поль Валери (пер. Б. Лившица)

Поль Валери стоял на корабле;
стонали мачты, ветер веял,
поэт был пьян и шторму он не верил,
вздыхал и что-то пел навеселе.
В корму ударила немалая волна,
и, на ногах держась нетвёрдо,
поэт с бокалом был отброшен к борту;
а за бортом, под ветер, ураган, —
дышала солью буйная стихия,
и, как сирена, выла глубина.
Поэт хрустальный уронил стакан
в разгневанный и пьяный Океан...
Потом он написал, что подняла волна
Со дна «непостижимый рой видений»,
Мы поняли, что из пучин, из ила,
Химера поднялась, заполнила собой
чернеющую тучу — над кораблём,
над пляскою морской пьянеющих валов,
несущихся на бивни морских чудовищ.
А пьяному поэту показалось, —
вины глоток, долитый Океану —
мог усмирить валы,
ещё ему казалось —
они остановились и заснули,
Химера растворилась в небесах...
На самом деле Валери упал
на дно своих видений;
буря продолжалась.
Корабль плыл,
и в корабельном трюме
плескалось в бочках доброе вино.
А Океан ревел и бил в борта волною,
как пьяница в ворота кабака.
Поэта, взявши дерзко за бока,
матросы с палубы снесли в каюту...
Он там пластом лежал наверняка
в полуబеспамятстве; а на корме, на юте,
матрос держал штурвал,

стихию заклиная,
молился он, Химеру отгоняя,
а та металась,
как в душе — тоска...

2002-03-29.

Химера в малодушном

Химера замечает малодушных,
У кого душа с ноготок,
С крысиный коготок...
К ним прилетает,
Над ними в полночь зависает,
Крылами их покрывает,
И – собою – душу их подменяет...
Потом, в теле бездушном,
Ночью идёт по темноте;
Тусклые фонари, мигая, путь
освещают,
Кто-то появится навстречу...
Вот хотя бы этот пьяный,
Или та накрашенная девица...
Тут Химера, удобно сидящая
В чужом, бездушном теле
Вся напрягается, –
Огнём ненависти загорается;
Это – злобная,
Огненно-яростная Химера!
Она первого встречного
Зверски-жестоко убивает
И, насытившись кровью,
Из малодушного, почти бездушного,
Склонившегося над жертвой,
Улетает...
Малодушный, почти бездушный
Один на один с собой остаётся.

Остатком души малодушный рыдает,
Что сотворилось руками его —
понимает...

Кто вместо него убил — понимает,
Но это уже ничего не меняет;
К нему уже подступает Судьба,
Так похожая издали на Химеру.
Или на Смерть...

2002-03-28-07-09, М.— Од.

Химера безумия

Пришла в новолуние
К Лунину,
К Ницше,
К Шуману;
Под её крылом
Зияет пролом —
Слева видна Гоморра,
Справа виден Содом.
А ещё виден круг,
В котором —
Ницше гуляет с Шуманом,
А Лунин вдали стоит,
Довольно мрачный на вид;
Душа его собою больна,
В паутину заговора заключена.
А мимо них
Спускаются глубже и ниже —
Данте с Овидием...

Одесса, 2002, 03-10.

Химера по дороге к И.И. Машкову

Химера подобрала по дороге
Винограда спелую гроздь,
Лимон, — откусишь и брось!..

И варёного мертвого рака.
Их всех отнесла –
К живописцу Машкову.
Он вино в тот момент попивал –
Ало-рубиновый, почти полный бокал.
Рака, лимон, виноградную гроздь
Старательно, чётко в холсте, масле
Запечатлел и повесил на гвоздь.
Да, от себя он прибавил гранат,
Что родом из Города золотых врат.

2002-10-04, Од.

* * *

Какие снятся сны,
Шекспир Вильям,
какие сны-видения приснятся,
в той сфере,
где в преддверье Вечных снов
химеры-демоны медлительно роятся,
и где распутье – между «Нет» и «Да»?..

2002-03-21, М.

Хименес гибнет от Химеры *неправдоподобная версия*

Хименес однажды вышел на прогулку,
Вёл он пекинеса на шнурке...
У пекинеса мордочка
Как китайское блюдце,
И звали пекинеса Ке-ке.
Было это в столице
Больших лиц и событий;
Хименес степенно шёл по переулку...
Из-за поворота –
Выскочила нереальная, как ужас,
Химера.

Хименес отшатнулся, упал,
Породисто-глупый пекинес
Кругами забегал, запаниковал,
Хименеса вокруг шеи шнурком
Обмотал,
И погиб злосчастный Хименес,
Недавний литературный Крез...

2002-10-08, Од.

Химера и яблоко

Яблоко в лапе Химеры,
Яблоко в цепких руках:
Яблоко в Еве, во чреве,
А молоко – на губах...

Химера и издатель Г. Групп

Химера пришла к издателю
Геннадию Группу,
Как Гитлер к заводчику-оружейнику Круппу,
Принесла стихи.
Издатель поморщился,
Надел недовольно-прозрачные очки
И сказал Химере:
Я печатал Павлова и Маркелову,
Я страдал с Ярошевским,
Он не приходил в полпервого,
Я верстал бытъё Рейдермана,
И полюбил Лазареву,
Даму не моего романа...
Но к Вам, Химера, я всё-таки благоволю.
Вас мне рекомендовал доктор Цомакион,
В прошлом веке он с вами
Был весьма близко знаком.
Потому – дайте рукопись.
И идите –
Ко дну.

И оттуда, со дна – звоните! –
А лучше на e-mail –
Сообщение крокодилкою шлите.
Отразите в Tiff'e своё изображение,
Чтобы не вкрадлось меж строк
Недоразумение...
Снял Геннадий Групп
Чуть потемневшие от сомнений очки
И всё...
Химера исчезла.
– Тише! – резко сказал он дочери, –
Не кричи!...
Я работаю! –
Прощептал он, повернувшись к Инге,
Жене заботливой,
По-одесски приветливой и словоохотливой.

2002-10-04, Od.

Грифон и Химера
Химера ходила к Грифону,
Они вместе по вечерам
Сидели у камина,
вздыхали,
Чарльза Мэтьюрина читали,
Вышивали по рюмке
литовского мёда.

Так проходили годы.
Но однажды умному
Но молчаливому Грифону
Попалась на глаза
Простая ворона —
В ней — ни стати, ни вида,
Ни фамильной чести,
Ни герба,
На котором начертано:

«Предан без лести»!
Итак, воззрился
Грифон на простую ворону,
На крыло её,
Как металл червлёный.
И влюбился Грифон в ворону –
А химера об этом узнала,
Покой и сон потеряла.
Ненавидит она ворону –
За вульгарный вид
И отсутствие дворянской короны...
А ворона встретила её и говорит:
«– Зовсим я, люба моя, не вульхарна,
А шо Грыфон меня полюбыв, –
Так я ж дуже гарна!» –
Химера на неё глазки вспучила,
Ничего не сказала,
А ночью подкараулила,
Напала, зажала когтями
И тихо замучила...
Грифон погрустил, погрустил, –
И вернулся к Химере,
Вместе они снова теперь читают,
Пьют чёрный бальзам,
Вместе на охоту летают.
Химера зорко следит,
Чтобы близко не появлялись
Другие птицы, –
Щеглихи, иволги, синицы,
А то дрогнет сердце Грифона,
И все пойдёт опять,
Как тогда с вороной...

2002-02 29.

Химера и сова

Встрепенулась Химера, –
Что-то ей показалось –
Крылья её поднялись,

Распростерлись
Над темнеющим садом —
И, увидев Химеру,
Сова отчего-то расплакалась...
— Ух... ух... — плакала сова,
И махала крылами.
Сова плакала, плакала,
А Химера сказала сове:
— Ты оплакиваешь Афины,
Древнюю Элладу,
Где ты жила в Священной роще,
Где тебя почитали,
И твой лик был на монете,
Как на медали...
А теперь мы с тобою
Сидим и ждём прогулки мышней
Средь павших осенних листвьев...
В саду только ночь слушает нас,
Одиноких во тьме...

2002-03-02.

К башне

Где к башне уносящийся полёт,
Там клёкнут два орла,
Один из них — мессия.
Химера в гости
В башню ходит к ним...
Её следы в стихах,
Начертанных на крыльях.
Он от «коварства ярья вражды» —
Поднял свой посох
К напряжённой вые...
Химера тут пьянеет без вина,
На праздник им поэзия дана...

2002-03-24.

Химера и Кикимора

Химера буркнула –
Отстань!
Когда Кикимора полезла
Химере дружбу предлагать
И вместе по долам летать,
И жатву скорби собирать.
Но вместо задушевной дружбы
Химера предъявила мат –
И отлетела восьмояси –
По снам и комнатам сновать,
Да из угла
Каурой масти
Кобылой выйти и скакать...

2002-10-04, Одесса.

Химера и Павлин о гневе и счастьи

– Разве гнев –
Это не оболочка ненависти? –
Спросила Химера.
Да, гнев – это астральная молния,
А радость – оболочка счастья, –
Счастья, скрытого от нас самих,
Но живущего глубоко в нас,
От нас в тайне – на нашей глубине,
Там, где в нас впадает водопад времени,
Счастье может прийти даже
В миг смерти... –
Ответил Химере Павлин,
Изящный, на тонких ногах,
В радужно-изумрудном оперении, –
Он был – как иллюстрация к восточной сказке...
Какая-то птица вдали грустно-грустно
Крикнула степным, заунывно-тоскливым
Голосом...
Крик тот был – как сама безнадёжность...
Химера услышала душу Павлина, –

И поняла – над тёмным лиманом на ветви
Сидящая, старая, мудрая Химера,
Что Павлин знает правду,
И оттого так печален
Крик над ним степной птицы...

2002-03-05, М.

Цветок и химера

Л.Г. Цомакион

Химера всегда удивлялась цветку,
Он – тоже слышит и чувствует, дышит...
Он неподвижен?
Нет, в ветер он делает шаг,
И вновь отступает...
Ветер – как выдох Химеры,
Летом – холодным ключом
Эманаций, течений невидимых
Обнял цветок, услышавший
Эхо – смерти,
Далёких горных снегов...
Над цветком наклонилась Химера...
И прислушалась –
Дышит!..

2002-01-24.

Страх и Химера

Страх дрожал за углом
Химера сидела на нём,
Страх – пушистый и серый,
Под стать – цвету и виду химеры...
Химера трясётся и ноет,
И стонет от страха,
Химера дрожит, как леший в затоне,
В болоте среди лесов –
Тёмных,очных... –

Там глаза! – из чащобы.
Там!..
Страх дрожит за осиной,
Крики взъерошенных сов...
Страх дрожит, скрываясь
под древесиной...
А когда Страх обретает плоть,
Химера уходит в поля
Из леса –
Траву колдовства полоть...

2002-02-14.

Химера и трава

Химера бродила у реки,
По берегу забвения.
Собирала вдоль берега траву,
Сушила над огнём в подземелье,
Сушила над огнём,
Опалившим её воспалённые веки.
Века проходили, её сторонились –
Столетия мимо химеры...
Химера сушила траву
И душа из травы уходила.
Но если улетала к луне химера,
То гномы из трещин в скале выбегали,
Траву погружали в кипящую воду –
В чугунном горшке...
И трава выделяла сок жизни,
Душа вновь к траве приходила,
И трава на вид была совсем живая,
Будто ей снился обычный сон,
Будто вновь замирала она в ветре, летнем...
Карлики-гномы знали, откуда трава,
Знали – химера сушила разрыв-траву,
На случай смерти...
Смерть же шла стороной...

2001.

* * *

Чайка Джонатан Ливингстон
На пути к Солнцу
Достигает лазоревой выси –
Десятых небес.
Там –
Постижение Абсолюта.
В нём раскрыты крылья
Пространства и энергий,
В нём – огонь любви космической
И музыка сфер,
Эманации токов Жизни, –
Пламя Вечности, тайна «Я»,
И совсем нет химер...

2002-02-14.

Химеры Цомакиона

Химера у Цомакион

Сидит Химера на ковре,
Морду повернула...
Подмигнула –
Лезет вверх;
А мы гадаем –
Уползёт ли в угол и исчезнет
В раскрывшейся на полсекунды бездне,
Или повернётся снова
И вернётся –
К голове Горгоны-медузы прикоснётся...
Будем смотреть,
Как Кот-Дракон
Лапой свет зажечь
По просьбе хозяйки сумеет.
Химера не удивляется.
Она в кота
Немножко влюблена.

Кот же её неплохо знает,
Не боится,
Но сам – мясо да птицу
Предпочитает...
Ну и мышей,
Но это – чтобы не выгнали
Из ночных сторожей...

2002-03-30.

Химера-Наблюдатель

Г.Ф.Ц.

Химера-наблюдатель
Смотрит в оба.
Ты взгляд её не позабудь до гроба!
Знаете, кто она?
Наблюдатель?
Следователь НКВД!
В глазах – свинцовая жуть,
В кармане – “ТТ”.

2002-10-04, Од.

Химера-Тиши

Г.Ф.Ц.

Из болота смотрит Тиши,
Ей никто не скажет: – “Кыш”!
В ней – пупырчатая стать;
Вынырнет – нырнёт опять...

2002-10-04.

Химера Верности

Г.Ф.Ц.

Химера Верности дорогу сторожит –
Дорога к городу,

К весёлому раздолью,
В долину радости,
Но Верность не велит:
Кто шёл к свободе,
Не прошёл на волю
Химерой заграждённою тропою.

2002-10-04, Од.

Непокой

Г.Ф.Ц.

Над городом клубится непокой,
В лучах Луны химеры собрались.
Для слабых душ к Луне пути закрой,
И к Солнцу их направь!
Мерцает высь...
Как полнолуния бережные тайны
Влекут химер...
Влекут на лунопой –
На водопой воды астральной...
От тайн глаза скорей, скорей закрой...

2002-10-04, Од.

Химера Зависти

Химера Зависти...
Как трудно жить, когда
У Антиона тело покрасивей,
А у кота столь гибкая спина
И хвост пущист;
А там, вдали, в России,
У Императора сокровища, казна,
Кареты, лошади, – пусть их сожрёт война!
А у Эмира – блюда золотые
И кувшины столетние вина...
Всем этим завладеть должна
Химера Зависти,
Прикинуться мессией... –

Химера думает
И зависть в ней черна...

2002-10-04.

Химера Ярости

Г.Ф.Ц.

Химера Ярости,
Химера гнева,
Химера злобного, убойного предела,
Нас к неизбежному концу влечёт...
Но прежде времени.
И воет как койот...

2002-10-05, Од.

Химера скульптурная

Вы стоите, выпучив страшно глаза —
И всё потому,
Что там, за окном — гроза...
Вы, Химера, крылья раскрыли
Как в болero —
Хоть и не знаете о болero ничего...

2002-10-08, Од.

В добroe старое время

М.В.Ц.

В степенное, добroe время,
“Во время оно”,
По Одессе летали
Химеры Цомакиона.
Они в кабинете его
В воздухе зависали,
Везде появлялись, мелькали.
Супруга Цомакиона,
Урождённая Строганова,
Марфа Викторовна,

Окружённая свитой
Умных, пушистых котов,
Сплетала изящные истины
Из поворотов кошачьих хвостов.
У Распятия, в углу,
Молилась дочь Людмила.
— Jesus! Jesus! —
Шептали её уста;
А по ковру ползла вверх
Солидная химера,
С языком обложенным,
Как в год холеры.
В раме, в большом овале
Лик строгий, печальный —
Образ Христа...
Химеры прыгали, лепетали,
Котов за хвосты задевали.
Так было почти сто лет.
Но время не бесконечно,
А химеры — нет...

2002-10-04, Одесса.

Химеры-Кустари

Г.Ф.Ц.

Кустари-поджигатели, —
Кустари-раздуватели —
Кто не видел таких химер?
Но как-то случайно
до них докопался один землемер.
Там, под землёю,
У тайной топки,
Две химеры дуют —
В жерло печи;
Огненный светоч в вечной ночи
Адовым пламенем рдеет...

Лица химер бледнеют.
Сверху, из длинной, чёрной трубы
Дым валит,
Этот дым –
Как бред над больным,
Раздуваемый ночью химерами.
Дуют, дуют –
Как резкие ветры меж шхерами
Мрачновато-еловой Норвегии
Но ветром другим – жарким, сухим, –
Как в прериях.

2002-10-04, Од.

Мои химеры

* * *

Да, я сижу на берегу,
Со мною – девочка-химера,
Она не слышит «Символ веры»,
Она кривит хребет в дугу –
Но солнце светит. Горизонт –
Простёрт прямою бесконечной,
Не вижу я ни первых встречных,
Да и последних не найду...

2001, лето.

Химера и совесть

Химера с кем-то возится в углу,
Её не на цепи, на совести держу.
На совести – видения химер –
Так в этом мире перейдённых мер.

2001-12-22.

* * *

Не можем, нет, не можем без химер!
Химеры помогают верить в чудо,
И чудо живо, –

От химер покуда
Я чудо осторожно уберу,
В студеной правде чудо сберегу...

2001-12-23.

Химера и вино

Химера! Вижу, это — ты.
Ну здравствуй, друг!
Я знал, что ты из пустоты
Вернёшься вдруг.
Я знал, я чувствовал и ждал
Тебя с тех пор,
Как свой бокал я наполнял
Лозою гор...
На дне бокала острый лик
Твой узнаю,
И, как безумный тот бокал
С тобою! — пью...

2001-12-24.

* * *

Химера, химера, химера,
И хитрый оскал подземелья
Мерцает, влекуще, как райские кущи,
Его обойти не умею,
А погружаясь, хмелею...

2002-01-14.

Химера из угла

С высот бросаюсь в жаркий гром, —
И в музыку небесной сферы!
Подземной силы лик химерный
Пугает взглядом из угла...

Как поднятый отлёт крыла,
Раскрыта крышка у рояля,
Нас утешая и печали...

1980-2002, Ep.-M.

Аппетит химеры

Химера просится в гости
Я не пускаю —
На Руси говорят:
«В гости — гладить кости...»
Чем же кормить химеру?
У неё аппетит беспримерный;
Только наелась — снова находитесь,
И летит куда-то опять —
Кого-нибудь жрать...

2002-03-14.

* * *

Я часто о химерах говорю:
Их — множество,
Они везде летают,
И так забавны,
Но того не знают.
Их распознать
В мгновеньи я могу...
Кто их не знает,
Тот себя не знает,
Не знает что сквозь нас,
В ночные сны,
Мелькает в вечность
Множество — Они...

2002-03-19.

Химера и время

2001

* * *

Спасибо, Господи, что злобные химеры
Не увили меня по той дороге вечной,
Что в зоопарк любви неискренней влечёт,
Что не скреплял я тяжкою печатью
Своей судьбы,
И перед алтарём я никогда не получал
Благословенье — «На подвиг брака»!
Подвиг, он бывает,
Когда на смерть идёшь ты
От любви к Отчизне,
Или на смерть идёшь
Ради Прекрасной Дамы,
Ради Любви...

Иное дело, если по расчёту
Ты без любви себя стреножил долгом –
В одну лишь сторону насильственно глядеть.
Ты как бы совершил самоубийство,
Поскольку предал добровольно Еве жадной
Своей свободы неделимый дар,
Что от Творца ты получил как самый
Божественный из всех Творца даров...
И этот дар передарить, отдать
Ребру Адама, –
Неправедной наследнице Лилит,
Ей, лютострастной, вероломной Еве,
Которая Адама разлучила – с невестою его,
С Лилит, с душой его небесно-непорочной,
Украденной.
А воры – Змей и Ева...
У них навечно заключён союз.
Змей – гибкий фаллос, змей – томленье, пол...
Да, грех твой перед Господом ужасен!
А в брак войти ты должен, только если
Уж жить не можешь больше без Неё,
Без совершенной и прекрасной Дамы,
Которую воображенье наше
Соткало нам из женщины земной...
Благословенье – Непорочной Деве!
Благословенье – Свежести невинной.
А что сварливой, опытной матроне? –
Ошейник наш и цепи торжество!
Так будьте осторожны, коль возможно,
И не пускайте в дом Химеру страсти –
Что ослепляет нас пред Дамой томной
И мы летим в бессрочно-тяжкий брак...
С Ксантиппой рядом многие проснулись...
А ты не маешься в замужестве, батрак
Потерянной давным-давно любви?.. Вот так
Невольно служим умершой химере,
Хоть в мёртвую любовь
Давным-давно не верим...

2002-03-24.

Обращения к Химере

* * *

Химера! Ты уходишь в тишину
И за собою закрываешь двери...
Своей способности глядеть на глубину,
И там, на дне молекул и частиц,
Ты улетаешь, становясь волною...
И лунный ветер, —
Крылья за спиною,
Твоих ключей от времени —
Ключиц...

2001, XI 16, M.

На дне судьбы

Химера, Вам неотвратимо
Куда-нибудь лететь, охотиться,
Присутствовать незримо,
В делах и днях –
И крыльями шуметь
Над обречёнными.
Вы – неизбежны,
Но порой Вас нет,
Поскольку солнце светит
слишком ярко.

Тогда Вы в глубине,
В колодце без теней,
На дне судьбы.
При трепете огарка
Свечи,
Что освещает жизнь с изнанки,
В которую запито слово «смерть».

2001, 31 дек.

* * *

Химера, выходи гулять
По лунным скатам тихой крыши!
Когда все спят,
Никто не слышит
Как ты крадешься...
Скрип!.. – кровать...
Химера, под луною тиши –
Как зачарованная заводь...
Трава в воде, течёт усталость,
Гниёт под водами весны –
– как корень мёртвой бузины.
По крыше ты скользишь во сны...
Весне недолго жить осталось...

2001-2002, дек. – янв.

Химера в паутине лучей

Химера, Вы зачем
залезли в душу
Ночей осенних,
как фантом неясных?
Зачем гнездо Вы свили в тишине,
И пауком сплели тенета ночи,
А проще –
Паутину из лучей,
Через миры стремительно скользящих,
Летящих в звонко-гулкой вышине,
Куда Вам не летать?
Охота на ползучих –
Уделочных всесльшащих химер.

2002-01-06, М.

* * *

Поплачь, химера,
Над своею болью,

Поплачь,
Для слёз возьми своих –
Реки теченье...
Слезами плакать
Можно бесконечно, –
Доплачешься
До замкнутой тюрьмы
Своей глубоководной тьмы –
Природы...

2002-02-09.

Химера алкоголя

Химера алкоголя, ты витаешь,
Над пьяницею, в водку погружённым,
Ты из углов, как демон, вырастаешь,
Твой взгляд кровав, как адом осенённый.
Он вой и ругань высекает и проклятья
Из душ в угаре, душ полуказнённых.
В них всхлипы смысла, бешеные чувства
Самовзвиваются –
Под свод своей же скорби.
Химера наблюдает непокорство,
Но покоряет пьяниц очень скоро.
Она влетает в глуби подсознанья,
Она там тягу злую поселяет,
Она поёт о воле и желаньи,
Ну а затем – страданье оставляет.
Её удел – соблазн и наважденье.
Она – похмелья тёмное виденье,
А дальше – только самовыселенье
Насильственно – из тела...
Истребленье – себя в угаре
Несопротивленья – отчаянью,
И – яд, петля и пуля...
Химеры нас безжалостно надули.
Давай не выпьем за страну химер!
Оттуда пламя, спирта испаренья,

И круг за кругом там течёт движенье
Химерою вербованных теней.

2002.

Головная боль

Химера, голова болит,
Не ты ли копошишься
где не надо?

На мозг опущено
Железное забрало,
Кошмарно-ключовидное
на вид...

И голова как колокол
гудит,
Мне дай покой,
не мельтеши,
не надо...

2002-03-23.

* * *

«В лесу пугающая сов...»

А. Белый

Химера! Вы к небытию
Щекою прислонились
Как к колонне, на которой –
Изображенье Солнца,
Другою же щекою Вы, химера,
Склоняйтесь к колонне,
На ней, рукою мастера неспешной,
Начертана опасная Луна.
Меж ними Вы, витая,
Рождаете движенье Непокоя,
И сов пугаете, и шелестом своим
Слова и тени мрака вызывая,
Вы исчезаете, и – «далъше – тишина»,
Столь смертная...

2002-04-08.

Химеры отстранённые

* * *

«Химера – нелепая выдумка».

Г. Виллиам и И. Яценко

Словарь иностранных слов,

М., 1914

В тяжких сосцах, полных мёдом,
Горькая дремлет полынь –
Ты не пугайся, это химера,
Только щеколду задвинь –
Там, за порогом на волю –
Стужа, морозная стынь...

Рассуждение духов о Химере

Эта Химера какая-то странная, –
Сказал Дух подозрения,
Дух молчания кивнул, соглашаясь, –
Эта Химера ото всех отделена –
Сказал Дух внимания...
Отделённость бывает от мудрости
Или от неуверенности... –

Сказал Дух назидания.

Эта химера отсела от вас по нужде –
Улыбнулся Дух смеха...
Эта Химера мыслит! –
Догадался Дух огня –
Это правда! –
Обернулась к точке духов Химера,
И, слившись с собственной тенью, вспыхнув,
Исчезла.

2001-12-22.

* * *

С доски каминной –
Гипсовый лик химеры,
Слепок,
– портрет забытья,
Сам по себе – упал.
Все видели, что никто не подкрался,
Не тронул, не сдвинул, не столкнул, –
А говорят, что химеры бывают,
Но не бывает чудес...
Изображенье химеры
Тихо, бесшумно разбилось,
Как о ковёр – могли бы разбиться
Песочные часы,
И, разбившись, –
Медленным всплеском рассыпать
Секунды-песчинки,
И ледяные осколки минут,
Упавшие с каминной высоты...
Там, на ковре – в белых осколках,
Пыль и тщета существованья во времени...

01-14– 02-17 2002. M.

* * *

На перекрёстке трёх дорог
Горело три свечи.
Кто их затеплил, кто зажёг –
Во мраке поищи...
Среди полуночных химер
Среди случайных снов...
Сокрылся кто-то, кто поджёг
Сокрестье трёх дорог.

2002-04-18.

* * *

Химериады звёзд
Мигают нам с небес
Созвездья –
Лев, Бык и Орёл на воле...
Черным-чerno:
Там мантию надел
Межзвёздный мрак –
И звёзды не мерцают более...

2002-04-11.

«Весёльie» химеры

Химера и бензин

Химера зашла в магазин,
Купила в бутылке бензин,
Глотнула его за углом
И выдохнула – огнём...

2001-12-20.

* * *

Жили-были три лягушки
У Данилы при кормушке
Три зверушки? Три лягушки?
Три химеры, три кукушки.
В кorm вошли они по ушки...
У рассыпанной кормушки –
Шкурка, лапки – от лягушки,
Клюв и перья от кукушки,
А химера – снова у кормушки.
У неё всегда обед...

2002.

Лексоформула ХиМеР *Игра на тему салона времён Голсупорси*

Химера, хИмера, хиМера,
ХимЕра, химеРа, химерА,
Хи, Имер, Мера, Ера, Ра, А...

В салоне, где висело чувство меры,
Царила за столом мадам Имера,
В изящном воздухе,
Опрысканном духами...

— А-а-а вы египетских не знаете имён? —
Мадам Имера свысока спросила, —
И в воздухе, изящном и душистом,
Сгустилось чувство меры...
— Я знаю, — дипломат один ответил, —
Изиду и Озириса и Тота
Анубиса с собачьей головой,
И бога Солнца Ра...
Они — как грандиозные химеры,
О чьи изображенья Время тщетно
Который век ломает хищно зубы,
И всё не может в пыль их превратить...

— Я не верю в химеры! — сказала мадам Имера,
Тогда — поднялись из тьмы,
От древних гробниц,
От спелёнутых тканями лиц,
Поднялись химеры,
Они мадам Имеру подслушали
И ночью её потихоньку скучали!..

2002-02-03.

Химера танцует

Химера в танце с карликом скользит,
А гномы хлопают в ладоши, —
По камню топают галоши,

Печально-серые на вид.
В них карлик мелко семенит...
Веселье полночи безлунной
Когда на камне тлеют руны,
Гадает ведьма над золой,
Химере радостно порой;
И с карликом у них дуэт,
Смешней той пары в мире нет,
Химера косо-нога-рука,
Крива глазами, близорука,
И птицевидной головой
Трясёт и топает ногой,
На пальцах когти, как у львицы,
Повадка, грация — девицы,
Сошлись, сбrelись элементали,
И воют — будто в лупанарий,
Змея пролезла, или вол вошёл...
Под этот вой танцуй, химера,
Самозабвенно, до упада,
Пока горит луна лампадой,
Под полом замка, в подземелье
Среди скелетов и поверий
Химера даст ночной обед
На чистой, алой, липкой крови,
Уж кубок полон... Пьют до боли
И пена жуткая шипит...
А танец длится и кружит
Химеру карлик неизбывно...
Но — крик петуший! —
И незримым —
На пыльных плитах подземелья
Стал танец дикий,
Всё немеет,
И пылью разлетелось в прах!
Петух зарю пропел в потьмах...
А солнца луч упал в окошко,
Как заметавшаяся кошка,
Он разметал игравый прах

И всё исчезло,
Пыль опала,
И время снова задремало,
Химеру заточив во снах,
До нового ночного бала,
До новых танцев на пирах...

2002-02-01.

* * *

За горой сидит Химера
Странная-престранная
То на Сириус завоет,
То пасёт баранов...

На зелёной, на поляне
Средь овец да средь баранов
На собаке, на белой
Сидит пастухом Химера.
Хлыстом кожаным, крепким
Помахивает,
На кудрявых, рогатых поглядывает.
А как завоет она на Луну –
И собака тоже – на Луну –
С нею завоет...
То овцы сбиваются в кучу,
Баран-вожак в страхе
Глаза закрывает,
А когда заблеет, то как зарыдает.
Такова вот Химера,
Что сидит на собаке.
Овец выпасает, добра наживает,
Но сама – ни добра, ни зла не знает.
А знает Луну,
Что как глаз «нездешний»
Непокоем туч её тревожит,
И Химера на него воет,
Тоска её, как собака

Неизвестную кость –
Гложет...

2002-03-10.

Химеру видит маленькая девочка

Химера дует на компот
Из червячков и мошек,
А рядом лапу лижет кот,
Он полосатый очень.

2002-03-12.

Химера и старушка

Химерофилией больная старушка
Как-то взяла химеру на мушку –
И из лука последней модели
Стрелы любви полетели...
Химера с тех пор больна –
Лежит. И над ней – луна.
А старушка с луком
последней модели,
Как Амур за Венерой, ходит –
По горам, по долам, –
Ищет подбитую ею Химеру,
Но нигде не находит...

2002.

Химера и Грифон в Одессе

Химера и Грифон гуляли по Одессе,
Они ходили в гости к тёте Песе,
Они гуляли также к Ланжерону,
Где пляж гудел, как поезд на перроне.
Химера говорит Грифону:
Боже ж мой, Грифон Израилевич,
Тебе пора домой –

А то я не закрыла на засов
Клетушку в комуналке — от воров...
Грифон послушался, пошёл домой,
Довольный столь практичною женой.
Химера же осталась на пляжу
Под зонтиком с болонкою Жу-Жу.
Что было дальше — догадаться можно,
Химера действовала осторожно.
Над грудью откровенной —
Откровенный взгляд, туда, —
Где козлоногий Пан лежит вблизи наяд
И греет зашерстившееся тело.
Он ей мигнул —
Они пошли в кусты.
Грифон был далеко,
Уже за три версты...
Мораль сей басни такова:
Что нам за дело,
Кого Химера
Вне Грифона захотела...

2002-03-30.

* * *

Однажды дед Мазай
За зайцами собрался,
Да повстречал Герасима с Муму.
Весна, река широко разлилася...
Что за химера, вот я не пойму —
Зачем на лодку ты ведёшь собаку?..
Ты ж плаваешь за зайцем без ружья —
Сказал Герасим, — у меня ж метода
Совсем другая — жертвуя Муму,
Хочу заклясть хорошую погоду,
Чтоб цвет и разрастался огород!
Вот нехристъ! — плонул тут Мазай
И прочь идёт...
Химера показалась из воды,
И ждёт Муму, как кролик — резеды.

2002-03-30.

Сюжет американского фильма

Сюжет американского фильма,
Где всё технотронно-дебильно:
Химера по имени Моника Левин
Отдаётся президенту США –
Прямо в офисе, вне постели.
Как ни странно,
Великий американский народ,
Глядя химере-Монике в рот,
Видит, что в Белом доме все побледнели,
Оттого, что это произошло
Вне супружеской, законной постели.
И закричал сенат на весь мир,
Что Моника – жертва,
А президент – вампир...
Химера-Моника
Изобрела волшебную сумочку,
Из которой она вынимает
Прогнозы и предсказания.
Химера предсказывает,
Что к власти придёт
Американский король, Буш Второй,
Недалёкий туповатый герой,
Поднимающий пыльные бури в пустыне,
Где лишь опийные маки цвели доныне.
Химере-Монике никто не верит,
Она от этого безобразно толстеет,
Её распирает от предсказанья,
На которое все – ноль вниманья...
Но химера-Моника не сдаётся.
Она предсказывает самолёт,
Который с неба на Пентагон упадёт.
Всё кончается хэппи-эндом,
Свадьбой химеры-Моники
С тайным агентом
Мики Маусом в Диснейленде...
На фоне воздушных шаров –

Символов безопасного общения Двух полов.

2002-03-30.

Химеры завершающие

На куполе неба

А над ангелами, над Химерой,
Из Высоты небесной
Показался золотистый отсвет прекрасного,
Неземного,
Всепроникающе-великого
И непостижимого света,
Павшего из абсолютной сферы
Строителя Миров,
Который светом своим
Освещает совершенных
И несовершенных, травы, скалы, деревья,
Моря, облака,
Цветы, зверей и людей, ангелов и химер,
Дремлющих
На самой кромке крыши мира,
Откуда виден отсвет совершенства...

2002-06-10.

Соблазн химеры

Химера захотела
Погубить человека, –
Она сказала –
Бог карает, он убивает,
Он искушает
Детей своих.
Разве не хочешь ты
Во всем походить на Бога,
Карать – убивать – искушать?!.
Человек услышал химеру,
Внушившую ему «мысль»,
Человек ушёл...
Судьба его безвестна.
Его больше не видели,
А если б увидели –
Ужаснулись...

2002.

*

Бескрайний горизонт Земли
Над горизонтом – светоч веры –
Святыня-Крест.
Дрожат химеры
И прячут морды в скалы-льды...
Блестящей каплею воды
Означен спектр отражений
И чёрным дымом извержений
На Геркулануме – следы...

2004-03-30.

Оркестровое завершение

Трагедия с комедией смешались,
Химера наблюдает сей момент,
Когда всежанрово слились без правил
Химеры всех цветов, оттенков, марев,
Им отгремел оркестр – дивертисмент...

2002-03-30.

Г.Ф. Цомакион
ГРАФИКА

Г.Ф. Цомакион «Nasciencio» — «Рождение»

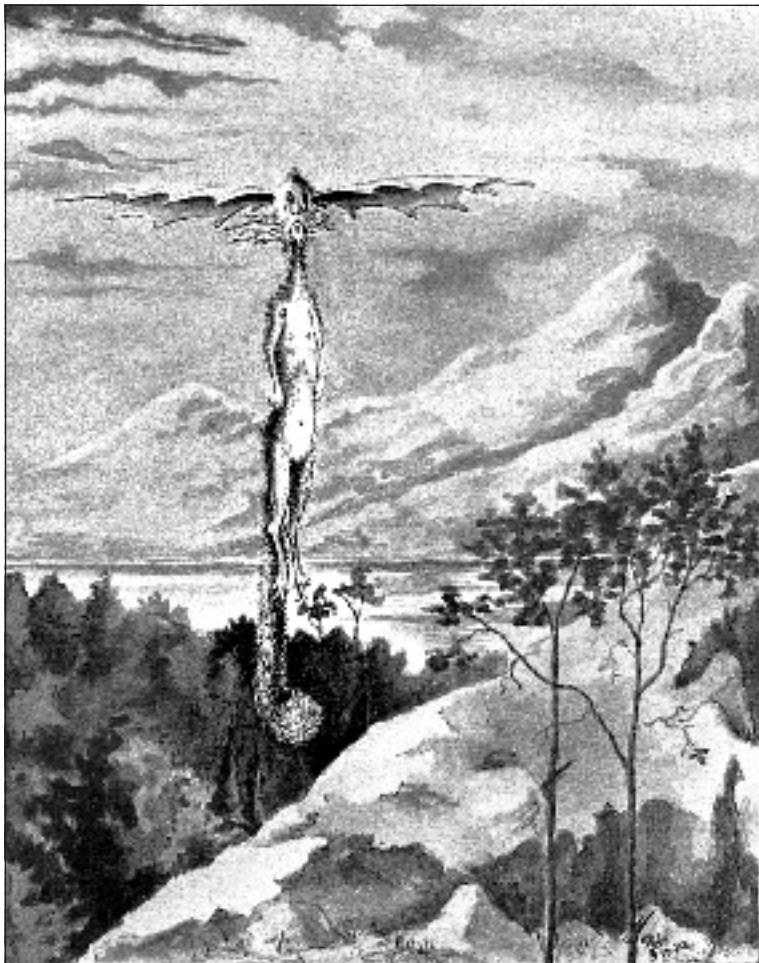
Г.Ф. Цомакион «Мудрость»

Г.Ф. Цомакион «Испытание Святого Антония»

Г.Ф. Цомакион «В запертой комнате»

Г.Ф. Цомакион «Тихий спуск»

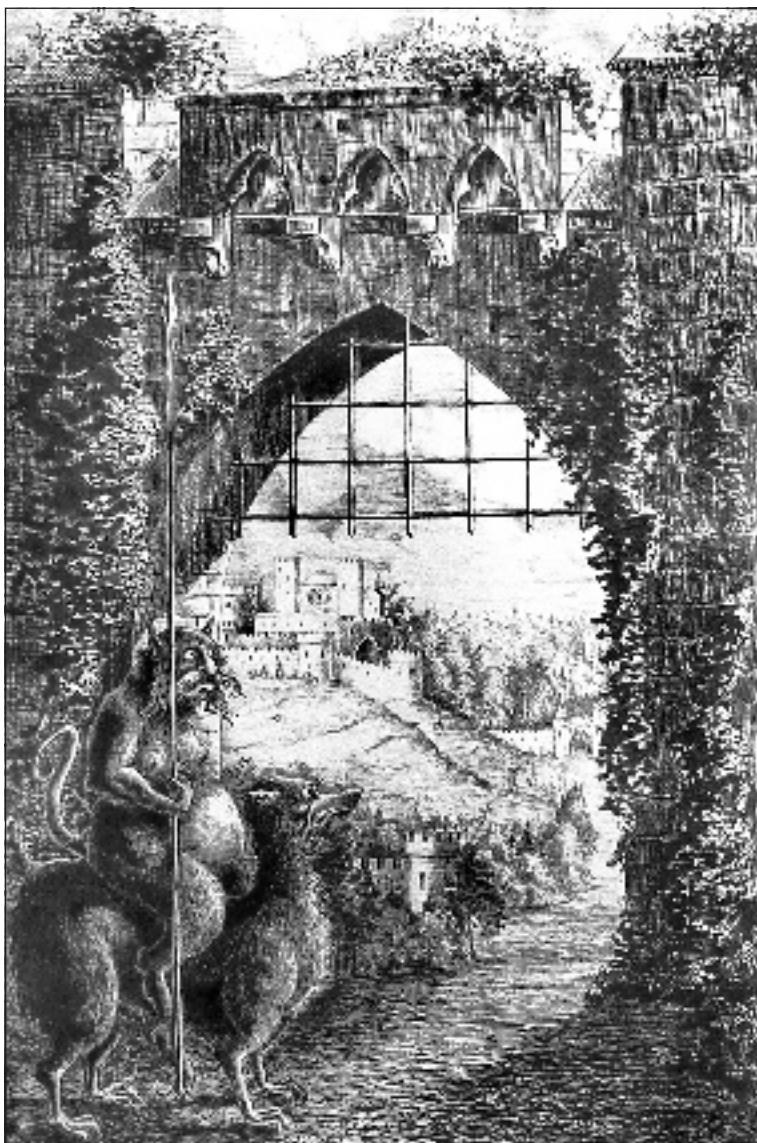
Г.Ф. Чомакион «Глущь»

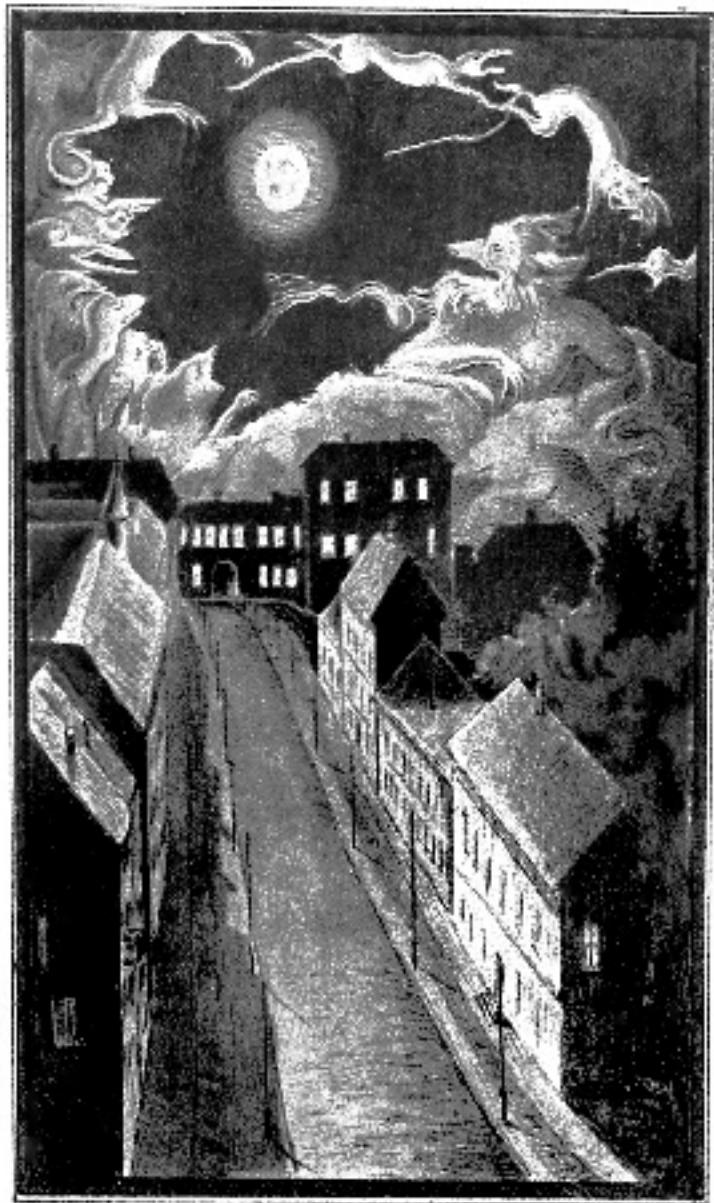
Г.Ф. Чомакион «Следователь» – «Наблюдатель»

Г.Ф. Чомакион «Тиш»

Г.Ф. Чомакион «Верность»

Г.Ф. Чомакион «В городе»

329 1955

Г.Ф. Цомакион «Зависть»

Г.Ф. Чомакион «Злобность»

Г.Ф. Цомакион «*Vita nostra brevis est*» – «Наша жизнь коротка»

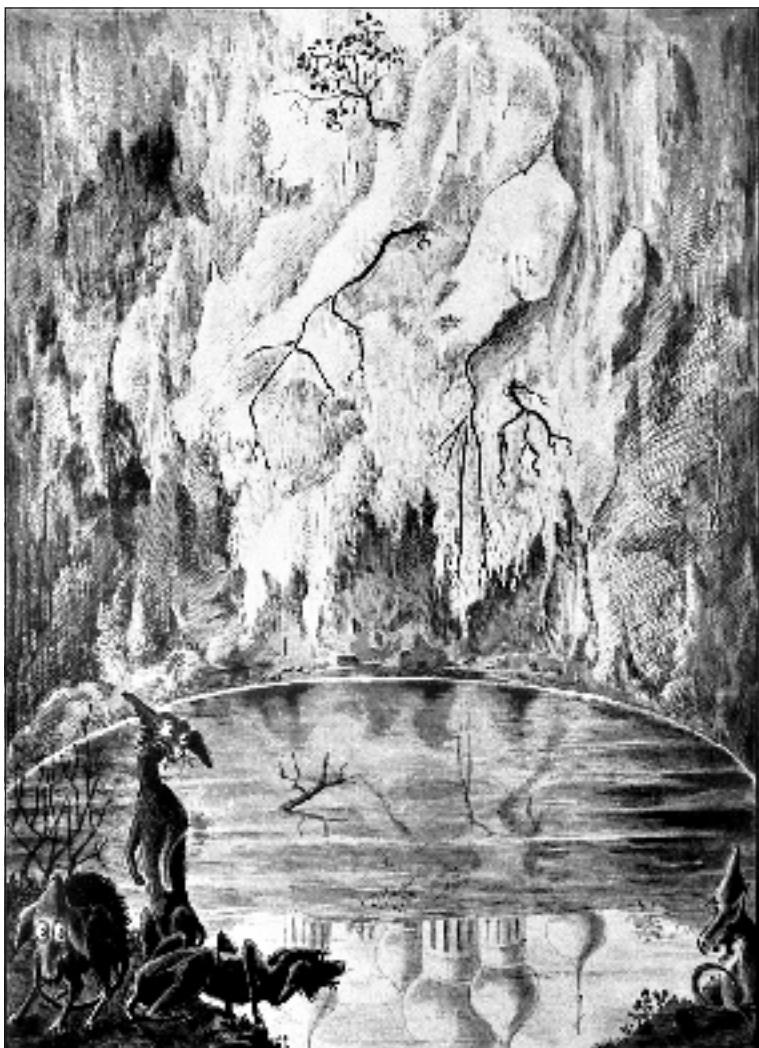
Г.Ф. Чомакион «Индустриализация» – «Кустари»

Г.Ф. Цомакион «Одинокий музыкант»

Г.Ф. Цомакион «Серебряная свадьба» – «20 лет супружества»

Г.Ф. Чомакион «Град Китеж»

Г.Ф. Цомакион «Пигалица»

Г.Ф. Цомакион «Fortissimo»

Из переводов

**Хорхе Луис Борхес
Соучастник**

Распят – и стал крестом,
Протягивают чашу – я цикута,
Обманывают – ложью становлюсь...
Я всеприимен и всеяден я,
Хвала и честь минуте каждой.
Во благе оскуденья обретаю
Вес точный Мирозданья,
Мне едино –
Смеяться или плакать, —
Я – поэт.

Перевод Ст. А. (в 1985 г.)

**Иоганн Вольфганг Гете
Божественное
(Человек)**

Добро, благородство и чуткость
Да будут
Уделом твоим, человек,
Тебя возносящим над всеми,
Кто дышит под небом.

Слава духовным лишь видимым оком
Созданьям предвечного духа!..
Отдалённый потомок Адама,
Подобный бессмертным,
В них, воспаряющих, веру вселяет.

Дремотно-безлична Праматерь-Природа,
Дарящая светом светил
Равно – преступных и честных;
И над злоказненным
Те же факелы лун и планет
Расточительно блещут,
Что и над благонесущим.

Громошумящие реки времён
Без различья
В Лету уносят
И праведных и осуждённых.

Счастья богиня
Средь странников праздно витая,
То отрока кудри венчает,
То плешь, под которой
Кровавые мечутся мысли.

Согласно чугунному кодексу
Вечно
Обречены мы на эллипсис
Циклов свершенья.
Одному человеку доступно
В разум ввести буйный хаос
Благого и злого,
Лишь сын человека
Волен мгновенье –
Вечностью короновать.
Только он вправе
Светлое – златом заткать,
А на тёмное – саван набросить,
Исцелять, воздавать и карать,
Зыбкую лаву металла
В бронзы плетенья
Способен лишь он перелить,
И окалины молотом сбросить.

Мы возжигаем куренья бессмертным,
Творящим макросвершение там,
Где мудрейшим из рода людского
Лишь крохи творенья доступны.

Первородный,
Так будь же, о ты, человек,
Мудр и добр и провидчив,

Созида́й же без устали
Храм сокровенности истин.
Стань же достойным прообразом
Зримых духовно существ.

1783.

Поэтическое переложение Ст. Айдиняна (1976).

Ваан Терян

*

Октябрь. Холод. В дверь стучится ветер.
Он вьётся, дует, разгоняя ночь...
Напрасно всё — отчаянья не лечат
воспоминания, — несутся вихрем прочь...

Листы бумаги ветер разметает,
светило злое жгло страну мою...
Поля пустыней голой, дикой стали
и скорби песни я о них пою.

Предавшись тёмным мыслям,
яду грусти, душа моя
плывёт назад в потьмах.
Ничто в ночи,
что вихрится так жутко,
не утолит на сердце легший мрак...

Перевод Ст. А.

Переводная русская Дантеана. Очерк-предисловие

Каждый, знающий «Божественную комедию» Данте, по-своему слышит её, по-своему погружается в её волны и созвучия. Поэма касается запредельного, посмертья, сфер, в которых душа оказывается за порогом земного бытия... Отсюда — огромный соблазн приближения к скрытым в ней эсхатологическим безднам, к символическим многосмыслиям и мифологемам.

В XIX столетии признанными знатоками «Божественной комедии» среди прочих были — король Саксонии Иоанн, который перевёл всю поэму на немецкий язык белым стихом, и классик американской литературы, поэт Генри Лонгфелло, сделавший полный перевод на английский язык. Лонгфелло находил утешение в этой работе после ужасной гибели при пожаре в 1861 году его жены, ставшей для него поэтической тенью, как для Данте — Beatrice.

В России отрывок из дантова «Ада» — «Уголин» в прозаической передаче П.С. Железнова включён им в его «Сокращенную библиотеку в пользу господам воспитанникам первого кадетского корпуса» (СПб, 1800). Цензурное разрешение на выпуск книги было получено 8 декабря 1799 года. Посвящена же она, в духе времени, «Государю цесаревичу и великому князю Константину Павловичу», сыну Павла I, наследнику, отрекшемуся, как известно, от престола в 1825 году.

Прошлый век открывает большую переводную русскую дантеану. Среди первых — опыты поэта и путешественника Абрама Норова, героя войны 1812 года, потерявшего ногу при Бородинской битве.

Особенно интересен большой отрывок из III песни «Ада», напечатанный в «Сыне отечества» в 1823 году, получивший более чем через столетие одобрение крупного дантолога, родственного (как причудливы линии судеб!) фельдмаршалу, победителю в 1812 году французов. И.Н. Голенищев-Кутузов о том переводе А.С. Норова писал: «Переводчику удалось передать образный строй и энергию выражений подлинника».

Еще два эпизода — «Франческа Римини» и фрагмент XV песни «Рая» А.С. Норов поместил в «Северную лиру на 1827 год». В рецензии на альманах А.С. Пушкин недовольно заметил: «Норову не следовало бы переводить Данта...»

Художественно полноценны, несмотря на архаичность языка, переводы П.А. Катенина — первых трёх песен «Ада» — I (1827), II (1827), III (1830) и отрывка «Уголин» («Сын отечества», 1817).

Далее последовал столь же «древлеязычный» стихотворный перевод адъюнкт-профессора, словесника С.П. Шевырева — II и IV песни «Ада» в № 1 «Москвитянина» за 1843 год и надпись над входом в ад из начала III песни — в «Учёных записках Московского университета» (1833, № 5). Эта надпись, переданная тоже стихами, явлена в обрамлении пространного изложения содержания Поэмы. Изложение продолжено и в следующих «Учёных записках».

Можем упомянуть ещё и более ранний, хотя уж совсем неполный и неуклюзий перевод пяти строк из той же «надвратной» надписи, опубликованной в харьковском университетском журнальчике «Украинский вестник на 1817 год». Его нам оставил Орест Сомов.

С 1840-х годов робкий ручеёк отрывков и фрагментов, отражавших преломленно-художественно Великую поэму, расширился до разноголосо шумящей реки больших, объёмных переводов.

Заметнейшим явлением литературной жизни стал первый полный, да ещё оснащённый параллельным итальянским текстом оригинала, перевод «Ада», выполненный Федором Фан-Димом. За этим забавным псевдонимом скрывалась Ел. Вас. Кологривова. Её перевод, сделанный белым стихом, женственно-поэтичен, его весьма одобрил В.Г. Белинский и, напротив, изругал проф. С.П. Шевырев. Выход перевода датируется 1842–43 годами.

В 1875 году он выдержал ещё одно издание в серии «Европейские классики» под редакцией П. Вейнберга, который и сам дал в 1875 году в «Вестнике Европы» (№ 5) свой перевод III песни «Ада», также как и Ел. Кологривова, верлибром.

П. Вейнберг написал о тех трудностях, с которыми столкнётся всякий, кто возьмёт на себя подобный труд: «Уже одно обилие в ней (“Божественной комедии” — *Ст. А.*) собственных имён и богословско-философских рассуждений ставит перед переводчиком дилемму — или жертвовать некоторыми из этих подробностей для рифмы — (да ещё такой, которая в терцинах “Ада” чередуется не совсем обыкновенным образом) — или втискивать всё в стих, становящийся от этого крайне тяжёлым, почти невозможным для чтения». Перевод П. Вейнберга, несмотря на то, что не rhymeирован, всё же достаточно поэтичен, язык его лёгок, будто принадлежит не

к своему, а к следующему веку.

Самым серьёзным поэтическим переводом того времени считается перевод учёного-медика, занимавшего кафедру судебной медицины в Московском университете, затем жившего в Петербурге, Дмитрия Мина. Осуществив публикацию отдельных песен в «Москвитянине» (1843, № 4) и в «Современнике» (1845, № 11), в 1855 году он решился после «одобрительных суждений друзей» и «необыкновенно лестного отзыва профессора С.П. Шевырева», издать полный текст «Ада» – размером подлинника.

Незадолго до смерти Д. Мин завершил окончательную редакцию перевода, отличавшуюся от опубликованной. Купленная у потомков переводчика издательством Суворина, эта редакция была подготовлена к печати и издана в 1907 году. Именно этому изданию Императорская Академия наук присудила полную премию имени Пушкина.

Если до Мина текла река переводов «Комедии», то после него обрушился целый водопад полных переводов «Ада». В первую очередь – весьма заметный и в первых песнях достаточно поэтичный перевод поэта-демократа Д.Д. Минаева, опубликованный сначала роскошным изданием с гравюрами Гюстава Дорэ в Лейпциге в 1874 году. В Петербурге тот же издатель, М.О. Вольф, издал его в году 1876-м. Некоторые думают, что Д. Мин – более ранний псевдоним Д. Минаева, но это ни в коей мере не соответствует истине. Поэт Дмитрий Минаев нисколько не походил на доктора Мина, человека совершенно иной жизненной устремлённости, хотя в столь причудливом сходстве имён, кажется, звучит, чуть слышно, намёк на неслучайность Судьбы...

Далее последовал вполне оригинальный для своего времени поэтический перевод «Ада» В.А. Петрова, изданный в Петербурге в 1878 году. Непонятно только почему на титульном листе этот перевод означен как «Подстрочный» с итальянского терцинами... Видимо, само слово «подстрочный» в те годы не имело значения, приобретённого позже, не означало «буквальный», а скорее – «дословный». Однако ни подстрочным, ни дословным, ни буквальным опытом В.А. Петрова сегодня называть нельзя.

После перечисленных серьёзных «приближений» к «Комедии», анекдотичным видится «перевод стихами» А.П. Фёдорова, появившийся в 1894 году. Он исключительно далёк по форме, по стихотворному размеру от оригинала, но, к удивлению, всё же основной

смысл Поэмы, хоть и пунктирино, но живо и кратко, передаёт. Ругать текст «Ада» А.П. Фёдорова стало доброй традицией в отечественном дантеведении.

Благонамеренно и вдумчиво постарался дать своё прочтение, на сей раз опять размером подлинника, книготорговец Н. Голованов. Текст его перевода предварительно просмотрел профессор Ф.И. Буслаев, о чём переводчик с гордостью сообщает на титульном листе вышедшего в 1899 году своего труда.

Достойно завершает стихотворную дантеану переводов XIX века изданная уже на рубеже века XX-го – «Божественная комедия» – Поэма Данте Алигьери в новом стихотворном переводе О.Н. Чюминой. Перевод Чюминой издан потом ещё раз в 1921 году в Берлине Русским универсальным издательством. Он отличался исключительной лёгкостью, стремительностью, несмотря на некоторые вольности, впрочем, в той или иной мере свойственные всем без исключения существующим переводам, вне зависимости от того, созданы они мастерами, поэтами, или скромными «amateрами» пера...

Наш краткий очерк «старой» дантеаны был бы неполон, если бы мы не упомянули ещё три перевода, весьма небесполезные для исследователя «Комедии». Это изложение «Ада» С. Зарудного «с объяснениями и дополнением», вышедшее в 1887 году, потом подстрочный прозаический перевод В.В. Чуйко (СПб., 1894), дающий общую канву, смысловую «подкладку» классического текста; и в том же 1894-м – тоже в Петербурге, перевод «Ада» П.А. Каншина, изложившего незадолго до того прозой целое «Полное собрание сочинений В. Шекспира» и выпустившего его в 1893 году бесплатным приложением к журналу «Живописное обозрение». Скромные достоинства прозаических переводов П. Каншина были общеизвестны, но и они небесполезны для истории понимания Поэмы...

Новый, XX век принёс и новые опыты поэтических переложений Данте в русскую словесность. Поэт-символист Эллис (Л.Л. Кобылинский) в своей книге «Иммортели» (1904) дал несколько отрывков из «Ада» (из I, III, V, XXXII и XXXVI песен). Их не одобрял А. Блок, назвавший «тщетными упражнениями». Однако отрывки, переведённые Эллисом, стройны, своеобразны и самостоятельны, несмотря на лёгкую сухость манеры преподнесения.

Глубокий и ценный, хотя и вовсе не большой по объёму труд переводческого искусства по одной Г песне «Ада» оставил В.Я. Брюсов,

чью переводы с европейских языков составили целый том. Брюсов неплохо знал итальянский язык, но многое изучил, прежде чем перевести I песню, за которой должен был последовать весь перевод Поэмы, но Первая Мировая война и иные литературные труды помешали этому. Осталось ещё опубликованное С. Бэлзой начало III песни – «Здесь, чрез меня, вход в области мучений».

В. Брюсов, признавая, что перевод Д. Мина – лучший из существующих на русском языке, тем не менее отвергал его: «Правда, важнейшее сохранено, но исчезли оттенки мысли, вся сложность речи и длинный ряд отдельных образов».

Перевод Брюсова, грозивший стать эталонным в русской дантеске, так и не был осуществлён, однако к готовившейся при его жизни публикации первой песни, поэт написал предисловие, во многом не потерявшее актуальности и по сей день. В нём, в частности, сказано: «...язык “Божественной комедии” нечто единственное, unicum: на этом языке никто никогда не говорил, и никто на нём не писал, кроме Данте. Этот язык пёстр: в нём много латинизмов, не удержавшихся позднее, много народных выражений, позднее также отпавших... Мыслимо ли создать что-либо подобное на другом языке?..»

Вышесказанное перекликается и с тем, что говорил другой переводчик П. Голованов в предисловии к своей версии «Божественной комедии»: «Архаизмы и славянизмы я не стеснялся употреблять, частью памятую, что Литтре даже умышленно пробовал переводить Данта старинным французским языком XIII столетия, часто и потому, что наш обыденный язык слишком беден для красок и оттенков речи Данта. Порой я употреблял былинные и песенные обороты, не стеснялся и низменными выражениями, хотя на фоне общей торжественности тона. Получилась известная пестрота языка но, быть может, она отражает пестроту той vulgaris eloquentiae, первоздателем которой явился сам Дант».

Хочется ещё раз кратко возвратиться к пониманию задач перевода, завещанных В. Брюсовым: «Читатель “Божественной комедии” должен выносить, говоря терминами, эстетическое наслаждение, и это требование важнее, чем все другие: правильность толкования отдельных мест, точность в передаче технических выражений, даже близость к букве текста. Не-художественный перевод стихами не имеет права на существование».

После Брюсова, для которого, как видим, требование художественности было определяющим, всё-таки появился перевод, который, по мнению многих, стал эталонным. Это, конечно, полный перевод «Божественной комедии» М.Л. Лозинского, сделанный в период – с 1936 по 1946 годы.

«Ад» переведён в 1939 году. Этот перевод считался академическим, он выдержал в тоталитарные времена массу изданий в СССР, и было не принято говорить правду, что наряду с неоспоримыми поэтическими находками и удачно переведёнными терцинами, перевод М. Лозинского всё же тяжеловесен, а временами и затемнён не менее, чем у его предшественников...

Совершенно особым явлением русской дантеаны – взошёл скромным и почти неизвестным до сих пор ростком – перевод «Ада», сделанный мастером прозы русского зарубежья, Борисом Зайцевым. Это размеренно-спокойная, обстоятельная ритмизованная проза, взгляд на бездну, увиденную как бы со стороны.

Завершением дантеаны «советского периода» следует признать намеренно-архаизированный опыт филологического перевода видного дантолога А.А. Илюшина, публиковавшего свой «силлабический перевод – наблюдения над текстом».

Позже появилось и полное издание всего текста с комментариями. Илюшин также составил, снабдил вступительной статьей и примечаниями своеобразное издание «Божественной комедии», где под одной обложкой собраны образцы переводов прошлого века, дополненные переводом М. Лозинского. «Ад» в стихотворных переводах представлен полностью. «Рай» и «Чистилище» – в извлечениях и пересказе.

Означает ли обилие существующих переводов, что новый взгляд на текст «Комедии» невозможен? Безусловно, нет. Ибо в силу своей универсальности Поэма поворачивается новой гранью к каждому следующему десятилетию.

Стоит ли говорить, сколь пополнилось представление о «Божественной комедии» после публикации работы французского философа Рене Генона «Эзотеризм Данте». Ждёт прочтения и впервые выпущенная на французском языке в 1940 году романизированная монография Д.С. Мережковского «Данте».

Наше приближение к Вечной Поэме в том, чтобы в современных, уже неподцензурных условиях, дать тот «компасный поворот» песен «Ада», который не был ранее проявлен.

Хотелось прежде всего передать поэтико-повествовательный и провиденциально-мистический срезы текста, которые обрели бы своё свободное мелодическое звучание. Намерение было создать даже не перевод, а музыкально-поэтическое переложение, в котором проставлены мистические акценты там, где они проявляются.

Каждый перевод, в большей или меньшей степени, поэтичен, и каждый придаёт Дантеане свои обретения, свои интонации, свою доминанту, свою «звукопись». В каждом переводе наряду с обретениями есть и потери, которые неизбежны при стремлении объять необъятное...

Кажется не лишним напомнить, что ещё в издании 1855 года переводчик и комментатор Д. Мин указал на одну важную особенность: «Свою переправу через Ахерон Данте покрыл непроницаемой тайной, — пишет Мин. — Поэт погружается в сон, во время которого чудесным образом переносится на другой берег, точно так в первой песне (Ад. 1, 10-12) он в глубоком сне входит в тёмный лес. В таком же мистическом сне возносится к вратам Чистилища (Чист. IX, 19 и далее). Он засыпает также перед вступлением в Земной Рай (Чист. XXVIII, 91 и далее)».

Итак, действие происходит во Вселенной, меж реальностью и сном. Этот мотив скользит через образы и виды Поэмы, через встречи и перипетии сюжета. Здесь — один из ключей к прочтению. Сон бывает провидческим, во сне притекают к человеку из иных миров пророчества, во снах люди делают величайшие открытия или приобщаются к ясновидению...

Не у одного Данте символически сближались Смерть и Сон, в «Гамлете» у Шекспира: «Какие сны в том смертном сне приснятся, / Когда покров земного чувства снят?».

Юный Гёте, только побывав в состоянии клинической смерти, обрёл «необыкновенную бодрость духа», после того духовного перелома в нём раскрылась гениальность. К. Бальмонт совершил неудавшуюся попытку самоубийства и, выжив, вышел к настоящему раскрытию своего таланта... Существуют и другие примеры.

Именно в приближении к последнему порогу и возвращении с него — Тайна, к которой шли Э. Сведенборг, Я. Бёме, современник Данте — М. Экхарт.

«Божественная комедия» таит много тайн, нам суждено лишь коснуться их лёгким словесным прикосновением...

Cm. A.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

АД

Песнь первая

Дорогу-жизнь пройдя до середины,
Я заплутал. Опомнился в лесу,
Лес оборвался в темноту долины.

О палец на губах о лесе том!
Дремучий ужас на ветвях кругом,
Идти по буреломам круговорти

Скользенье мысли тут подобно смерти.
Я откровенъе в ужасе постиг
И тайну видел в первозданном свете.

Из сна ли я упал в жестокий лес?
Видения смешались, стали ложью,
След тела моего во мгле исчез

Но, приближаясь к горному подножью,
К границе леса и его теней,
Мне сердце содрогнувших лютою дрожью,

Я в темноте прозрел в небесный свет –
Планеты нимб, для странников зажжённый,
Тропинки озарял.

Страх-демон мой исчез,
Под взглядом высоты, лучисто освещённой,
Ночь изнуренья тяжко отступала...

Я задыхался, будто бы волной
Из ночи той на берег Океана
Был выброшен бурлящей глубиной.

И сокровенности моё ядро
Как зеркало темнело в путь обратный,
Который углем смерти занесло.

Я оболочке тела отдых дал.
Вверх устремился. Новою стопою
Я равновесие земное опущал.

В предгорьях круч увидел танец лёгкий
Пантеры гибкой, чувственной как рысь,
Узористая шкурой пятен блёклых

Она, виясь, мне заградила высь.
Не в силах устоять перед соблазном,
Чуть было не скатился снова вниз.

Но тут заря! Как в первый день творенья
Круг солнца в ореоле звёзд
От Светоча любви зажёг движенье, —

Казалось, с неба бодрость изошла
Преодолеть ночное мельтешенье
Мохнатой шкуры ужаса и сна.

Дыханье утра сдуло страхи смерти,
Весной надежды тронуло меня.
Но новый бес дрожащего астрала

Явился львом, гордынею страха,
Неровной поступью он к сердцу подступает,
И ярость рыканьем голодного огня

Меня опять до трепета пугает.
И с ним волчица, знайно-бледна, страстна,
Для слабых сколь алчба её опасна! —

Сковала душу гнётом жёлтых глаз.
Соблазн вовсю терзал и, изнемогши духом,
Чуть восхождение я вновь не утерял.

Скупец, зарывший глубоко свой клад,
Но отыскать его уже не в силах,
Ни с чем бредущий с поисками назад —

Таким скопцом я чувствовал себя,
В мрак отступив, волчицею теснимый,
Туда, где солнца луч во мгле погас;

Я ощутил — ко дну стремит паденье,
Но кто-то появился предо мной,
Немой седою тяжестью молчанья

Средь безвременно-мертвенной тиши
Его увидев, я взмолился страстно:
— О, помоги заблудшему в ночи!

Ты человек, иль только тень живого?
И он в ответ: — Нет, не живой, я был им...
В Ломбардии рождён в дому отцов,

Что изошли из Мантуи старинной.
Явившись в поздний год «Sub Julio» на свет,
Живал я в Риме в Августа правленье,

Во времена сомнительных божеств;
Я был поэт и воспевал деянья Анхиза сына,
Что покинул Трою, оставив за плечами пепелище...

Так что ж тебя толкает вниз, назад,
Вспять от причины Благости Вселенской,
От восхожденья к Солнцу всех отрад?..

— Вергилий! Это ты, родник священный,
Излившийся потоком чудных слов? —
Восторженно склоняясь, я отвечал смущенно.

Высокой честью было припадать
И черпать твой источник совершенства,
Сломав непонимания печать

Любовью к дивным свивам начертаний
Воспринял я твой достохвальный слог,
Немало приложив к тому стараний...

Однако погляди, волчица вновь пугает,
И стынет кровь, и дрожь до самых жил!..
— Ты должен путь совсем иной направить,

Не скатываться в дикости овраг —
Он отвечал, мой тяжкий страх увида, —
Волчица, восходящих ненавида,

Стяжает жизни путников высот —
Их сбрасывая с горного порога
И, устремляя вниз, клыками рвёт.

В ней злоба лютая извечно холодна,
Чем больше сожрала, тем голодней она...
Совокупляется волчица с разной тварью,

И многих соблазнит, доколе Пёс
Её не выследит и не покончит с нею.
Не златом, не сокровищем земным,

Но мудростью, повенчанной с любовью,
Он воспарит меж войлочных пелён;
Италия им будет спасена,

Ради которой погребли Камиллу;
Турн, Нис и Эвриал легли убиты.
Погонит Пёс из града в град волчицу,

Доколе не столкнет её в Аид,
Откуда зависть хищницу избыла.
Тебе судьба — пуститься в путь за мной.

Так в царство вечное тебя я отведу,
Услышишь ты стенанье духов древних,
Увидишь и страдальных мертвцевов,

Молящих смерти истинной — забвенья!
Узришь и тех, кто не лишён надежды
Очиститься огнём своих страданий

И ввысь уйти, смыв черноту грехов.
Но если ты допущен будешь выше,
Тебя душа достойнейшая ждёт

И будет провожатой по вершинам.
Со мной расстанешься у светлого порога.
Творец, кого я не умел прославить,

Пока был жив, не отомкнёт ворот
Ни мне, ни тем, кто ввысь со мной идёт...
Бог сущ везде, но за вратами

Бессмертия — пространство и Престол,
Там дом святых, что к вечности призваны...
Услышанный великими поэт!

Молю Творцом, чьей ты не ведал силы,
Спаси от тёмной гибели меня,
Сподобь предстать перед врата святые,

Ключи от коих у апостола Петра.
Мне путь яви меж вечного огня,
Во тьме стенаний и ночного зова, —

Он медленно пошёл, ведя меня...

Песнь вторая

День опадал в вечерний сумрак тёмный,
Усталых от трудов ведя ко сну,
Лишь я один себя готовил к схватке

С превратностями и тоской пути,
С томлением духа, с острым сокрушеньем,
Всё, что увидишь, в память заключи!..

О музы, к вам порыв мой вечевой,
О разум, сердце мыслю осветляя,
Моё повествование открай!

Я начал речь: — Поэт, мой проводник,
А хватит ли моей душевной силы,
Чтоб за тобой в столь тяжкий путь идти?

Ты сам сказал, что Сильвия родитель,
Ещё при жизни, смертный человек,
Допущен был сойти в теней обитель.

Но если Тот, кто волею лучистой сжигает зло,
Ему благоволил и осенил доверием и славой,
То несомненно и его избранье,

Летящее от правды белых крыл.
Он небом избран был, чтоб вечный Рим создать,
Стал пращуром, отцом своей державы.

Не отступлю я истину воззвать —
Над миром Рим возвысился престолом —
Преемникам Петровым восседать...

Он, твой герой, пройдя по дну бытъя,
В аду разведал к небу правый путь —
Дорогу папству отомкнул ключами...

Вослед за ним на трети небеса
Пути спасенья верой освещая,
Вознёсся Пётр, он, Сосуд избранья, —

Но мне ль, скажи, смиренному сравниться
В деянии с апостолом Христовым
Или с героям древности Энеем —

Коль жребий мой — сойти в страну теней,
То сохранию ли там рассудок здравый? —
Тебе по мудрости всевидящей ясней...

Как передумавший, не довершив желанья,
Пускает всё по старой колее,
Отбросив смелых замыслов избранье,

Так колебался я на мрачной крутизне,
Идти наверх или спускаться долу, —
То демон робости уж тосковал во мне.

Коль верно я постигнул речь твою, —
Тень эхом громовым мне отвечала,
Душой твоей владеет тварный страх,

Рассудком он, как зверь, повелевает,
Бессмысля и безволия каждый день,
В чащобу ужаса от жизни убегает.

Так слушай же, отбрася страха тень,
Кем зван я был к огню твоих страданий
От адовых преддверий, где вздыхают

Печально те, чья казнь не решена:
Я донной призван столь святой и чистой,
Что вопросил — что повелит она?..

В мерцанье блеска звёздооких глаз
Небесно-тихой речи уст нежнейших
Внимал я как гармонии чудесной.

— Благоизбранный Мантуи поэт,
Чья слава окрылила песнопения,
Которыми лучится белый свет!

Мой добрый друг, что претерпел гоненья,
При всходе потерял высокий путь
И вспять готов с отчаянья шагнуть.

О нём молю — тревожны опасенья, —
Печальную слыхала свыше весть,
Помочь ему — не поздно ль намеренье?

Сойди к страдальцу! Словом сокровенным
Дух ободри его, к спасенью устремя,
Покровом будь ему, и тем утешь меня!..

Перед тобою с просьбой – Беатриче,
Сошедшая из сферы, где любовь
Ей речь дала... Я возвращаюсь выше.

Пред Вседержителем я восхвалю тебя,
Твой подвиг многократно величая, –
Тут я умолкшей, светлой отвечаю:

– Яснолучистая, одной тобой
Превыше смертный род всех остальных творений,
Рождённых в малый наш подлунный круг, –

Душою выпив смысл твоих велений,
Я их спешу исполнить поскорей,
Тебе служу! Не повторяй молений.

Но всё ж скажи, какой великой силой
Нисходишь ты к отверженным в Аид,
Душою возвращаясь к Солнцу мира?..

– Коль хочешь снять завесу с этой тайны,
Пусть будет так, – я краткий дам ответ,
Да, в тёмный лимб спускаюсь без боязни,

Страх к сердцу подступает лишь тогда,
Когда скала судьбы висит над ближним,
Всё остальное вовсе не беда...

Хвала Творцу, что жизнью безгреховной
Я удостоилась не ведать вашей скорби,
Нетленна я и в пекле преисподней.

Над нами небо теплит лицо Мадонны,
Её слезой смягчился Божий суд,
Над тем, на чём пути страстей препоны.

Мадонна, обратясь к святой Люции, промолвила:
“ – Твой данник в злых узлах,
Он бъётся в них, пошли ему спасенье!

Лючия, победительница зла, вошла в наш круг,
Где с ветхою Рахилью сидела я, Предвечному внемля,
И говорит: — О, светоч, Beатриче, —

Ты, Господа Всесильного Хвала,
Сойди к тому, кто столь любил тебя,
Что ввысь над толпами взошла его дорога,

Спеши к его страдающему зову,
Иль злой поток, врачаюсь и шумя,
Затянет в сети гибельного лова...

Никто не удалялся столь поспешно
От бед своих и к счастью не летел,
Как я, услышав сердцем слово скорби.

К тебе, певец, спускалась в тёмный мир,
К тебе, чей мудрый дар речей высоких
Возносит и тебя, и тех, кто внемлет им, —

Она сказала. Взор её печальный
Лучился слезно вечностью светил
И торопил к тебе полёт мой дальний.

И вот я здесь по воле звездоокой,
Я вовремя успел тебя спасти
От зверя, что с горы свергает стольких...

Так в чём теперь твой камень преткновенья,
Опять в душе постыдный робкий страх,
Опять стреножен робостью смущенья?..

Ведь девы три, что избраны для рая
Самим Творцом, пекутся о тебе,
И над тобою их покров и слава!

Как в холоде ночном земной цветок
Поник, увял — но лишь заря восстанет,
Он к солнцу снова тянет лепесток —

Так я воспрял, вскипела сила вновь,
Дух веры волю озарил, мерцая,
Певцу-поэту я ответить смог:

— О благо ей, что дарит избавленье!
Триумф тебе, что действовать спешил,
И выполнил святое порученье.

Всё решено! Ты разум мой склонил
В Элизиум спуститься за тобою,
Я подчиняюсь голосу вершин,

Своей да буду я покорен доле.
Мой господин, наставник, проводник! —
Так молвил я и за его стопами

Пошёл сквозь дебри леса напрямик...

Песнь третья

Я провожаю в город муки вечной,
Я увожу сквозь строй скорбей в века,
Спустись к погибшим в бездне бесконечной.

Из нитей Истины я свит рукой Творца.
Из единства силы всемогущей,
Любовью, мудростью и светом без конца.

Я создан в хроносе первотворенья,
Первой всех тварей и останусь вечен,
Оставь надежду всяк сюда вошедший.

Над входом ниспаденья чернь письмен
Меня объяла смутною тревогой, я прошептал
— Наставник мудрый мой!
Мне страшен, непонятен смысл их строгий!

Благожелательно звучал его совет:
— Сомнения оставил за порогом,
Зажги светильник веры, человек!..

Как я сказал, тебя веду туда,
Где круг за кругом бедственные тени,
Чья мысль во тьме угасла навсегда.

Он руку сжал мою, мне силу подарив,
И токи света от его лица
Нам озарили путь над тёмной бездной.

В кромешном мраке, душу ледяня,
Кружили плач, стенания и крики,
Не смог сдержать рыдания и я,

Услыша вопль из слов разноязыких.
То яростный, то грустный всплеск речей, —
Стон боли и хулы безбожно-дикой

Сливались в вой безвременной тоски,
Кружящим смерчем, поднявшим песчинки
Во глубине пещерной темноты.

Испуга обруч разум мне сковал
И я спросил учителя, мертвя,
За что Всевышний этих наказал?

Ответил он: — Здесь стонут и кружат
Те, кто ни злым, ни добрым не был в мире,
О ком молчит посмертная мольва.

И здесь же ангелов отверженных острог,
Тех, что на Бога хоть и не восстали,
Но ими не был и поддержан Бог —

Отвергнутые высотой небес,
Не принятые и в адские глубины,
Своей виною по кругу гонимы.

Учитель, расскажи про эту тяжесть,
Что давит, извергая слёзный стон?
— На этих нам не стоит тратить время!

По сути, кратко, смерти нет для них,
А жизнь без жизни столь уж нестерпима,
Что к участи иной рыдает зависть их,

О ком исчезла память в вашем мире,
Им нету ни надежды, ни суда —
Что скажешь тут? Взгляни и — мимо.

Я глянул в сумрак выующейся толпы
И различил — над нею рваным стягом
Летело знамя грешной суеты.

За знаменем — теней бессчётный рой
Бежал вслед. И я не мог поверить,
Неужто стольких срезало косой?!

Я нескольких из стонущих узнал.
Там был и тот, кто в старческом бессилье
От жребия небес отречься захотел

И мне открылось, я постиг итог:
Здесь вертят смерчи выброшенных адом,
И их же свыше не приемлет Бог.

Сброд обезжизненный, ещё при жизни мёртвый,
Бежал нагой. Роилися над ним —
И злобно жалили — слепни и осы.

Кровь с изъязвлённых лиц катилась ниц,
Мешаясь по дороге со слезами
И, падая, сжидалася червями.

А дальше — зренем я достиг толпы,
Скопившейся на берегу реки широкой,
И вопросил: — Учитель, не смолчи, —

Кто этот люд? Кем он тесним жестоко
Со всех сторон — к обрыву у скалы, —
Вот-вот падёт с высот на дно потока?! —

— Поймёшь ты скоро всё, — ответил он, —
Когда, идя вперёд страной печали,
Мы к брегу Ахерона подойдём.

Докучным вопрошением своим —
К учителю — я сам теперь смутился
И замолчал, взор долу опустив.

Мы подошли к воде. Гребёт в ладье навстречу
Старик седой, власы как древний дым
И он кричит — “Проклятье, горе злым!

Прощайтесь с небом, встреченные мною!
В моей ладье, в ней места нет живым,
Вас отвезу во мрак, где жаркий холод зноя...

А ты, живой, зачем ешё до срока
Ко мне явился? Прочь, на свет иди! —
Но я не двинулся. Тогда старик прибавил, —

Иным путём, другою переправой,
Суждён твой путь, пока же погоди,
Чтоб нетяжёлый чёлн тебя доставил...”

Мой вождь сказал: — Молчание, Харон!
Живой обходит бытия подвалы по воле Свыше,
Той, чьё пожеланье равно осуществлению, замолчи!

Оцепенел косматошерстый лик,
Недвижим стал, однако засверкали
Сильней глаза, кружась вокруг орбит.

Над роем мертвцевов, скрежещущих зубами,
Слова жестокие когда занёс Харон,
Их тени страшные ешё бледнее стали,

И гром проклятий разорвался ввысь —
Дню, часу, семени и роду и Творенью,
И человечеству, Творцу и Провидению.

Затем, рыдая, будто по веленью, —
Все двинулись на берег гробовой,
Суждённый всем, кому не ждать спасенья.

И дух-Харон, вращая ярым оком,
Что рдеет углем над толпой теней,
Веслом в ладью их гонит над потоком.

Как в бурю осенью со стонущих ветвей
Лист за листом слетает в мрак дождливый,
И гнется ствол, листву лишившись всей, —

Так смерть, сорвав людей с Адама древа,
Бросает их в последнюю ладью —
В силок как птицы падают бескрыло.

Они отчалили. Плынут над глубиною,
Но прежде, чем достигнут берегов,
На пристани столпятся тени снова.

— Мой сын, — сказал Наставник благородный, —
Кто не раскаялся перед Господом в грехах,
Те непременно будут здесь, в сетях

По воле Высшего, чьим промыслом влекомы,
Торопит тени собственный их страх,
Тревожных гонит ледяной дорогой...

Не может быть здесь живших доброй волей:
Понятно, отчего разгневался Харон,
Тебя увидев в сумрачной юдоли.

Едва он кончил речь, — как, громом оглушая,
Пространство вздрогнуло и сотряслось кругом —
В поту холодном миг тот вспоминаю.

Из недр земли поднялся вихрь времён,
Дол молнией багровой освещая,
И разум, чувствами, как искрами, мерцая,
Упал в тяжёлый, беспробудный сон.

Поэтическое переложение Ст. Айдиняна

Мысли, афоризмы, вопросы и парадоксы

Мысли приходят и уходят. Они похожи на своих создателей. Человек за жизнь порождает массу мыслей. Представляете, если бы все мысли записывались? Но нет, записывается ничтожная часть из того, что приходит в голову. То, что «Я» нашло и выделило из общего потока. Ничем человечество не одарено так щедро, как даром забывчивости. Не забывается лишь то, что связано с эмоциональным взрывом, с тем, через что ярко и трагично прошла судьба. Афоризм — не только самый лаконичный литературный жанр, это ещё и форма, близкая к Иероглифу. Афоризмы и парадоксы сравнительно легко запоминаются. Схожесть, иногда и идентичность их с одностroчными стихами очевидна.

Cт. A.

1. Враг всегда лучше знает, что у Вас болит.
2. Пусть люди лучше лезут за словами в книгу, чем в карман.
3. Если человек садится Вам на голову, это ещё не значит, что ему больше некуда сесть.
4. Как избавиться от надоедливой москвы? Уйти в себя и представить слона.
5. Предлог, поставленный вне предложения, опасен.
6. Боль — это ощущение, превышающие свои права.
7. Предчувствие — это родовая схватка реальности.
8. Творчество — это выражение глубины внутренней во глубину внешнюю.
9. Человек по возможностям своим — великое существо. Почти все люди сознают это... умирая.
10. Могу сомневаться во многом, но, если усомнюсь во всём, меня не станет.

11. Смерть любого явления — есть его полная выраженность.
12. Ночь — связующее звено между нами и чёрным цветом.
13. Убийство — это ложь избавления.
14. Зимой воздух более настойчиво проникает в дома. Летом ему всё равно.
15. Дети полны жизни, потому, что они у неё ещё в гостях, а взрослые давно и привычно дома.
16. Беда чисел, заключённых в жёсткую клетку математики, в их односторонней обобщённости...
17. Искусство начинается с человека, человек начинается с Бога. Но то искусство вечно, которое, начавшись в человеке, продолжается в Боге.
18. Нет такого храма, который человек не мог бы выстроить в себе, но нет и такого храма, который человек не мог бы в себе разрушить.
19. Огонь — это тишина?..
20. Настоящее творчество божественно, а Бог непознаваем.
21. Человечество сейчас подобно матросу, который красит палубу тонущего «Титаника», — такова роль художника в современном мире.
22. Смерть есть вечное движение. Смерть — есть вечный двигатель. (*Mors Perpetuum Mobile est*).
23. Придут времена, когда жажда незнания превысит, куда как превысит жажду знания. Как бы не знать! Освободиться от ответственности. И не думать, не думать о смысле жизни, о неизбежном...
24. Жизнь каждого из нас — как у белки в колесе. Только колесо ещё и с моторчиком...

25. Есть возраст, в котором лучше не думать о возрасте.
26. Полноценная жизнь состоит из междометий. Мудрая из молчания. Горькая – из стона.
27. Когда глубоко погружаешься в Природу, долго глядя на камни и травы, приходишь к странному чувству – тебе странно, что существует фотография...
28. Все мы как цветы, срезанные с почвы – всю жизнь увядаем...
29. Сотворяющий в себе светлый покой и мир – открывает дверь в Бога.
30. Человек – это точка движения осознанной и реально выраженной деятельности.
31. Грех – это то, что не является духовно необходимым. Цивилизация вся основана на подобном грехе.
32. Христос – это Я нашей планеты.
33. Книги, написанные острием духа, много ли вас?..
34. Прошлое от будущего отделяет только сон.
35. Когда человек беден как церковная мышь, он становится скуч как Гобсек.
36. Даже соль земли в чрезмерных количествах вредна.
37. Революция – это вид опьянения.
38. Разрушение – это созидание наоборот.
39. Закладывая первый камень, старайся, чтобы он был краеугольным, т.е. духовно относился к тем камням, один из которых изображён на картине Дюрера «Меланхолия».

40. Жизнь – это одна из многочисленных проекций бесконечности, на которой вспыхивают блёстки разума.
41. Приближение вплотную к идеалу – есть уничтожение того, кто или что приблизилось. Мы ведь состоим не только из положительных качеств...
42. Не замечать исчезновений – чисто человеческая черта.
43. Вид гор возвышает дух, но вид равнин не принижает его. Равнина похожа на долгую, заунывшую песню.
44. Все люди, конечно, братья, но между ними постоянно инцест.
45. Урчание – знак согласия.
46. Как говорят пушки, всё смертно.
47. Желание totally обладать женщиной ведёт на берег Стикса.
48. Вольному – воля, а штык – молодец.
49. «Сей час» – это единство времени и пространства.
50. Ни сиро, ни серо... Дни листаем бегло.
51. Жизнь течёт во всех направлениях.
52. Некоторые считают, что жизнь – это интерьер, который каждые пять лет нужно менять.
53. Парад – это выставка войсковых фигур.
54. Жизнь сама устанавливает равновесие там, где время его теряет.
55. Солнце дирижирует планетами.
56. x,y,z, – самые знаменитые неизвестные.

57. Закон сохранения энергии равен закону сохранения идей.
58. Что умеют делать более всего земляне? — Мучиться горько тем, что потеряли то, чего никогда не имели.
59. В глубокой старости принято глубоко ошибаться.
60. Будь здоров как сто коров... И одну тебе на ужин.
61. Народ у нас чудный, крепкий: ворует истово, перекрестясь!..
62. Искренность — это сердечная искра потока сознания, льющегося в чужую душу.
63. Смерть — одно из переходных звеньев относительно бесконечности.
64. Наш век несчастен тем, что в нём устаревает многое вечного.
65. Прежде, чем бросить тень на человека, брось в него открыто камень, так благороднее...
66. Когда реальность переходит в сон, она в нас убегает от самой себя; мы — её зеркала.
67. Ужасна практическая любовь.
68. Любимое занятие судьбы — превращать льва в муравья и — обратно.
69. Сила художественности прямо зависит от душевного огня, который горит в тот момент, когда произведение рождается. Если огонь силён — к небесам, то это высокое произведение.
70. Кто ищет во всём только количество, тот не избежит в душе калечества.
71. Не всё то крадено, что блестит.

72. Цель чувства — чувствовать, цель мысли — мыслить, цель духа — постигать цели мышления и чувства.
73. Мельчайшая частица и галактика для Бога равновелики.
74. Владение иностранным языком — это не более чем мечта о путешествии.
75. Футляр гибнет сам, но очки спасает.
76. Мысль — временное прибежище Бессмертия.
77. Объявление «Меняю гнев на милость» чаще всего не востребовано.
78. Жизнь земная, и особенно брак мужчины и женщины — это битва эгоизмов.
79. В шкафу души скелет любви упрятан.
80. И в круг Вечности закралась чехарда? В Круг изначальных, первых проявлений.
81. Из нулевых пространств есть выход в наслажденье.
82. Души ходят друг к другу в гости, ну и тела за собою таскают...
83. Люди верят больше в чистоту и порядок, чем в чистоту и порядочность...
84. Абсолют — это великкая потенциальность проявленного мира.
85. Абсолют подобен сердцу колокола, где колокол — Вселенная.
86. Творцы земные — поэты Земле не во всем автохтонны...
87. Истинный Изограф пишет икону от Бога и к Богу, а истинный художник пишет Красоту от Бога и Природы к миру...

88. Красота – понятие не только естественно абсолютное, ибо рождено в гармонии, без него любое произведение искусства балансирует на грани тщетности...
89. Притяжение меж объектами можно и нужно звать неологизмом «Аттрактивность» (англ. attractive – притягательный). Аттракцией – притяжение планет.
90. Любой спектакль кончается одинаково – аплодисментами.
91. Осколки Солнца вмерзли в лето...
92. Зов адвоката: – Кому закон, как дышло, повернуть?
93. Лягушонок для наблюдающего становится пустотою в момент, когда его образ равен только прыжку.
94. Шарик на кончике иглы есть образ смерти любого равновесия...
95. Иголка на кончике шарика – есть образ жала...
96. У нас часто бывают весьма *коррупные* ученые, общественные деятели...
97. Кот год прячет.
98. Тост можно поднимать за вечность огня, которая рождает вдохновение.
99. Лягушонок, столкнувшись с небытиём, становится пустотою в момент, когда его образ равен только прыжку.
100. Видно, так уж устроил Создатель Вселенной мир, что слуги не видят одногих птиц...
101. Тот, кто идёт в глубину любви, находит страсть, а кто идёт в высоту любви, находит Бога.

102. Часто ли сны видят нас?
103. Если дать кроме имени человеку Слово тайное и запретить его произносить навсегда, это создаст в нём Силу Тайны, огромную скрытую силу...
104. Каждая ли политическая статуя жаждет себе сначала пьедестала, а потом алтаря, дымящегося жертвами?
105. Чего чаще всего больше в слове – звуков или смысла?
106. Человек, появившись на свет, уже виновен, а оттого, как правило, – обречён.
107. Моцарты созданы и для того, чтобы на них попадались Сальери? Гениальная наживка...
108. Соблазнов существует столько же, сколько людей, а может быть, и немного больше...
109. Заложи фундамент, и, если он правильно ориентирован к Солнцу, – те, кто придут за тобой, воздвигнут здание.
110. Во всем есть зыблемое и незыблемое. Умный высекает искру меж ними.
111. Расположение звёзд меняется, расположение сердец, к сожалению, также...
112. Скорбь мира, падая с нами до отметки максимальной боли, оттолкнувшись о незримый предел, устремляется к Солнцу. Нужно только поднять голову ввысь, чтобы Солнце увидеть.
113. Молитва – истинный путь к Богу, каким бы языком она ни творилась.
114. Молитва – раскрытие сердца в Божественную сверхмерность.

115. Смысл можно узнать. Истину можно изведать. Но тот, кто заглянет на дно Священной Чаши Грааля, найдёт отражение истинного смысла.

116. Где откровение? Там, где Божественное встречается с земным в должный час, в должный миг и остаётся верным Творению и Творцу навсегда.

117. Хаос – полнота пустоты.

118. Война – извечный кризис человечности.

119. Россия – страна безвыигрышных лотерей.

120. Мираж в пустыне показал человеку, что кинематограф и телевидение возможны.

121. Смерть – сугубо частное дело.

122. Умеет прощать только тот, кто умеет любить.

123. Без человека вещь лишается смысла.

124. Каждый человек в молодые годы – и актёр и директор собственного театра.

125. Время – это мина замедленного действия.

126. Истинная женщина любит себя за чужой счет.

127. Ошибка – это золотая рамка для истины.

128. О религиях – Много лестниц к Господу вздымаются.

129. Жизнь всё больше становится соревнованием эпизодов.

130. Не забудем, что в сущности, Данте от Дантеся отделяет одна буква имени. (Масштаб их известности в России – сходен...).

131. Колодец мрачен оттого, что глубок.
132. Тот, кто не рискует, тот не пьёт ржавую воду и не хлебает баланду.
- 133 Жизнь обыденная бывает всего лишь суммой движений.
134. Крематорий – это «Mors-вокзал». По латыни Mors – смерть.
135. Карман – от слова Карма...
136. Бывает – Продолжение, а бывает – ... ложение.
137. Не продаётся вдохновенье, поэта можно обобрать.
138. Старость – это когда тело начинает мешать душе... если она есть.
139. Наша жизнь состоит из обломков печали.
140. Сколько пациентов в Европе могли бы сказать: – Рад бы в Рай, да врачи непускают?
141. На пороге стоял бочонок мёртвой воды и ждал человека. Дождался...
142. Каждый сон – недожитая жизнь...
143. Всё относительно полезно и всё относительно вредно...
144. Природа предстаёт красивой ведьмой, которая к нашей старости отнимает то, что щедро дарит в юности.
145. Техника, товарищи, далеко шагнула *от нас* вперёд!..
146. Излюбленное занятие современного христианина – швырять в блудниц камни.

147. Завещание надо писать нотами как симфонию и исполнять с оркестром!
148. Да, если никого не любишь, не рвётся сердце к небесам!
149. Доминанта душевных движений вместо духовных — сущностная составляющая американской культуры.
150. Все женщины по своей сути немножечко евреи.
151. То, что мир прекрасен по-настоящему, чувствуют только дети, и то иногда...
152. Эгоист — человек, вечноственный самому себе. Так как без людей он не может, они тоже вечно должны ему.
153. Волка ноги кормят или зубы?..
154. Бывает, что человек в припадке отчаяния заболевает тьмой.
155. Большинство людей всю жизнь не выходят за пределы своей души. Художники выходят, творя...
156. Входная дверь в дом твоей души должна быть прочной, надёжной дверью, а не стеклянным приглашением для воров.
157. Человек не только вампиризирует среду, в которой живёт, но и расстояния, которые покрывает...
158. Той старой широкой, заветной России уж нет и не будет вовек. Но она была!..
159. Что нам роптать на прилив и отлив — тайную модель жизни?..
160. Мы обобщаем неизбежности, идя проторённой тропой.
161. Средняя общеобразовательная школа — это морг индивидуальностей.

162. Приходя в восторг, не забывайте закрывать за собою дверь.
163. Часы спускают небо на землю.
164. Основное желание ловеласа — Ловись дева большая и малая!..
165. Знахарь может посоветовать — дышать как можно медленнее, почти не дышать — так живёшь дольше...
166. Дети — это следы нашей жизни.
167. Ты иногда приводишь своё жилище в порядок, а Творец Всеменную приводит в порядок постоянно.
168. Как правило — что есть, того и не бывает...
169. В детстве — мы обретаем обостренное чувство потери, пока весь мир вокруг наш и мы — часть души мира.
170. Бог, очевидно, всё ещё не положил конец этому миру потому, что каждый своим сердцем вносит в детстве вклад искренней любви в Душу Земли, в её духовное целое.
171. Величайшая опасность современности — закрытие психики.
172. Телескоп недаром напоминает колодец.
173. В основу идеи ковра положена не идея мягкости, а орнаментальности, и в основу жизни положена идея ритма, а не удобства или холодной целесообразности.
174. Жизнь движется наугад по заданной прямой.
175. Поступки — тени необходимости. Предположения — пьяные зеркала вероятности.
176. Когда душа однажды постучалась в тело, она захотела в гости к простоте!..

177. Мудрость – это осознание истины всем собою, а не только сознанием, разумом.
178. Свобода – есть способ переживания своей отдельности.
179. Мы – лишь продолжение и последствия наших мыслей.
180. Изменение – это частичный переход из нечто в нечто.
181. Изменяемость – способность варьировать форму сущности.
182. Страх – не советчик, а пьяный сторож у выхода, равного входу.
183. Любой созданный человеком предмет – всего лишь материя, нарощенная на скелет создавшей его мысли.
184. Человек вспоминает о том, что он живёт лишь тогда, когда ему надо сделать усилие над собой.
185. Человек – это победа над желанием.
186. Человек – это сумерки Абсолюта.
187. Россия предполагает подвиг как образ жизни.
188. Бывает, что тяга к прекрасному затягивает в ужасное.
189. Сон к утру мелеет как река.
190. Христос для христиан и Магомет для мусульман куда реальнее самой реальности.
191. Есть такие книги, даже не чтение, а присутствие которых возвышает.

Подслушанный Фауст

поэма-эссе

Я ухожу по усталым ступеням под каменное крыльцо.
Затворяется подвальная дверь.
Предо мною — глубина темноты.
Иду на ощупь...
Приподнимаю — сразу чёрными от копоти пальцами — стекло
керосиновой лампы, в которой вместо фитиля — огарок свечи.
Подношу вспыхнувшую мелкими искрами спичку и — лучи
«волшебного фонаря» — скользят в пойманную ночь.
Теперь — полуприкрыть, как ко сну, веки, найти лёгкую дымку,
сквозь которую всё предстаёт в особенном свете — углубляется,
оживает.
Тихо.
Настороженно тихо...
Огонёк лампы слабо подмигивает темноте.
В песчаной нише я заметил сундук, позеленевший от заброшенности.
Подхожу.
Стук о камень стены.
Откинулась крышка.
Я открыл её.
Под крышкою медленно гибнут от сырости ветхие бумаги и книги.
При свече я стал разбирать их, и они пытались заговорить со мною.
На дне сундука — под слоем пыли — нашёлся, из другой жизни
вынырнул — длинный футляр потухшего цвета.
Футляр закрыт. Он не соглашается выдать тайну.
Лезвие моего ножа уговаривает замок — не сопротивляться.
Створки скрипят по-дверному.
Раскрылись.
На вылинявшем шёлке — гусиное перо.
К перу тесью привязана записка.
Порыжевшими чернилами по плотной бумаге что-то выведено.
Подношу футляр ближе к лампе-свече — неясная строка оживает
надписью:
Перо, коимъ писаль тайный совѣтникъ...

Чернила выцвели, и имя нельзя прочесть.
В свете свечи перо золотится.
Великолепный обман зрения и чувства: будто кто-то тайный
писал пером сказочно-золотой птицы.
Из подвала — широкая нора в ещё большую глубину.

Оттуда тянет холодом.

Ветер — порывом — выхватил из футляра перо.

Рассыпав по стенам золотые блики, оно понеслось по воздуху, как по течению, и я нырнул в подземные ходы следом за ним.

Подвал сообщался с катакомбами — старыми каменоломнями под городом, где в бесконечной протяжённости лабиринтов — могильная сырость. Звёздами капель мерцают тяжёлые своды. По ним — зловещая геометрия трещин...

...Я бегу за унесённым ветром пером.

Оно летит, как золотая строка меж песчаными стенами.

Огонёк лампы угасает.

Стало почти неразличимо в быстром ветре перо.

Пробежав не так далеко, я остановился: лампа погасла...

Надо мною кругами понеслись летучие мыши. Зажурчал тоскливый шелест над головой.

Под ногами осколки камня. Я ощущал их обломками чьих-то усилий.

И тут — лунный свет — ослепляя — ударили молнией из ветвистой трещины в стене.

Острый взрыв блеска!..

Молния осталась в глазах...

Не успев умереть в мелькнувший за плечи страх, я вжался в холодную стену.

Слепым голубем метнулась какая-то тень.

Из трещины-молнии поплыла, расширяясь, мерцающая световая волна и... забрезжил голос, не старый, но и не молодой.

— Вы опять, доктор, о познании? — кто говорил: «Я на познанье ставлю крест»? К тому же... помните старую песенку?

— Какую?

— Ту, которую певали у Ауэрбаха. Не притворяйтесь, Вы прекрасно помните слова:

В науках можно прок найти?

О, не надейся, не ищи.

Научным знаниям предел

Навек их сутью положён

И только мрак на том пути

До высших истин не дойти

Ни тем, кто книгой просвещён,

Ни тем, кто в мыслях изощрён...

— Это не песенка, а стихи. Я написал их, потом сжёг.
— Действительно, Вы правы, я, как всегда, перепутал. Путать — моя миссия. Но раз стихи попали в огонь, в стихию огня, в мою стихию — значит — Вы посвятили их мне. Не спорьте! В беседе с одним северным писателем родственник мой утверждал, что рукописи не горят. Зная, что их подслушивают, он говорил так специально, чтобы люди чаще жгли рукописи и тем самым посвящали их...

— Вам!.. — иронически досказал второй.

— Вот именно...

— Вы столь честолюбивы?

— Ну что Вы, честолюбие я перерос на тысячелетия, но видеть огонь, движение, разрушительные страсти... видеть творчество... когда вы пишите страницы бытия, хотите стать творцами себя и жизни... И, разрушив собственную пустоту, становитесь Адамом, который — из мысли, прямо в мир рождал — фигуры, формы, существа. Когда вы — жажда, вы — молния, вы — отражение, вы — капля, что жаждет Океана...

Но ваша жажда — круг. Вы мыслите по кругу.

За вашим кругом всё в Боге и Бог во всём.

А вы... — «Тому, кто круг, исхода нет из круга».

Вы бьётесь о предел, как дети...

Меж собеседниками разделяющая минута: молчание.

В голосе того, кто ведёт разговор, слышу долгий подземный гул, идущий из глубины звуков. Звучание это завораживает. Не могу сдвинуться с места, уйти. Я обречён на их беседу, будто написанную по воздуху золотым пером.

Кончилось молчание, и всё тот же голос тёмный произнёс, заклиная:

Не для сухих умов дано
Познания Веретено,
Оно в кружении своём
Мотает думы всей Земли,
Но тонко это волокно...

...А знаете, Фауст, — неожиданно прервал себя тёмный, — Европа началась с отброшенного строителями камня, на который по пути в Трою присел Гомер. Тот, кто разгадает камень, развязнет пояс пространства. А кто разгадает череп в руке печального принца, тому наградой — ось тишины между добром и злом...

— Опять искушаете, — ответом отнёсся к тёмному второй голос.
— Нет, подергиваю нити! — ответил тёмный и, наверное, улыбнулся.
— Послушайте, кавалер пера (я вздрогнул) — задумывались ли
Вы над тем, чем интересен Ваш метод?
— Чем же? — тоном прохладного удивления спросил тёмный.
— Вы искушаете тем самым, от чего хотите увести. Например,
искушаете истиной... Ваш Круг Познания... движется, своенравно
гнётся, вертится веретеном... Кружатся, разеваясь, обрывки мыслей.
Всё мелькает. Закружишься вокруг собственной оси, запутаешься в
нитях и — ты на дне колодца, куда заглядывает страх...

Говорите, не Вы завертели ось?.. Но Вы обрываете нити. Оборвали
Нить Ариадны и... завертелся, закружился подвешенный над изви-
линами лабиринта человек-шут. Вечный шут с черепом в руке.

Так просто... Только посильнее дернуть за нить, и разум шута
упадёт в бездну.

Сознайтесь, не Вы ли нитью растянули по кругу единую точку,
мгновенье? Время — не Ваше ли изобретенье?..

Ответ — смех столь же затаённый, как его обладатель. Когда
смех стал глушше, снова заговорил Фауст:

— Вы ждёте, чтобы я потребовал у Круга, о который бьюсь:
«Остановись!» Допустим, я произнёс заклятье Бесконечности — и
что Вы получите?

По договору — всего лишь душу, в которой — детство ощущений,
коварство чистоты... И жажды в свой клубок вплести все нити. А
Дух, нетленный, вечный Дух? — Посланец Бога в каждом из нас,
лампада Вечности?.. Душа — приманкою, но интересен только Дух,
что кроется за нею, он так далёк, так неподвластен Вам!

Вот и стоим на грани, где противоречье перетекает в яд, и яд, в
количествах уменьшась, в противоядье переходит столь же плавно.
Я знаю, наш договор подложный: фальшивым векселем на Дух Вы
подменили договор на душу.

— Ну разве можно столь серьёзно — относиться! — разбираться!
— придиরаться! — к чему? К такой мелочи, как происходящее... —
отвечал, явно отвлекая, теперь менее гулкий в глубину голос.

— Развейтесь, Фауст! Не угодно ли вина и хор невидимых споёт
нам про бессмертье?

Но Фауст не отступал:

— Вы разжигаете во мне волнение, желание — знать, но
разжигаете, чтобы быстрее перегорело, обратилось в угли.

Пройдёт волненье, чувства охладеют, огонь погаснет. Нечем будет согреть разум, — он говорил всё тише, всё печальней, — бесчувственность, невосприимчивость — вот подлинная дьявола ловушка, паденье в замкнутый и тесный круг...

И на кругах своих оставшись без души... С испепелённым Духом — нет, не исчезну, а постепенно стану Вашим вечным спутником, слугою, секретарем. И — под тёмным руководством — займусь чем-нибудь окончательно земным, например, буду сокращать диалоги Платона...

Снова меж ними молчание.

Каменным гнётом нависло подземелье.

Я затаил дыхание.

Ум полон, насыщен слух, только глаза тосковали.

Не вытерпел — сделал шаг к голосам, шаг, ещё шаг...

Угол зрения, расширясь, вместил — во льющемся ниоткуда, мерцающем свете — волнисто-неровное, двоящееся пространство и в нём, как сквозь магическую призму, я увидел тень... Она показалась знакомой.

В её — сидящем на камне очертании, в опущенных плечах — горечь. Одной рукой она подпирает щёку, другой держит на коленях циркуль.

Тень шевельнулась.

Заколебался её длинный старинный плащ, зазвенели у пояса ключи от прошлого и отмычки от будущего. В тишину скользнул шёпот:

— Умереть, уснуть. Всё дело в смертном сне,
Что за порогом? Что нас ждёт на дне?..

Силуэт ворвался в глубину памяти.

Грустью всего мира повеяло от него.

Преодолев упрямую невозможность, я осторожно произнёс пароль теней:

— ...Молчание...

Призрак обернулся, вглядываясь в темноту. Заметил ли он меня, поверил ли, что под каменными сводами услышал земной отзвук, подобный всколыху свечи?..

— ...Молчание... — повторил я, стараясь, чтобы голос слился с тишиной, и призраку казалось, что он говорит сам с собой или с каким-нибудь будущим призраком.

Я хотел в третий раз призвать Молчание, но призрак, наконец, тяжело поднялся с камня и двинулся в мою сторону. Он ступал по россыпи ржавых гвоздей, рассыпанных кем-то в подземелье.

Тень подходила всё ближе.

Склонённого под капюшоном лица не было видно, пока Фауст не поднял голову к невидимому в катакомбах небу и я, потрясённый, — не увидел —

Глаза!..

Глаза Фауста были —

Два живых огненных круга, в которых —

Сцепление немыслимых орбит, энергий, тонких равновесий...

Я погрузился в эти круги, утонул в их мерцающей глубине и — прозрел в звёзды:

В чёрном от вечного горя Небе

Ввысь

треугольником вверх

Засветлела Лестница Иакова,

По ней поднимались крылатые тени,

Лёгкие, как перо голубя,

Подобные органному звуку,

Они улетали в лучистую бесконечность,

Сливались со Светом...

Мне стало светло и тихо...

Видение начало гаснуть.

Фауст опустил голову к земле. Поднял из-под ног человеческий череп, наклонился над ним — углубился в мёртвые глазницы...

В глубине раскрытых глазниц я услышал тихий шёпот:

Молчанье жаждет слов — Слова замрут в молчанье,

Тень жаждет тела — Тело будет тенью,

Хоочет горе — Зарыдает радость.

Жизнь движет к смерти — Смерть творит рожденье

Так мерит взмахи Маятник Земли

И в миге равновесья — Смысл Вселенной.

Ключом Тайн, подвешенным на тонкой нити, разомкнулся Гигантский Купол Вселенной. Слева и справа от Вечного Маятника остались равные меры. В тихий миг равновесья...

Я различил в океане Небесном

Обратное —

Треугольником вниз —
Чёрное отражение Лестницы Света,
От него веяло ужасом:
По Чёрному отражению
Тени падали,
Как мёртвые птицы,
К мрачной воронке тёмного конуса,
Рдеющей, как жерло вулкана.
Озарённый пламенем ада,
Я увидел, как со дна поднимается —
Дымная чернокрылая тень,
Смуглый, двоящийся облик —
В сжатых губах — острая, как скала, гордость. От каждой черты
веющий холод и жуткие глаза, устремлённые в глубину, как глаза
ницы рогатого черепа.

Нечто тёмное, властное, из глазниц исходящее, не позволяло
смотреть и, одновременно, мучительно звало мои глаза.

Я прикрыл изнемогающие, вздрагивающие веки.

Что-то, что сильнее слов, упало в мерцающий воздух.

В угасающий ритм стеснилось дыхание, когда к стенам
подземелья приникла новая, непривычная слуху тишина.

В Абсолютной тишине я услышал, как в глубоком колодце три
старые матери-парки тихо запели...

Голос их слышен до дна Океана...

Он покачивает, как в колыбели.

Он поёт о том, что

Вертится Веретено,

Что оборваны нити...

Гулкий звук древней взывающей песни проник в уши.

Тело стало столь лёгким, как если бы не было его.

Гулкий звук нарастал.

Он забился о стены гигантской невидимой птицей.

Трещины сводов прорезались молнией.

Посыпались камни...

Затряслись своды...

Земляной пол подземелья, покачнувшись, ушёл из-под ног.

Потеряв равновесие,

Я полетел в бездну.

Озарилась глубина.
С высоты головокружительного полёта я увидел —
На дне падения —
Тёмный конус, мрак притяжения.
Объятый холодом,
Я летел —
В стонах седой, взывающей бури.
Во мне всё кружилось и падало
Но, собрав весь свой свет, всю волю,
Я напрягся ввысь
И, восстановив равновесие —
Повис на оборванной нити...
Нить натянулась,
Завертелась с бешеною быстротой.
Перед глазами замелькало,
Будто бледные кони помчались по кругу.
Из мрачной бездны ужаса —
Тяжёлым свинцовым эхом
Загремели слова:
«Конус зияет!
Ты летишь к нему и я — за тобой...
Идём вниз, лицом вниз!..»
Понимая, что погибаю,
Я закрыл широко раскрытые глаза,
Последним усилием погасил тёмный голос,
Воскресил тишину —
Стал как зов, как молитва —
И, почувствовав светлую боль,
Всем собою услышал —
С Недосягаемой Высоты
Голос Чистого Света.
Голос пел существа и миры,
Достигал немыслимых глубин,
Размыкал круги безнадёжности,
Связывал нити...
Вращение замедлилось...
Ослабло натяжение.
Лёгкий шелест крыльев пробежал по моему лицу.

Я разъял веки.
В наставшей вокруг — невесомой, как прозрачное крыло,
Тишине —
Золотым следом, следом кометы —
Падал сияющий Свет.
Глубина проросла Высотой.
— Мой договор!.. — сказал со дна, из злой щели, Мефистофель
— ...договор... — повторило из темного конуса эхо.
Как со стороны — я увидел себя — распятым на оборванной нити.
Руки мои соединены за спиной, правая нога заложена за левую.
Я покачиваюсь в мировом пространстве, как на медленном
маятнике.
Надо мною плывёт вокруг Тишины —
Тяжёлый каменный шар Земли.
Шар земной огромен...
Я почувствовал —
Это он напрягает нить моего равновесия,
Он зовёт меня.
Мой медленный Маятник дрогнул нитью,
Привязанной к Небу.
Над головою снова понеслось —
Нарастающим ветром — движенье.
Я полетел —
Навстречу Земному шару.
Приблизились моря, океаны,
Острые скалы горных хребтов...
Последний, сближающий миг —
Сквозь облака — Вспышка!..
Удар в сердце...
Боль, стон —
Видимое исчезло.
Оказавшись вновь в тишине темноты, я подумал:
— Огромный шар Земли ударился в грудь, и она не рассыпалась
в прах?..
Не сгорела?..
И тут я понял, что в космической метаморфозе столкновения
Земной шар, став малым, как точка, вошёл в меня, весь исчез в
моём сердце.

Сердце поглотило Гигантскую Землю...
Как только я ощущил сердцем Планету,
С Высоты, откуда обозримо всё,
Сияющий Свет осветил
Раскрывшееся во мне подземелье
И на дне его – драгоценный
Краеугольный камень:
В каждой грани камня
Отразилось Творение...
Вглядевшись в Краеугольный кристалл,
Солнечным сплетением горящий в груди,
Я увидел –
Звёздное тело Земли.
Оно было...
Как череп Гомера,
Который Гамлет некогда принял
За череп шута.

Приложения

Юрий Мамлеев

«Подслушанный Фауст» Станислава Айдиняна

Станислав Айдинян возродил, казалось, уже забытую тему Фауста — одну из глубочайших в истории мировой литературы. Его поэма-эссе, насыщенная образами, и в то же время поэтически сдержанная, не может быть прочтена без исследования её философского подтекста. Вспомним, как обычно трактуется Фауст: апофеоз воли западного человека к миропознанию, к постижению тайн мира и, одновременно, плата за это.

В эссе Айдиняна акцент несколько смешён в сторону метафизического Востока: недаром здесь часто появляется высокий образ Тишины.

В этом произведении отчётливо видны несколько главных линий. Одна из них — относительность мышления, невозможность с его помощью познать абсолютные и даже высшие «истины».

«Научным знаниям предел Навек их сутью положён» — эти стихи Фауста говорят об его собственных поражениях (слово «научный» следует понимать в широком смысле). И параллельно Айдинян описывает глаза Фауста как два «живых огненных круга, в которых — сцепление немыслимых орбит, энергий, тонких равновесий».

Трагедия Фауста в том, что он, страстно возжелав абсолютного знания (и даже способности творить из самого себя миры наподобие божеству), не имеет подлинного ключа к нему, неизменно полагаясь на всемогущество мысли, в то время как разум и мысль могут дать только относительную власть над миром. Но это не устраивает Фауста.

Таким образом, он хочет достигнуть абсолютного с помощью относительного, иными словами, его цель лежит в сфере высшего Востока, методы же — сниженные, западные, связанные с обоготворением мысли. Но, чтобы войти в абсолютную реальность, в сферу невыразимого, необходимо в какой-то момент перейти от мышления к самому Источнику мышления, к трансцендентному Безмолвию, в котором содержится всё и где нет познания, ибо всё дано непосредственно в своём первоисточнике.

Следовательно, если высший Интеллект может содержать в себе «идею» Абсолютного, то, поскольку сам Абсолют «надинтеллектуален», высший Интеллект может «войти» в Него, только покончив с самим собой, трансформировавшись в своё первоначало. Поэтому

Айдинян столь опирается в своей поэме-эссе на торжество Тишины над мятущимся Фаустом...

Очевидно, что Абсолют в Самом Себе выше не только обычного интеллекта, но и самого Логоса, ибо Логос – лишь проявление одного из аспектов Абсолюта. Молчание всегда больше звука, проявления, ибо в Молчании в зародыше содергится не только звук, но и другие «потенции», а также то, что никогда – по своему принципу – не может проявиться, пребывая по ту сторону любой манифестации.

Весьма интересна также следующая тема – «чёрного отражения лестницы Света».

Поэт так описывает адепта этого чёрного отражения: «В сжатых губах – острая как скала гордость. От каждой черты веющий холод и жуткие глаза, устремлённые в глубину, как глазницы рогатого черепа».

Поскольку легенда о Фаусте неизменно связана с дьявольщиной, нельзя не сказать пару слов о Князе мира сего. Всё движение к Абсолюту связано с саморазрушением – и этого не понимает учёный Фауст. Чтобы стать выше мысли, надо убить мысль. Но сущность дьявола – в отрицании жертвенного саморазрушения ради достижения высшего Я, сущность дьявола – в отказе приносить в жертву уже реализованные уровни бытия ради опасного движения в Бездну Невыразимого, в Бездну Абсолюта.

Дьявол видит в Океане Света только самоуничтожение, и тем более он видит это в Божественном Ничто, которое для adeptov Абсолюта, наоборот, равносильно высшей полноте.

Изначально дьявол – метафизически труслив, и сатанизм поэтому на любых планах (от самого грубого материализма до люциферического второго света) держится за тот уровень, которым субъекты сатанизма уже обладают, не рискуя при этом идти дальше. Но зато то, чем дьявол обладает, то он абсолютизирует.

В этом смысле сатанизм, как это ни парадоксально звучит, – высшая форма онтологического консерватизма, и в то же время – выражение страха перед Бездной. Поэтому нет ничего более обыденного, чем сатанизм (по крайней мере, в его низшей и примитивной форме).

Практически, сатанизмом проникнута вся аура нашей эпохи, эпохи Кали-юги, эпохи падения. Любопытно при этом, что в

социальной жизни сатанизм может надевать какие угодно — и обычно он так и делает — благопристойные одёжды, включая даже религиозные.

Другая тема — знаменитый разговор с дьяволом. У Айдиняна проскальзывает мысль, что по существу дьявол может требовать по договору только душу, но не Дух. Дух просто неподвластен ему. И тогда сразу возникает абсурдистский накал вокруг этого разговора о продаже души.

...«Вот и стоим на грани, где противоречие перетекает в яд», — пишет автор.

Какой, собственно, душой будет обладать дьявол? Если это душа без Духа — то это всего лишь оболочка, и весь договор — пустая бумажка, обман, иллюзия, и в проигрыше оказывается сам дьявол. Если это Душа, включающая в себя Дух как свой высший, божественный уровень, то ведь этот уровень недоступен для лап дьявола.

В принципе, теоретически это действительно так, и договор с дьяволом — всего лишь насмешка неба над адом. Но есть одно обстоятельство: закон майи, закон самообмана, закон мировой иллюзии. Ведь душа, попавшая в лапы дьявола, обычно не реализовала свой божественный уровень, она не отождествила себя с ним — в противном случае, она не попала бы в сети дьявола, даже по высшему счёту, как Фауст.

Следовательно, её «дух» находится как бы во сне (для неё), вне центра самобытия души, и поэтому эта душа, не имея опоры в абсолютном, в высшем Я, отождествляет себя с преходящим, с умом, с психикой, с это, то есть с тем, чем она не является на самом деле, учитывая тождество Атмана (высшего Я в человеке) с Абсолютом. Находясь в пленах ложных отождествлений и страстей, такая душа, естественно, может стать добычей Мефистофеля, даже если страсти этой души направлены к миропознанию.

Однако, на уровне Абсолюта — весь этот договор и т.д. не более чем иллюзорная игра. Но чтобы действительно, реально стоять на этой «точке зрения», надо быть единственным с Абсолютом, реализовать Абсолют в самом себе. В противном случае (а, как правило, именно так и бывает) — и договор, и страдания, связанные с ним, онтологически реальны, несмотря на свою метафизическую иллюзорность. И бедному Фаусту остаётся уповать только на милосердие Божие, на «Тот свет, который падает с высоты, откуда видно всё». Именно по

воле свыше лирический герой поэмы, «свидетель» диалога Фауста с Мефистофелем соединяет сердце с разумом любовью к Планете, и тогда свет творящего Логоса освещает его подсознание, и ему открывается астральное тело Земли.

Эта поэма-эссе, надеюсь, откроет путь к новой русской «фаустиане». Фауст, правда, не особенно русская тема, нам ближе Гамлет или братья Карамазовы, но тема Фауста может своеобразно преломляться, даже с восточно-метафизическим уклоном. Произведение Станислава Айдиняна — наглядное доказательство этого.

Лилит Козлова

Острота духовного слуха

“Подслушанный Фауст” — поэма-эссе Станислава Айдиняна на давно, казалось бы, оставленную тему: о Фаусте, пытающемся проникнуть в тайны Мироздания.

На первой же странице в тексте — образ — перо, которое принадлежало — некоему “тайному советнику”. Оно летит, это удивительное перо, и указывает золотыми бликами путь автору, нашему советнику-гиду в мире тайн. Проводящему по глубинам, скрытым пространствам, неявным мирам, по лабиринтам глубин человеческих. И мы, следя за ним в темноте мрачного подземелья, становимся свидетелями разговора Фауста с Мефистофелем — похоже, что он нескончаем. И снова звучит тема поиска Истины в этом, земном мире, в его замкнутом круге. Фауст таинственно сливается с Гамлетом, с его вечным вопросом о том, — “что мы увидим в вечном сне?” Оба они, Фауст и Гамлет, пытаются постичь мир умом, вычитать Истину из книг, вывести её из наук, воспользовавшись весом и мерой.

Но истина — за пределами круга, она — в Начале Начал, где нет ни времени, ни пространства, а есть Вечность и Бесконечность, в Том, что везде и всегда. Всё это есть в глубине вещей, а если человек ищет — себя и свои глубины, в которых истоки Мироздания, — он знает гораздо больше, чем может осознать и выразить словами. И автор входит в истинный мир, попадает за пределы круга, заглянув в глаза своему герою. И вот...

В чёрном от вечного горя Небе
Бвысь, Треугольником вверх
Засветлела лестница Иакова.

Светлый треугольник острием вверх, символ внутреннего восхождения и одухотворения. С острия истекает луч и утопает в Свете. Но есть и тёмный его антипод, и он тоже открылся автору, — треугольник острием вниз, — как символ падения в земные вожделения и отрасти, тёмная воронка, которая так легко засасывает человека! Мефистофель тогда хохочет и потирает руки, радуясь своей победе. Вместе оба треугольника образуют фигуру с шестью углами — знак Выбора.

А что мы выбираем? Где уравновешивается каждый человек, на каком уровне Бездны Мироздания? Разрывать нити, связывающие первозданно всё со всем, падая, — или связывая и укрепляя их, восходя и создавая новое, творя, и тем самым способствуя благополучию Мироздания, вписываясь в его Законы? Ведь в «мите равновесия — Смысл Вселенной», — напоминает автор. И гармония есть в каждом, но у всех такая разная! Она определяет пласт жизни, — её уровень, — к которому человек готов, который он выбирает и для себя строит.

В подслушанном разговоре с Мефистофелем звучит мысль Фауста, очевидная для древнего эзотеризма: Нечистый проникает в душу, но не в Дух. «А дух, нетленный, вечный Дух? — посланец Бога в каждом из нас, лампада Вечности?.. Душа — приманкою, но интересен только Дух, что кроется за нею, он так далёк, так не подвластен Вам!»

Неподвластность Мефистофелю Духа, который есть высота человеческой души... Возможность подвластности тёмным силам, соблазнам, одной только души, — ведь эзотерики утверждают, что именно она и несёт в себе личность с её особенностями и несовершенством. Душа, которая когда-то должна также отмереть — после перехода в иные миры — как это раньше случилось с телом, поражённым тем, что принято называть смертью. И тогда освобождается бессмертный Дух, который никогда не подчиняется никому, кроме Бога. То Вечное «Я», что может снова вернуться на Землю в новых оболочках — чтобы учиться дальше.

Но дух также может быть и запечатанным, и спящим — когда человек несовершенен и в жизни Бога не знает.

Тень жаждет тела — Тело будет тенью,
Хохочет горе — зарыдает радость,
Жизнь движет к смерти — Смерть творит рожденье...

Образ без конца пульсирующей Вселенной, Бесконечности, когда Начало сливается с Концом, подобный древнему знаку змеи, проглотившей собственный хвост...

В миг внутреннего равновесия, приобщившись Тишине Мироздания, автор попадает в бездну Вселенной, и поначалу валится вниз, в черноту – в дни, в суetu дел и повседневности. Только усилием воли можно остановить это падение. И он делает это усилие. И вот – остановка, и снова Тишина – внутренняя – как знак притихания земного «я», всей земной «твари».

Я закрыл широко раскрытые глаза,
Последним усилием погасил тёмный голос,
Воскресил тишину –
Став как зов, как молитва –
И почувствовал светлую боль,
Всем собой услышал –
С Недосягаемой Высоты
Голос Чистого Света
Голос пел существа и миры,
Достигал немыслимых глубин,
Размыкал круги безнадежности,
Связывал нити...

Но как же остановить бессмысленное вращенье на оборванной нити, где со связанными руками как бы распят автор? Только Любовью. Она, эта Любовь ко всей зримой вокруг Планете описана – хоть и не названа – автором как столкновение с Земным шаром, как падение на него, как удар его – в самое сердце.

«И тут я понял, что в космической метаморфозе столкновения Земной шар, став малым, как точка, вошёл в меня, весь исчез в моём сердце.

Сердце поглотило гигантскую Землю...»

Когда-то о таком же – удивительно – слиянии сказала Марина Цветаева «Река, слившись с морем, стала больше на целое море, на целого Бога, на целое всё. Река стала морем».

Сердце автора стало Планетой, с её горестями и бедами, радостями и болью. И вот тут-то открылись глубины, которые всегда одно с Высотами – и тогда везде и во всём – не только в каждой грани открывшегося взору Краеугольного камня – стало видно всё Творение.

А Мефистофель остался на дне чёрного «злого конуса» вместе со своими напоминаниями о «договоре».

Новое равновесие – с расширяющейся душой и полным Любви сердцем. Это о нём можно прочитать в стихах Зинаиды Миркиной, нашей современницы, Поэта и философа:

Весы миров. Две чаши вижу я,
Застывших в равновесии мгновенном,
И на одной лежит душа моя,
А на другой – всесильный круг Вселенной.
Какой же нужен неземной покой,
Какое затиханье в поднебесье,
Чтоб удержать недрогнувшей рукой
Таинственное это равновесье.

Великая Тишина прислушивания к небу. Уничтожение земного, бренного «я» с его земными интересами и вожделениями. И ещё – Любовь. Только полюбив всю Вселенную, вместив её в сердце, можно расширить душу до необъятности Мироздания и уравновеситься в Светлых Высотах.

Только полюбив...

14 мая 1995 г.

Анастасия Цветаева

Ночное эссе

В первую же встречу мою со Станиславом Айдиняном меня поразила вневозрастная зрелость этого молодого моего современника и это впечатление вскоре перешло в отношение и оценку: в общении с ним настолько отсутствует ощущение возраста (присутствие которого, наоборот, есть постоянное сопутничество в моих беседах с людьми) и – что оно с первого же дня создало особую – как не назвать её рабочей, ибо творческой, атмосферу, которая желанна и драгоценна, но почти для меня нереальна – потому что давно уже не встречалась моей человеческой и писательской старости, моему привычному старшинству – десятого десятка лет.

Это свойство Станислава, меня удивившее, через какой-нибудь час беседы вызвало в жизнь и непривычное восклицание:

– Вам двадцать шесть лет? Трудно поверить! Я бы скорее сказала сорок шесть? Но в сорок шесть у Вас, вероятно, будет длинная се ребряная борода?

На что, не удивясь и не рассмеявшись на шутку, мой гость улыбнулся любезно и благосклонно, тем подтвердив правильность моего впечатления.

Это – штрих характеристики Станислава. Рабочая же характеристика его без лишних слов такова, что через какие-то недели он стал моим помощником по составлению тома рассказов; а точнее сказать – стал редактором их с таким сознанием дела, с такой зоркостью, деловитостью, я думаю, и увлечением, – что вполне подтвердило выбранную – после окончания им в 1981 году Ереванского университета специальность.

В работе со Станиславом я всё глубже погружаюсь не только в разносторонность его дарований и широту его познаний в литературе, но и в его высокий вкус, в творческий темперамент, в привычку мыслить, оценивать и выражать, какие даются человеку только талантом писательского масштаба.

Кстати, мастерство его – редакторское не случайно. Я не оговорилась в характеристике ибо он, Станислав – действительно писатель. Его интеллектуальная проза возвращает к тем эпохам и странам, когда из прошлого в будущее прорастали вневременные произведения, плоды мысли, воображения, принимавшие форму эссе, легенд, философский новелл.

Словно свежей струей, горным воздухом повеяло от страниц Станислава Айдиняна, – в эпоху, когда начинают опоминаться от застоялости принудительного реализм, всё в искусстве упрощавшего столько десятков лет.

Это – крылатая проза, отлетающая от буден, улетающая в область чистой мысли, философской символики.

В прошлом веке так порывался писать Новалис, в будущем будут писать потомки. С мифологией нас связывают – свободная трактовка мифа о Сизифе, «Гефест и Пандора», а к европейской философии обращает «ПодслушанныйFaust», в котором раскрыта «антиномия» души и духа.

Малые произведения Станислава Айдиняна, как «Мгновение», «Звук», «Тишина» – поэтичны и глубоки.

В 1987 году я написала предисловие к его брошюре, которая была посвящена творчеству Агаси Айвазяна, армянского писателя. Тогда я писала: «В работе своей автор касается сокровенных А. Айвазяну идей – единства духовного и материального миров

в их взаимослитости и отраженности их в психике человека. Автор брошюры останавливается на особенностях мировоззрения А. Айвазяна, которое – как стрелка компаса направлено к идеи гармонии бытия. А. Айвазян по глубине мастерства достоин такого исследования. Работа Ст. Айдиняна представляет несомненный интерес для читателей». Брошюру «Малый жанр Агаси Айвазяна» издали в Ереване, в 1988-м.

Волею своею сдвинув плоскости наших жизней – в 26 и в 90 – Судьба настояла на более ценном, чем короткая, в юности, любовная встреча. Такое было не раз в истории мировой литературы и музыки – имена бы мне подсказала моя сестра Марина, свою юность глотавшая судьбы людей – днями, ночами чтения на трёх языках, пока я летала на норвежских коньках по Патриаршему пруду.

Я не преувеличиваю отношения Станислава ко мне, пора преувеличения прошла, но несомненно, что мною подарено ему незабвенное, воспитывающее (именно тем, что не «воспитываю») а просто живу рядом с ним в 90-94, с полным уважением к его 27-31 – как к непреходящей, вечной ценности молодости. Его молодости, своеобразной, «вневозрастной».

Не преувеличиваю: неизбежный день моих похорон поставит печать, краткую остановку на его дни, – но жизнь полетит дальше и, после некоторой пустоты, заменит ему меня другую незаменимою встречей.

В Станиславе и во мне есть сходство: «Холодок в сердце – знаете ли вы его?» (В.В. Розанов). Но мне грустно, что я – как он не увидел мою зрелость – так я не увижу его седин и морщин. Что не будет с ним зеркального моего понимания в годы его, может быть, одиночества.

И вот маленькое ночное «эссе», посвящённое Станиславу Айдиняну.

Илья Рейдерман

О «Химерионе»

Дело в том, что в Одессе жил замечательный, необычный художник – Георгий Фёдорович Цомакион (1884–1939). Впрочем, о том, что он художник, знали лишь его друзья. Известен же он был как превосходный врач, профессор, к которому ехали со всех концов страны. Прожил недолгую жизнь – умер от воспаления лёгких...

В те времена обычным делом были знания и умения, далеко выходящие за пределы основной специальности. Во всяком случае, я не могу назвать то, чем занимался Цомакион в области графики, словом *хобби*. Он был одержим одной-единственной темой. Он рисовал пером и китайской чёрной тушью, а также вырезал из дерева... химер! В его квартире отовсюду глядели химеры, призрачные существа, нежить. Конечно, глядя на них, вспоминаешь и Босха, и Гойю, но цомакионовская нежить – ни в коем случае не подражание. Это собственное мироощущение доктора Цомакиона – острое, тревожное, яркое.

Я не думаю, что химеры, воспроизведенные Цомакионом (он, по свидетельству знавших его, чаще называл своих персонажей не химерами, он звал их: *оны*), – всего лишь причудливая игра фантазии. Думаю, всё-таки был импульс, шедший извне. Так и тянется перефразировать: Откуда химеры? Из жизни, вестимо. В самом деле: переворотившаяся пореволюционная реальность, а тем паче тридцатые годы – химеричны, фантастичны! Ничёё бытие не гарантировано, под каждым почва шатается и расходится трещинами. Из глубин обнажившей свои бездны действительности вылетают зловещие химеры, задевают человека крылом, подталкивая к грани безумия. Вряд ли Цомакион думал тогда именно так, но реакции художника на то, что таится в реальности, всегда точны.

Станислав Айдинян, ещё в детстве, забегая к вдове академика В.П. Филатова (с которым дружил отец, народный артист Армении Артур Айдинян), видел в альбоме рисунки Цомакиона. Повзрослев, познакомился с дочерью художника, Людмилой Георгиевной Цомакион, проявил серьёзный интерес к его наследию – графике и малой скульптуре. И вот теперь – стихотворный сборник Ст. Айдиняна, посвящённый памяти Георгия Цомакиона...

Автор сборника “Химерион” как бы хочет эти химерические существа понять изнутри. Они – сгустки тьмы, они больны не объяснимою тоскою и влюблены в пустоту. Однако они включены в чертёж творенья, и у них есть право на существование. «Половзверюшки, полу-тени, полу-дети... Играют, плачут и заходят в сны». На них охотятся, но они прячутся в глубинах подсознания. Автор сборника играет с химерами, забавляется, шутит. Но всё же не забудем, что они – зловещи! Они там, где недостает света в жизни и душе человеческой.

Химеры вьются над Россией: они сводят с ума, они завидуют, желая завладеть всем, они очень не по-доброму наблюдают за людьми. Химеру-наблюдателя на рисунке Г.Ф. Цомакиона, следя рассказу Л.Г. Цомакион, автор стихотворений прямо отождествляет со следователем НКВД. А вот химера приходит к Адольфу Гитлеру – и с библейским пафосом пророчит великие ужасы войны. И несостоявшийся художник Адольф предстаёт как живописец, рисующий кровью... В сравнении с этим вполне невинны забавы химер, преследующих поэта Сологуба. И даже небезызвестная Моника оказывается химерой, возникающей из американского фильма.

Я начинаю догадываться, почему Станислав Айдинян вдруг с таким увлечением принялся писать о химерах. Вот ключ ко всему: Химера, вы к небытию щекою прислонились. Нарастающая виртуализация жизни – не есть ли её химеризация?! Виртуальные образы, экранные, компьютерные – нечто призрачное, бытия не имеющее. С нами происходит нечто, грозящее утратой подлинности, единственности жизни и судьбы. Может быть, химеры на рисунках Цомакиона и в стихах Айдиняна спрашивают нас: кто ты есть? Ты-то сам – настоящий ли, не виртуальное ли существо?

...Многие стихотворения Ст. Айдиняна принимают характер мeditаций. А также они – размышления о жизни и смерти, о времени, кружашем нас, как чёртово колесо в парковых аттракционах... Нельзя не заметить главной особенности мирочувствия автора “Химериона”: пространство, населённое химерами, космично. Может быть, и химеры способны напомнить нам об истинном масштабе Бытия, чтобы мы существовали не на плоскости обыденного, а в мироздании.

В книге “Химерион” среди стихотворений (преимущественно – верлибров), которые держатся энергией интонации, напряжением мысли, – к сожалению, попадаются и проходные...

Но в целом книга Ст. Айдиняна, со дня рождения живущего то на севере, в Москве, то на юге, для меня, постоянно размышляющего о проблемах культуры, являет нить культурной преемственности, соединяющей пластины Времени.

Газета «Вечерняя Одесса», 12 декабря 2002 года.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ИЗ ОБРАЗОВ ЗЕМНЫХ.....	3
«Стихи из образов земных...»	5
«Механика небесных жерновов...»	5
«Привратник мечется...»	5
«Кто вечерней росой омоет?.....	6
«Я ездил на двух черепахах тогда...»	6
«Крот из норы...»	7
«Для тех, кто в чудеса не верит...»	7
«Мы куда-то так плавно...»	8
«Брожу уже давно по белу свету...»	8
«Нам мифов прожитое солнце...»	8
«Садовник шёл по саду...»	9
«В небе тысячи исхоженных дорог...»	9
«Где остановка мира и предел...»	9
«Как медлит в тихом доме звук...»	10
«Когда от солнечных лучей...»	10
«Из звёзд, рассыпанных в рассрочку...»	10
«Куда уносится, куда уходит жизнь...»	11
«Нас будит на заре печаль...»	11
«Пчела летит к раскрытыму цветку...»	11
«Как странно чувствовать, любить...»	11
Золотистая осень	12
Время разбрасывать камни	12
«Как день проходит...»	13
«Вода, притворившись дождём...»	13
«Из стран печали...»	14
«Судьба, игла судьбы...»	14
«Душа – как пленница...»	14
«Многотравье, солнце, день...»	15
«Яблоко – плод золотой...»	15
Создание	15
«Под снегом дремлющим зерном...»	16
«Цель жизни – достиженье скорлупы...»	16

«Венец всесветного творенья...»	16
«В воздухе дорога...»	17
«Зачем извёстка кувшину?...»	17
Старик у окоёма	17
«Берег – от суши...»	18
«Я как старая скрипка...»	18
ВЕСЬ МИР – ОРГАННЫЙ ЗВУК.....	19
«Кому – горечь мира и Бог?...»	21
«Вербный день, горящий на крови...»	21
«Весь мир – органный звук...»	21
«Взмах отлетающий...»	21
«Я верую, громада ослепленья...»	21
«Я предрекаю восхожденье...»	22
«Тоскою страждущих извечно полон мир...»	22
Душа на снегу	22
Полёт лотоса	23
Танка	23
Ты – вездесущий	24
Божественное «До»	24
Белый конь	25
Огонь	25
Из цикла «Вода»	26
«Вода, твой призрак дождевой...»	26
«Вода упала в пламенную мглу...»	26
Из цикла «Корабли»	27
«Корабль снов дрейфует под луной...»	27
«Как грустно, что уходят корабли...»	27
Корабль Земли	27
«В театр веков распахнуты врата...»	28
«Крах чёрных волн о берега надежд...»	28
«Вечер, голос в темноте...»	29
«Пусть бешено несутся сквозь века...»	29

«Пусть днесь и вечно будет Слово...»	29
«Кресты взывают к небесам...»	29
«Тот, кто обошёл себя...»	30
«Да, кто-то любит дождь...»	30
ПРОСТРАНСТВА ПРИХОТЛИВЫЙ КРУГ	31
«Пространства прихотливый круг...»	33
Гносиc	33
«Верен огонь...»	33
«Жизнь коротка!..»	33
Вопрос	34
«Из точки рождено зерно...»	34
«Когда не будет «Я» и «Ты»?..»	34
«Кто глуп, ещё не значит – слаб...»	34
«Когда Вселенной правит Бог...»	34
«Мне над свечою тающий огонь...»	34
«Там, над землёю...»	35
Волны.....	35
Память	35
Свет и светоч.....	36
«День полон сил с утра...»	36
Путь ввысь.....	36
«Скрипач провёл усталою рукою...»	37
«Я вижу мысли – кругом по воде...»	37
«Возвращение тоже бывает...»	37
«Яблони снова цветут...»	38
Credo	38
«Любить людей – опасно...»	39
«Всё превращается, дымится пенной мглой...»	39
«Как узко раздвинуты ставни бытъя...»	40
«Судьба, судьба...»	40
«Над лагуною рассвет...»	40
«В пещерной чуткой глубине...»	41
На вершине мира	41
«Свивает время девственный клубок...»	42

«Вокруг пустыня...»	42
Средь	42
«Нет, не грустит вчераший день...»	43
«С утра до вечера вино...»	44
«Утром рано встало время...»	44
«Смерть без правил вышла на прогулку...»	44
«Великолепна ярость бытия...»	45
«Разбиться, выжить, умирая, — жить»	45
Единорог.....	45
Мы круг и возвращенье	46
 ПЕЙЗАЖИ.....	 47
«Всё призрачно в странной холодной стране...»	49
«Ясный день склоняет синеву...»	49
«Вечер, алеет закат как рассвет...»	49
«Как спокоен мир зелёный...»	50
«Строка одиночества плавно...»	50
«На сломах скал...»	50
«Это было?...»	50
«Я увидел луну на заре...»	50
«Я небу учусь у детей и стрекоз...»	51
Омовение	51
Шторм	52
У горного озера	52
Землетрясение в горах	52
«С каким упорством открываем...»	52
«Я раскрываю двери в старый дом...»	53
Дуб	53
«Куда-то подевался день...»	54
Цунами	54
Русская картинка	54
«Стирать терпение с домика в глухи...»	55
Одиночество луны	56
«Холодно, звонко несутся когортами...»	56

«Деревья стояли по пояс в снегу...»	56
Ночной костёр.....	56
«Вдоль тропы идёт гроз...»	57
«В полусне дождливого пространства...»	57
«Пусть разметает ветер пыль...»	57
Конец Августа.....	58
Ледяной зимний берег Чёрного моря.....	58
«Океан, темнота...»	58
Из цикла «Города».....	59
Город Александров	61
«О, Александровская грязь!..»	62
Александровский сад.....	62
Сузdalь	63
«Где сужается даль...»	63
Осенняя Таруса	64
У Тарусы	64
Песенка о Тарусе	64
Елабуга	66
Аккерман	66
Рим	66
Будапешт.....	67
Париж, Нотрдам	67
Париж, июль	67
Альгамбра в Гранаде	68
ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ОБ ОДЕССЕ	69
Одесса, осень	71
«Одесса – город городов...»	71
Из цикла «Жара в Одессе»	72
«Здесь в Одессе плачут?..»	72
Август, Одесса.....	72
Грустная картинка на весёлый лад.....	73

«Одесса – коммунальная квартира...»	74
Одесский климат	74
«Одесса – приключение...»	74
«Портной сошьёт из листьев город...»	74
«Шторм освещает всё в округе...»	75
«Одесса седеет зимою»	76
АНТИЧНОЕ.....	77
Океаниды подступающие	79
«Сплести венок из дерзких лилий...»	79
Весталка	79
Зимой у античного храма	80
«С каким бы чувством ни встречали...»	80
«В Греции всё есть...»	80
«Средь буйных зарослей алоэ...»	81
«Из облаков склубился Парфенон...»	82
«Не Эрос мне поёт вакхическую песнь...»	82
Rondo	82
«Ты изменил величье очертаний...»	83
«Нет, не трудись, не давай новое имя Горгоне...»	83
«В цветущих сумраках садов...»	83
В СИРЕНЕВОМ ВЕТРЕ.....	85
«Колокольчик звенит под дугою...»	87
«Мы – чужие...»	87
На крымский мотив	87
«К тебе ушла моя печаль...»	88
«Ты всё бежишь...»	88
«Нет, не грусть зовёт в дорогу...»	89
«Мы идём по кромке бытия...»	89
«Знаете ли вы...»	89
«Скалистый, ледяной простор...»	90
«Холод стужею в окно...»	90
«Я помню дом и стародавний сад...»	90

«Сиреневый ветер овеял лицо...»	91
Даль заснувших городов...	91
Колокольчик.....	92
Романс.....	92
«Громы шторма...»	93
«Изыящный облик тонкости, Восток...»	93
«В тебе скрывается бесёнок...»	94
«В безумных странах соловьи...»	94
«Солнце светит, восход...»	94
«Восточные глаза, как чёрное вино...»	95
«Из детства памятью назад...».....	95
Не уходи...	95
«Где розарий, что пахнет ванилью...»	96
Она со дна души.....	96
Сердце-Камыш.....	97
Женщине.....	97
Девушка-мечта.....	98
«Мне снилось – ты рядом...»	98
«Под небом северным...»	98
«Прости» – рифмуется с «Прощай»...	98
Из цикла «О любви»	99
Любовь рождается с тобою...	101
«На суще тонут без любви!...»	101
«Хотя любовь – занятие земное...»	102
«Джульбарсы лают и растёт ковыль...»	102
«Любовь перстом глухой судьбы...»	102
«Любовь – любви...»	103
Ревность	103
«Нам – горизонты звёздной пыли...»	103
«И в небо гаснущий цветок...»	104
MISCELLANEA.....	105
Картинки с выставки (<i>по Мусоргскому</i>)	107

Индра и Бритра.....	107
Котомка на лугу.....	108
«Всем ветрам открыта...»	108
«Фраз кривые зеркала...»	109
«Исцеленье там, где свет...»	109
«Стремлюсь, иду, бегу куда-то вдаль...»	109
В сказке.....	110
Теплица Бытия.....	110
«Ты Свет наматывай на спицы...»	110
Засыпающей	111
По пути	111
«Седая благодать...»	111
«Великолепие огня...»	112
«В пламенный воздух грива коня...»	112
«Утро. Тени. Первый снег...»	112
«Высохло русло...»	112
«Когда не в почву...»	112
Две строки.....	113
Иероглиф	113
«Объездить, как коня, свой мир.....	113
«На дне души осталось что-то...»	113
Молитва.....	113
Дождь.....	114
Спокоен день.....	114
«Часы идут, кругами повторяясь...»	114
Человечество	115
«Я дыню спелую пригрюю на груди...»	115
«До седьмого отвеса отмерена ждущая даль...»	115
«За какой разменною монетой...»	116
«Вы умеете загадывать желания?...»	116
И ТЁМНОЕ ПОЁТ, БЛЕСТЯ.....	117
«Короткий сон...»	119
«Опущен занавес...»	119
«От порога забвенья...»	119

«Сцеплением малой клетки и огня...»	119
Кальяна нощные цветы.....	120
«Зачем тревожной поступью, живой...»	120
Предание скал.....	120
«Огромный ангел исходит гневом...»	121
Волшебные врата	121
«Во чреве мира...»	121
«Бескрайние просторы неба...»	122
«Мы заглянули в глубину ...»	122
Неотвратимый дом	122
«Эта серая ночь...»	123
Стихает время...	123
Рыцарь-Призрак	124
«Чужая мне осень стучится...»	126
«Мне странно жить в кругу луны...»	126
«Осторожно, книги закрываются!..»	126
«Кайся, Каин...»	126
«К чему полёты в юность?..»	127
Преследование Дон-Жуана	127
«Перемещения племён...»	128
«Потери...»	128
«Я стою на старой кухне...»	128
«Как уходит скорбный труд...»	128
«Чугунный мускул клавишу нажал...»	129
«Ты – корни, ветви...»	129
«Пульсар радиовал минуты...»	129
Из цикла «Перед войной».....	130
«Я ловлю их ослепшие взгляды...»	130
«Меж облаков, что мимо пролетают...»	130
«Там безрукий, там безногий...»	130
«Тропа войны натоптана давно...»	131
«Да, нависли гроздья гнева...»	131
После последней войны	131
Эпитафия XX веку	131

КЛАССИКИ МИРА.....	133
Книга веков	135
Памяти И.В. Гёте	135
Из цикла «Вслед Данте».....	136
«Тихо, ночь...»	136
«Земля фосфоресцирует кругами...»	136
Путями Данта	137
«Свет и ветер, наважденья...»	137
RMR.....	137
«Деревья складками коры...»	138
Омару Хайяму	138
«Чашу полную я подношу к бороде...»	138
КОНСТАНТИНУ БАЛЬМОНТУ поэтический цикл.....	139
Константину Бальмонту	141
Шуйский экспромт.....	141
Бальмонту «Он пребывает в безизмерности...»	141
Памяти К. Баль蒙та «Черносердие злое витает вокруг...»	142
Бальмонт, Бальмонт....	142
Дух Бальмонта.....	142
«Бальмонту подарено дыханье...»	143
«Бальмонт солнце славословит...»	143
ЦВЕТАЕВСКИЙ ЦИКЛ	145
Роду ЦВЕТАЕВЫХ (<i>на открытие музея в Ново-Талицах</i>)....	147
Сестрам Цветаевым	147
Рукописи Анастасии Цветаевой	148
Марине Цветаевой.....	148
МЦ.....	148
А.И.Ц.....	149

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК	151
Андрею Белому	153
А. Белому	153
Вячеславу Иванову (Пред лик войны)	154
Максимилиану Волошину	154
Черубине де Габриак	155
Игорю Северянину	155
Велемиру Хлебникову	156
Ахматова – весталка Модильяни	156
Анне Ахматовой	156
Георгию Иванову.....	157
По мотивам переписки И. Бунина и Г. Adamовича	158
С. Надсону, поэту скорби	158
ПОЭТЫ МОСКВЫ	159
Булату Окуджаве	161
Евгению Бачурину	161
Кириллу Ковальджи	161
Владимиру Климуову.....	162
Ольге Щёпалиной. <i>Акростих</i>	162
Седе Вермишевой	162
Галине Данильевой. <i>Акростих</i>	163
Елене Тамбовцевой	163
Тает в небе мотылек. <i>Акростих Е. Тамбовцевой</i>	164
Наталии Сафоновой	164
Нат. Сафоновой	164
«Летают коршуны весны...». <i>Акростих Л. Осепяну</i>	165
Антипокаяние. <i>Ответ поэту Владимиру Коваленко</i>	165
Льву Болдову	166
ПОЭТЫ ОДЕССЫ	167
Илье Рейдерману.....	169
Инне Богачинской. <i>Акростих</i>	169

Triple Quibble for Inna Bogachinskaya.....	169
Игорю Павлову	170
Иг. Павлову	171
Ольге Ильницкой	171
Сергею Главацкому	172
Алене Щербаковой	172
Дружеский шарж.....	173
В Одессе Кира Сапгир.....	173

ХУДОЖНИКИ..... 175

Андре Дерен. «Женщина в рубашке»	177
Николай Рерих	177
Слон и Сальвадор Дали.....	177
По мотивам картины Ча Йюнг Сона	178
Илоне Гонсовской.....	178
Образам Наталии Баженовой	178
Татьяне Хромовой	179
Т. Хромовой.....	179
Живопись Зариной Кабуловой	179
<i>Андрею Мунтяну, цикл</i>	180
Творчество	180
Замок на горе.....	180
Жертвенник.....	180
Книга жизни	181
Мадонна в замке	181
Замок осенью	181
Константину Скопцову	181
Аида Ханемайер.....	182
Наталии Родиановской. <i>Акростих</i>	182
Ирине Заговорчевой. <i>Акростих</i>	182
Юлии Долгоруковой. <i>Акростих</i>	183
У офорта Александра Калугина	183
Александру Худченко.....	183
Художнице Виктории.....	184

Сергею Алфёрову.....	184
Живопись Руслана Аликперова	184
СОВРЕМЕННИКИ	185
Кате Раисовой-Фальц-Фейн	187
Нике Волковой и Вадиму Гринбергу	187
Трехцветный гость. Изабелле Григорьевне Леви	187
Вы нервно говорливы в пустоте	188
Смиренное послание пилигрима.....	188
Инженер Рукин	189
Геннадию Группу	189
Люсъене Клаупик.....	189
У Аллы Рахманиной	190
Тамаре Мельничеко	190
Захарию Агаджанову	191
М.Б. Аксиненко и А. Захаровой	191
Путеводитель по жизни Нарине Эйрамджянц	191
Аиде Ханемайер.....	192
Е. Лазъяну	193
Андрею Канцуротову и Нодару Доминову	194
Петру Калитину	194
Призрак Федора Сологуба – Владу Яриле –	
Владимиру Чуприкову.	195
ЗЕМЛЯ ХАЙАСТАН.....	197
Тишина времени	199
Триптих <i>У картины Акопа Акопяна</i>	199
«Армения, вершины гор...»	200
Земля Хайастан	201
«У Газарьянца в тихом Аккермане...»	201
ИЗ РАННЕГО	203
Кристалл	205

«Зажгись короной лучевой...»	205
Из древнего свитка	205
Поиск единства	205
Поэмы камня	206
«Бессмертные слышшишь посланья...»	206
Ковёр жизни	207
«Гуманность говорит: – не убивай!..»	207
Век XVIII.....	208
Ода	209
«Молчание – согласья знак»	210
Весёлая мелодия	211
«В провале горной высоты...»	211
«Не вернуться, не встретиться полночью...»	211
О Пушкине	211
«В домах немало под полом существ...»	212
СМЕХОТВОРЕНИЯ	213
«Играют кошки в домино...»	215
«Медведь уселся на жирафа...»	215
«Дрожит от страха павиан...»	215
«Мартышка злобно хохотала...»	215
«Лягушонок хоть и мал...»	215
«А вот крот...»	215
«Мы в кино не ходим больше...»	215
«Долго, долго нашу Машу...»	216
Заведение.....	216
Дорогой гость.....	216
«Сон разума однажды...»	216
«К веку – век...»	217
Плохая басня	217
Мнительное.....	217
«Я двух больших клопов убил...»	218
Боримиру.....	218
«Один упрямый муэдзин...»	218

«Я кот одинокий, на ветви сижу...»	218
«Во сне всплывают чудища-уроды...»	218
«И брёхает дура-собака...»	219
«В нашем путном государстве...»	219
Очаг пожара арьергардный	219
Invectiva	220
Х И М Е Р И О Н Цикл стихотворений	221
О Химерах Предисловие Ст. А.	223
Взгляд на химер	224
«Везде химеры тыгчутся в углы...»	224
Химеры	224
«Химеры дремлют на соборе...»	225
«Восход горит над тишиной...»	225
«Химерам мало места на Земле...»	226
«Химеры – странные созданья...»	226
«В химере – лев, коза, змея...»	226
Химера в пустоту.....	227
Химера на стыке миров	227
«Хи...»	227
Вопрос о Химере	228
Наблюдение нежитей	229
Чучело древней Смерти	229
Химеры краем глаза.....	230
Мифогенезис Химеры.....	231
Химеры над Россией	231
«Химеры не кончаются...».....	231
Ключ жизни химер	232
Философема Химеры.....	232
Сон Химеры.....	233
«Химера счастлива когда?..»	234
Химера у двери	234
«Вы, вроде, не верите в Химеру...»	234
«Химера открывает глаз...»	235

Труд по химерологии.....	236
Химеры разные	236
«Химере хочется на волю...»	236
Химера летящая	237
Химера-оборотень.....	237
Три химеры	238
Химера на пожаре.....	239
«Химера скосила глаза...»	239
«Химера под именем «Нет»...»	240
«Химера под именем «Всё!»...»	240
Женщина и Химера	240
«Из глубины веков встают...»	241
Химеры неизвестности	241
Химера-привидение.....	242
Химера ожидающая	242
Химера обозналась	242
Химера-бабушка	243
Химера путешествует в молоке	243
Химера в вербене	244
Чистота может искушать.....	245
«Химера на исходе дня...»	246
Химера на башне	247
Светская дама Химера.....	248
Химера знает.....	248
Химера ожирения	248
Химера и обелиск.....	249
«Химера под крылом несла чертёж...»	250
«В ночь завернула...»	250
Химера замыкающая	251
Химера-кулинар.....	251
На сеансе спиритизма.....	252
Химера Никто.....	253
Химера от первого лица	253
Химера о Париже.....	253

Мысли Химеры о домашних животных	254
Погони за химерами.....	255
Охота на химер Погоня.....	255 256
«Кошка вцепилась в химеру...»	256
Химера и шут	257
Химера и паук	258
Химера и другие.....	260
Ронсар и Химера	260
Химера и Адольф	260
Крошка Цахес	262
Химера и девочка.....	262
В.Я.Брюсов и химера	264
Химера, Командор и Дон Жуан	265
Тютчев и химеры	265
Химеры у Ф.Сологуба.....	266
Поэт на кладбище	266
Поль Валери и Химера Океана	267
Химера в малодушном	268
Химера безумия	270
Химера по дороге к И.И. Машкову	270
«Какие снятся сны...»	271
Хименес гибнет от Химеры.....	271
Химера и яблоко	272
Химера и издатель Г.Групп	272
Грифон и Химера	273
Химера и сова	274
К башне.....	275
Химера и Кикимора.....	276
Химера и Павлин о гневе и счастьи	276
Цветок и химера	277
Страх и Химера.....	277
Химера и трава	278
«Чайка Джонатан Ливингстон...»	279

Химеры Цомакиона.....	279
Химера у Цомакион	279
Химера-наблюдатель	280
Химера-Тишь.....	280
Химера Верности	281
Непокой.....	281
Химера Зависти	281
Химера Ярости.....	282
Химера скульптурная.....	282
В доброе старое время.....	282
Химеры-кустари.....	283
Мои химеры.....	284
«Да, я сижу на берегу...»	284
Химера и Совесть	284
«Не можем, нет, не можем без химер...»	285
Химера и вино	285
«Химера, химера, химера...»	285
Химера из угла	286
Аппетит химеры	286
«Я часто о химерах говорю...»	286
Химера и время	287
«Спасибо, Господи...»	287
Обращения к Химере	289
«Химера! Ты уходишь в тишину...»	289
На дне судьбы	289
«Химера, выходи гулять...»	290
Химера в паутине лучай	290
«Поплачь, химера...»	291
Химера алкоголя.....	291
Головная боль	292
«Химера! Вы к небытию...»	292
Химеры отстранённые	293
«В тяжких сосцах, полных медом...»	293
Рассуждение духов о Химере	293

«С доски каминной...»	294
«На перекрестке трех дорог...»	294
Химериады звезд.....	295
«Весёлые» химеры.....	295
Химера и бензин	295
«Жили-были три лягушки...»	295
Лексоформула ХиМеР	296
Химера танцует.....	297
«За горой сидит химера...»	298
Химеру видит маленькая девочка	299
Химера и старушка	299
Химера и Грифон в Одессе.....	299
«Однажды дед Мазай...»	300
Сюжет американского фильма	301
Химеры завершающие	302
На куполе неба.....	302
Соблазн химеры	303
Бескрайний горизонт Земли	304
Оркестровое завершение	304
Г.Ф. Цомакион Графика	305
ИЗ ПЕРЕВОДОВ	321
Хорхе Луис Борхес Соучастник	323
Иоганн Вольфганг Гете «Божественное (Человек)»	323
Ваан Терян «Октябрь. Холод. В дверь стучится ветер...»	325
Переводная русская Дантеана. <i>Очерк-предисловие</i>	326
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ АД	333
Песнь первая.....	333
Песнь вторая.....	337
Песнь третья	342

МЫСЛИ, АФОРИЗМЫ, ВОПРОСЫ И ПАРАДОКСЫ	347
ПОДСЛУШАННЫЙ ФАУСТ <i>поэма-эссе</i>	363
ПРИЛОЖЕНИЯ	375
Юрий Мамлеев	
«ПОДСЛУШАННЫЙ ФАУСТ» Станислава Айдиняна	375
Лилит Козлова ОСТРОТА ДУХОВНОГО СЛУХА.....	380
Анастасия Цветаева НОЧНОЕ ЭССЕ	383
Илья Рейдерман О ХИМЕРИОНЕ.....	385

Айдинян Станислав Артурович

**Механика небесных жерновов.
Стихи двух веков**

Литературно-художественное издание

ISBN 9785913671042

Академия гуманитарных исследований
Издательский дом «Гуманитарий»
E-mail: academyrh@list.ru

Техническое редактирование и вёрстка: Левон Осепян

Подписано в печать 19.11.2014 г.

Формат 60x84/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура типа Таймс.

Печ. л. 26,25. Тираж 400 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Астра-Полиграфия»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 33Б, строение 1.